

255.
В 90975/

2-й кн

841.71(1859)-2

СОЧИНЕНІЯ

А. ОСТРОВСКАГО.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ИЗДАНИЕ ГРАФА Г. А. КУШЕЛЕВА-БЕЗБОРОДКО.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ РЮМИНА И КОМЪ., ВЪ ТОРГОВОЙ, 17.

1859.

115-1

0

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, было представлено въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 17. Октября 1858.

ЦЕНСОРЪ *И. Гончаровъ.*

✓ +

СЕМЕЙНАЯ КАРТИНА.

СЕМЕЙНАЯ КАРТИНА.

ЛИЦА.

АНТИПЪ АНТИПЫЧЪ ПУЗАТОВЪ, купецъ, 35 лѣтъ
МАТРЕНА САВИШНА, жена его, 25 лѣтъ.
МАРЬЯ АНТИПОВНА, сестра Пузатова, дѣвица, 19 лѣтъ.
СТЕПАНИДА ТРОФИМОВНА, мать Пузатова, 60 лѣтъ.
ПАРАМОНЪ ФЕРАПОНТЫЧЪ ШИРЯЛОВЪ, купецъ, 60 лѣтъ.
ДАРЬЯ, горничная Пузатовыхъ.

(Комната въ домъ Пузатова, меблированная безъ вкуса; надъ диваномъ портреты, на потолокъ райскія птицы, на окнахъ разноцвѣтное драпри и бутылки съ настойкой. У окна, за пальцами, сидитъ Марья Антиповна).

МАРЬЯ АНТИПОВНА *(шьетъ и поетъ вполголоса):*

Черный цвѣтъ, мрачный цвѣтъ,
Ты мнѣ милъ всегда!

(Задумывается и оставляетъ работу).

Вотъ ужъ и лѣто преходить и сентябрь на дворѣ, а ты сиди въ четырехъ стѣнахъ, какъ монашенка какая нибудь, и къ окошку не подходи. Куда какъ антиресно! *(Молчаніе.)* Что жъ, пожалуй, не пускайте! запирайте на замокъ! тиранствуйте! А мы съ сестрицей отпросимся ко всенощной въ монастырь, разодѣнемся, а сами въ паркъ

отличимся, либо въ Сокольники. Надо какъ нибѣдь на хитрости подыматься. (*Работаетъ. Молчаніе.*) Что жъ это нынче Василій Гаврилычъ ни разу мимо не прошелъ?... (*Смотритъ въ окно.*) Сестрица! сестрица! офицеръ ѣдетъ!... поскорѣй, сестрица!... съ бѣлымъ перомъ!

МАТРЕНА САВИШНА (*вбѣгаетъ*).

Гдѣ, Маша, гдѣ?

МАРЬЯ АНТИПОВНА.

Вотъ, посмотрите. (*Смотрятъ обѣ.*) Кланяется. Ахъ, какой!
(*Прячутся за окно.*)

МАТРЕНА САВИШНА.

Какой хорошенькій!

МАРЬЯ АНТИПОВНА.

Сестрица, посидимте здѣсь: можетъ быть, назадъ поѣдетъ.

МАТРЕНА САВИШНА.

И, что ты, Маша! Приучишь его: онъ и будетъ каждый день по пяти разъ мимо ѣздить. Послѣ съ нимъ и не развяжешься. Ужъ я этихъ военныхъ-то знаю. Вонъ Анна Марковна приучила гусара: онъ ѣздитъ мимо, а она поглядываетъ да улыбается. Что жъ, сударыня мой: онъ въ сѣни верхомъ и въѣхалъ.

МАРЬЯ АНТИПОВНА.

Ахъ, страмъ какой!

МАТРЕНА САВИШНА.

То-то и есть! Ничего такого не было, а слава-то по всей Москвѣ пошла... (*Смотритъ въ окно.*) Ну, Маша, Дарья идетъ. Что-то она скажетъ?

МАРЬЯ АНТИПОВНА.

Ахъ, сестрица, какъ бы она маменькѣ не попалась!

ДАРЬЯ (*вбѣгаетъ*).

Ну, матушка Матрена Савишна! совсѣмъ было попалась! Бѣгу я, сударыня, на лѣстницу, а Степанида Трофимовна прямехонько такъ-таки тутъ и была. Ну, за шелкомъ, молъ, въ лавочку бѣгала. А

то вѣдь она у насъ до всего доходитъ. Вотъ, вчера съ, прикащикъ Петруша...

МАРЬЯ АНТИПОВНА.

Да они-то что жь?

ДАРЬЯ.

Да! кланяться приказали. Вотъ, сударыня, прихожу я къ нимъ: Иванъ Петровичъ на диванѣ лежитъ, а Василій Гаврилычъ на постели... или, бишь, Василій Гаврилычъ на диванѣ. Табакомъ закурили, сударыня: не продохнешь просто.

МАТРЕНА САВИШНА.

Да что говорили-то?

ДАРЬЯ.

А говорили-то, сударыня ты моя, чтобы непременно, говорить, нынче въ Останкино прѣзжали, этакъ въ вечерни, говорить. Да ты, говорить, Дарья, скажи, чтобы безпремѣнно прѣзжали, хоть и дождикъ будетъ, все бы прѣзжали.

МАРЬЯ АНТИПОВНА.

Что жь, сестрица, поѣдемте!

МАТРЕНА САВИШНА.

Ну, такъ ты, Дарья, бѣги опять да скажи, что, молю, прѣдутъ.

ДАРЬЯ.

Слушаю-съ. Больше ничего-съ?

МАРЬЯ АНТИПОВНА.

Да скажи, Даша, что принесите, молю, какихъ-нибудь книжечекъ почитать; дескать, барышня просить.

ДАРЬЯ.

Слушаю-съ. Больше ничего?... Ахъ, сударыня! я было и забыла совсѣмъ. Иванъ-то Петровичъ приказывалъ: да скажи, говорить, чтобы мадеры привезли; хорошо, говорить, на вольномъ воздухѣ.

МАТРЕНА САВИШНА.

Хорошо, хорошо, привеземъ!

ДАРЬЯ (*подходитъ къ Матренѣ Савишнѣ и говоритъ вполголоса*).

Да еще, Матрена Савишна, Василій-то Гаврилычъ говоритъ Ивану Петровичу: конечно, говоритъ, твое дѣло другое и, говоритъ, Матрена Савишна женщина замужняя... ну, и все такое... А Марья-то Антиповна, говоритъ, дѣвушка... не то, чтобы что либо-што. А это, говоритъ, полагать надо, баластво одно. И говоритъ, того-и-гляди, что за бородача за какого нибудь выдадутъ. А выходить, говоритъ, хлопотать не изъ чего. Не то, что насчетъ чего... ну, сами понимаете... А я, говоритъ, человѣкъ бѣдный... Кабы жениться, я, говоритъ, не прочь. Да, говоритъ, не съ нашимъ рыломъ да въ калачный рядъ. Это Василій-то Гаврилычъ Ивану Петровичу говоритъ. Твое, говоритъ, дѣло другое. Матрена Савишна женщина замужняя... съ чиновникомъ все можетъ случиться... зима, говоритъ... ну, и шуба енотовая. Какъ ни-на-есть.

МАТРЕНА САВИШНА.

Ахъ, ты дура! а ты бы сказала, что, моль...

ДАРЬЯ (*прислушиваясь*).

Никакъ, матушка, самъ пріѣхалъ... (*Подходитъ къ окну.*) Такъ и есть. На крыльцо лѣзетъ.

МАТРЕНА САВИШНА.

Ну, такъ ты уже сбѣгай, когда будемъ чай пить.

ДАРЬЯ.

Слушаю-съ. (*Голосъ изъ передней: Жена! а, жена! Матрена Савишна!*).

МАТРЕНА САВИШНА.

Что тамъ?

АНТИПЪ АНТИПЫЧЪ (*входитъ*).

Здравствуй!... А ты думала, Богъ знаетъ что! (*Цѣлуются.*)
Поцѣлуй еще... (*Заигрываетъ.*)

МАТРЕНА САВИШНА (*жметя*).

Полно дурачиться-то, Антипъ Антипычъ! перестань! Э! какъ тебѣ не стыдно!

Антипъ Антипычъ.

Да поцѣлуй!

Матрена Савишна.

Ахъ, отстань, ради Бога!

Антипъ Антипычъ.

Уважь! (*Цѣлуются.*) Ай да жена! Вотъ люблю! Ай да Матрена Савишна! (*Садится на диванъ*). А знаешь ли что, Матрена Савишна?

Матрена Савишна.

Что еще?

Антипъ Антипычъ.

Хорошо бы теперь чайку выпить-съ. (*Смотритъ въ потолокъ и отдувается*).

Матрена Савишна.

Дарья! (*Входитъ Дарья.*) Давай самоваръ да спроси ключи у Степаниды Трофимовны. (*Дарья уходитъ. Молчаніе. Марья Антиповна сидитъ за пяльцами; Матрена Савишна подль нея. Антипъ Антипычъ смотритъ по угламъ и изрѣдка вздыхаетъ*).

Антипъ Антипычъ (*грозно*).

Жена! поди сюда!

Матрена Савишна.

Что еще?

Антипъ Антипычъ.

Поди сюда, говорятъ тебѣ! (*Ударяетъ по столу кулакомъ*).

Матрена Савишна.

Да что ты, очумѣль, что ли?

Антипъ Антипычъ.

Что я съ тобой издѣлаю! (*Стучитъ по столу*).

Матрена Савишна.

Да что съ тобой? (*Робко.*) Антипъ Антипычъ!

Антипъ Антипычъ.

А! испугалась! (*Смѣется.*) Нѣтъ, Матрена Савишна, это я такъ — шутки шучу. (*Вздыхаетъ.*) Что же чайку-то-съ?

Матрена Савишна.

Сейчасъ! Ахъ, батюшки, авось не умрешь!

Антипъ Антипычъ.

Да что жъ такъ-то сидѣть! скука возьметъ. (*Входитъ Степанида Трофимовна. Дарья несетъ самоваръ.*)

Степанида Трофимовна.

Вотъ пострѣль! Прости Господи! Эка угорѣлая дѣвка! Ну что ты бѣжишь-то сломя голову! Вѣдь надъ нами не каплетъ. Да ужъ и ты-то, отецъ мой, никакъ съ ума снятилъ: который ты разъ чай-то пить принимаешься! Дома два раза пилъ да, чай, въ городѣ-то нахлебался! (*Паливаетъ чай.*)

Антипъ Антипычъ.

Что жъ! Ничего! Что за важность! Не хмѣльное! Пили-съ. Вотъ съ Брюховымъ ходили, ходилъ съ Саввой Саввичемъ. Что жъ! Отчего съ хорошимъ человѣкомъ чайку не поить? А я нынче, матушка, Брюхова-то рублевъ на тысячу оплелъ. (*Беретъ чашку.*)

Степанида Трофимовна.

Ужъ гдѣ тебѣ, дитятко! Самого-то, чай, кругомъ обманываютъ. За прикащиками ты не смотришь, торговлей не занимаешься. Ужъ какая это, Антипушко, торговля! съ утра до вечера въ трактирѣ сидите, брюхо паливаете. Охъ! никакого-то, какъ посмотрю я, у васъ порядку нѣту. Ужъ вы и меня-то съ пути сбили. По утру самоваръ со стола не сходить до одиннадцати часовъ: сначала молодцовъ (*) напоишь, въ городъ отпустишь; потомъ ты, родимый, поднимаешься: тебя-то скоро ли ублаготворишь; потомъ барыня-то твоя. Не то, что къ обѣдни сходить, вы и лба-то перекрестить не дадите, прости Господи! Какъ бы жилъ ты, Антипушко, по старинѣ-то, какъ порядочные люди-то живутъ: всталъ бы ты въ четыре часа, за порядкомъ бы посмотрѣлъ, на дворѣ поглядѣлъ бы, и все такое, и все какъ слѣ-

(*) Молодцовъ — прикащиковъ.

ственно, къ обѣдн бы сходилъ, голубчикъ, да и хозяйшку-то свою поднялъ бы: «вставай, моль, полно нѣжится-то! пора за хозяйство приниматься.» Да таки и хорошенько бы. Что смотришь-то на меня? правду говорю, Матрена Савишна, правду.

МАТРЕНА САВИШНА.

Ужь вы теперь начнете!

СТЕПАНИДА ТРОФИМОВНА.

Ахъ, мать моя! да вѣдь мной только домъ-то и держится. Ужь не тебѣ ли хозяйкой быть, сударыня! Нѣтъ, погоди, матушка, молода еще, мелко плаваешь! Ну, сама ты посуди: встаешь ты — стыдно сказать, а грѣхъ утаить — въ одиннадцатомъ часу; а я-то тебя за самоваромъ изволь дожидаться.... а я, сударыня, постарше тебя, — такъ-то-сь. Больно барственно, Матрена Савишна, больно барственно! Ужь какъ ни финти, а барыней не бывать, голубушка ты моя, — все-таки кунчиха. Это, сударь ты мой, разрядится, мантилин да билиндрасы разные навѣшаетъ на себя, растопырится, прости Господи, распуститъ хвостъ-то, какъ павлинь.... фу-ты, прочь поди.... такъ и шумить! А ужъ ты, Матрена Савишна, какъ ни крахмалься, а все-таки не барыня.... тѣхъ же щей, да пожиже влей!

МАТРЕНА САВИШНА.

Что жъ, не въ платочкѣ же мнѣ ходить, и то сказать!

СТЕПАНИДА ТРОФИМОВНА.

А ты, сударыня, своимъ званіемъ не гнушайся.

АНТИПЪ АНТИПЫЧЬ.

Отчего жъ не нарядиться, коли есть во что? Ничего. Можно. Что за важность? Да она у меня, какъ разрядится-то, такъ лучше всякой барыни, вальяжиѣе, ей-Богу! Вѣдь тѣ все мелочь; съ позволенія сказать, взглянуть не на что нашему брату. А она-то у меня таки-тово.... То есть я.... насчетъ тѣлеснаго сложенія. Ну, и все такое!

МАТРЕНА САВИШНА.

Ужь ты, Антипъ Антипычъ, заврался, кажется.

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Какъ вамъ, братецъ, не стыдно? всегда конфузите.

Антипъ Антипычъ.

Что жь такое? Нешто я что дурное сказалъ? Что за важность! Иногда и не то скажешь, да съ рукъ сходить. Я какъ-то вотъ при генералѣ такое словечко ухнулъ, что самому страшно стало: да что жь дѣлать-то! не схватишь да опять не спрячешь. А это я супротивъ той точки рѣчь веду, что понаряднѣе все-таки лучше; то есть хоть и не барыня, а все-таки.... то есть на линіи.... Что за важность!

Степанида Трофимовна.

Знаю, голубчикъ, знаю. Да вотъ какъ съ тобой вмѣстѣ-то выѣдетъ она куда-нибудь, разодѣнется-то, знаешь ли, да перо-то на сажень распустить, то-то, чай, она, бѣдная, думаетъ: «эко-дескать горе мое: мужъ-то у меня пузастый да бородастый какой, а не фертикъ-дескать какой-нибудь раздушенный да распомаженный!»

Антипъ Антипычъ.

Чтобъ она меня, молодца такого, да промѣняла на когонибудь, красавца-то этакого! (*Разглаживаетъ усы*). Ну-ка, Матрена Савишна, поцѣлуйте-съ! (*Матрена Савишна цѣлуетъ его съ притворною нлжностью*).

Степанида Трофимовна.

Эхъ, дитятко, врагъ-то силенъ! Мы съ покойникомъ жили не вамъ чета: гораздо-таки полюбовнѣе, да все-таки онъ меня въ страхѣ держалъ, царство ему небесное! Какъ ни любилъ, какъ ни голубилъ, а въ спальнѣ, на гвоздикѣ, плетка висѣла про всякой случай.

Матрена Савишна.

Ужъ вы меня всегда съ мужемъ разстроиваете: что я вамъ за злодѣйка такая!

Степанида Трофимовна.

А ты, матушка, молчи лучше!

Матрена Савишна.

Какже! стану я молчать!... дожидайтесь!... Я, слава Богу, купчиха первой гильдіи: никому не уступлю!

Степанида Трофимовна.

Великая важность!—купчиха ты! Видали и почище васъ. Я и сама отъ семи собакъ отгрызусь....

МАТРЕНА САВИШНА.

А все-таки молчать не заставите! Не родился тотъ человекъ на свѣтъ, чтобы меня молчать заставилъ.

СТЕПАНИДА ТРОФИМОВНА.

А ты думаешь, мнѣ очень нужно! А Богъ съ вами; живите, какъ знаете: свой разумъ есть. А ужъ къ слову придется, такъ не утерплю: такой характеръ. Не передѣлаться мнѣ для тебя.... (*Молчаніе. Всѣ сидятъ надувшись.*) Да вы у меня и Машутку-то избаловали совсѣмъ.

АНТИПЪ АНТИПЫЧЬ.

А что, Маша, хочешь, я тебѣ жениха найду?

СТЕПАНИДА ТРОФИМОВНА.

Давно бы тебѣ пора хватиться-то: ты, кажется, и забылъ, что у тебя сестра дѣвка на возрастѣ.

МАРЬЯ АНТИПОВНА.

Что вы, маменька! все «на возрастѣ да на возрастѣ!» Мнѣ вѣдь не Богъ знаетъ сколько.

СТЕПАНИДА ТРОФИМОВНА.

Полно модничать-то, сударыня! Я по четырнадцатому году замужъ шла; а тебѣ вѣдь — стыдно при людяхъ сказать — двадцать лѣтъ.

АНТИПЪ АНТИПЫЧЬ.

Хочешь, Маша, Косолапова посватаю?

МАРЬЯ АНТИПОВНА.

Ахъ, братецъ, да отъ него и въ мясоѣдъ всегда лукомъ пахнетъ, а въ постъ-то такъ просто ужасъ.

АНТИПЪ АНТИПЫЧЬ.

Ну, Перепяткина: чѣмъ не женихъ? (*Смѣется.*)

МАРЬЯ АНТИПОВНА.

Да вы, братецъ, это нарочно мнѣ все уродовъ навязываете.

АНТИПЪ АНТИПЫЧЬ.

Что жъ. Ничего. Хорошіе женихи, Маша, хорошіе! (*Смѣется.*)
Важные женихи!

МАРЬЯ АНТИПОВНА.

Да вы это все на смѣхъ! (*Чуть не плачетъ*).

СТЕПАНИДА ТРОФИМОВНА.

Да ты полно зубы-то скалить! Я дѣло говорю, Антипъ Антипычъ! Что балясничать-то! А ты, сударыня, не бойся: женихи найдутся, любовь выбирай: ты у насъ вѣдь не голь саратовская — невѣста съ приданымъ. Только за благороднаго не отдамъ... ты и не думай, и не воображай себѣ.

АНТИПЪ АНТИПЫЧЪ.

Ужъ будто, матушка, промежду благородныхъ-то и путныхъ пѣтъ совсѣмъ. Нѣтъ, что жъ, бываютъ. (*Смѣется*).

СТЕПАНИДА ТРОФИМОВНА.

Какъ, батюшка, не быть: во всякомъ сословіи есть. Да ужъ всякому свое. Отцы-то наши не хуже насъ были, да въ дворяне не лѣзли.

АНТИПЪ АНТИПЫЧЪ.

Что же, отчего за благороднаго не отдать? Ничего. Можно. Что за важность!

СТЕПАНИДА ТРОФИМОВНА.

Эхъ, голубчикъ! хорошій-то, который постепеннѣе, не возьметъ: тому надо мало-мало сотню тысячъ, а то двѣ, либо три; ну, а другіе, такъ хоть бы ихъ и не было совсѣмъ. Только что чванится собой, да благородствомъ своимъ похваляется: «я де благородный, а вы мужики»; а самъ-то вѣдь голь какая нибудь, такъ выжига, прости Господи! Знаю я ихъ. Вотъ Лопатиха за благороднаго отдала, не спросясь добрыхъ-то людей. А я еще тогда самой-то говорила: »Эхъ, Максимовна, не садись, молю, не въ свои сани; вспомнешь ты меня, да поздно будетъ.» Такъ что жъ? «Я, говоритъ, дѣтищу своему не врагъ; хочу, говоритъ, какъ все къ лучшему; все-таки, говоритъ, благородный, а не купецъ: можетъ и дослужиться и въ чины произойти.» Да вотъ теперь, хватъ-похватъ, ашь дыра въ горсти. И близко локоть-то, да не укуеишь. Денжонки-то, что дали, которыя проигралъ, которыя въ картишки проигралъ, сердешный! (*Вздыхаетъ*.) Я и на свадьбѣ-то была: банкетъ такой едѣлали, упаси Господи! Покажите, говорю, жениха-то. Что жъ, сударь ты мой, вотъ какъ теперь гляжу:

маленькій да гнусенькій такой, да фрачишко-то на немъ этотъ на-
тянуть короткохвостый, весь какъ облизанный. Да вертится, прости
Господи, какъ бѣсъ какой, на мѣстѣ не посидитъ. И на жениха-то
не похожъ; чужой человекъ и не узнаеть, ей-Богу, не узнаеть.
Только фалдочки трясутся. Тутъ же я и подумала: знать, моль, вы,
сердешные, хуже-то не нашли (*смыются всѣ*). Да нечего и гово-
рить: всякой знаетъ. Ну, положимъ такъ: не всѣ же пьяницы, по-
падается и трезвый человекъ... такъ онъ тебя табачищемъ однимъ
изъ дому выкурить, либо — грѣшное дѣло — по постамъ скоромное
лопаетъ. (*Плюетъ.*) Фу ты мерзость какая, прости Господи!...
Тамъ кто ихъ знаетъ, можетъ, они по службѣ-то своей, у должности,
и хорошіе люди, дѣльные, да намъ-то, сударь ты мой, дѣло неподхо-
дящее. То ли дѣло, Маша, купецъ-то хорошій.

Антипъ Антипычъ.

Знаешь ли, Маша, гладкій да румяный, вотъ какъ я. Ужъ и
любить-то есть кого, не то — что стракулиеть чахлый. Такъ ли,
Маша, а?

Марья Антиповна.

Да что вы, да я не знаю.... (*Потупляетъ глаза.*)

Антипъ Антипычъ.

Пора не знать! Ну, вотъ Матрена Савишна знаетъ.... Правду
я говорю, Матрена Савишна: вѣдь купецъ лучше, а?

Матрена Савишна.

Ужъ ты наладишь одно и то же!

Степанида Трофимовна.

Что жъ, Маша, извѣстное дѣло: ужъ и приласкать есть кого.

Марья Антиповна.

Ахъ, маменька! Да что вы, ей-Богу! Я уйду. Пойдемте,
сестрица! (*Убѣгаетъ, за ней Матрена Савишна.*)

Антипъ Антипычъ.

Такъ-съ. Да ужъ вѣдь не отбѣгаешься.

Степанида Трофимовна.

Стыдно стало, Антипушко: дѣло дѣвичье.

Антипъ Антипычъ.

Что жъ! и за купца можно. Отчего не отдать? — Дѣло хорошее!

СТЕПАНИДА ТРОФИМОВНА (*подвигается и говоритъ вполголоса*).

А вотъ, Антипушко, мнѣ кума Терентьевна сказывала, Парамонъ Ферапонтычъ жениться задумалъ, невѣсту ищетъ. Вотъ упускать-то, Антипушко, не надо. Что жъ, признаться сказать, онъ хоть и старенецъ и вдовый, да денегъ-то, Антипушко, больно много — куры не клюютъ. Ну да и человѣкъ-то степенный, набожный, примѣрный купецъ, въ уваженіи.

Антипъ Антипычъ.

Только, матушка, ужъ больно плутъ.

СТЕПАНИДА ТРОФИМОВНА.

Ахъ, батюшки мои! Да чѣмъ же онъ плутъ, скажи пожалуйста? Каждый праздникъ онъ въ церковь ходитъ, да придетъ-то раньше всѣхъ; посты держитъ; Великимъ постомъ и чаю не пьетъ съ сахаромъ — все съ медомъ либо съ изюмомъ. Такъ-то, голубчикъ! Не то, что ты. А если и обманетъ кого, такъ что за бѣда! не онъ первый, не онъ послѣдній; человѣкъ коммерческій. Тѣмъ, Антипушко, и торговля-то держится. Не помимо пословица-то говорится: «не обмануть — не продать.»

Антипъ Антипычъ.

Что говорить! Отчего не надуть пріятеля, коли рука подойдетъ. Ничего. Можно. Да ужъ, матушка, вѣдь иногда и совѣсть зазритъ. (*Чешетъ затылокъ*). Право слово. И смертный часъ вспомнишь. (*Молчаніе*). Я и самъ, коли гдѣ трафится, такъ не хуже его мину-то подведу. Да вѣдь я и скажу потомъ: вотъ, молю, я тебя такъ и такъ, помазалъ маненько. Вотъ, въ прошломъ году, Савву Саввича, при расчетѣ, рубликовъ на пятьсотъ поддѣлъ. Да вѣдь я послѣ сказалъ ему: вотъ, молю, Савва Саввичъ, промигалъ ты полтысячки, да ужъ теперь, братъ, поздно, говорю, а ты, молю, не зѣвай. Посердился немножко, да и опять пріятели. Что за важность!... Да недавно нѣмца Карла Иваныча рубликовъ на триста погрѣлъ. Вотъ смѣху было! Матрена Савишна тряпья разнаго у него изъ магазину забирала; а онъ мнѣ счетецъ и выписалъ тысячи въ двѣ.

СТЕПАНИДА ТРОФИМОВНА.

Что ты говоришь! какова!

Антипъ Антипычъ.

Что жь! Ничего. Пусть щеголяетъ! А вотъ я думаю: неужли, моль, нѣмцу всѣ деньги отдать. Какже, моль, не такъ! нѣтъ-съ, жирно будетъ. Вотъ и не додалъ ему рублей триста съ небольшимъ. Остальные, говорю, мусье, послѣ. Хорошо, говоритъ, хорошо, какъ и путный. Да потомъ, сударыня ты моя, и началъ онъ приставать. Какъ встрѣтится, такъ только словъ у него: а что жь деньги? Надоѣлъ до смерти. Какъ-то подь сердитую руку подвернулся этотъ нѣмецъ. Что жь, говоритъ, деньги? Какія, говорю, деньги? я тебѣ, братъ, отдалъ давно, и отстань ты отъ меня, Христа ради. Вотъ и взбѣленился мой нѣмецъ. Это, говоритъ, купцу нехорошо; это, говоритъ, фальшь; у меня, говоритъ, въ книгѣ записано. А я говорю: да ты чортъ знаетъ что тамъ въ книгѣ-то напишешь — тебѣ все и плати. Такъ, говоритъ, русскій купецъ дѣлаетъ, нѣмецъ никогда; я, говоритъ, въ судъ пойду. Вотъ и толкуй съ нимъ, словно больной съ подлекаремъ! (*Смѣются*). Поди, я говорю, — немного возьмешь. Потащилъ въ судъ. Что жь, матушка! вѣдь отперся, право, отперся. Говорю: знать не знаю, я ему заплатилъ. Что жь такое! что за важность!... Ужь что съ этимъ нѣмцемъ смѣху было — бѣда! Такъ и тарашится: это, говоритъ, безчестно! А я ему послѣ-то и говорю: я бы тебѣ и отдалъ, Карлъ Иванычъ, да деньги, говорю, братъ, нужны. Наши-то рядскіе животики надорвали со смѣху. (*Смѣются*). А то всѣ ему и отдать? да за что это? Нѣтъ, ужь опосля честь будетъ. Они тамъ ломаютъ цѣну, какую хотятъ, а имъ съ дуру-то и вѣрятъ. И въ другой разъ то же сдѣлаю, коли векселя не возметъ. Такъ я, матушка, вотъ какъ. А Ширяловъ-то — да это словно жидъ какой: отца роднаго обманетъ. Право. Такъ вотъ въ глаза и смотритъ всякому. А вѣдь святошей прикидывается. (*Ширяловъ входитъ*). А! Парамонъ Ферапонтычъ! здравствуйте, почтеннѣйшій!

Ширяловъ.

Здравствуйте, любезные! (*Кланяется*). Антипъ Антипычъ! здравствуй, голубчикъ! (*Цѣлуются*). Матушка, Степанида Трофимовна, здравствуйте! (*Цѣлуются*).

Антипъ Антипычъ.

Садись, Парамонъ Ферапонтычъ!

Степанида Трофимовна.

Садитесь, батюшка!

Ширяловъ (садится).

Какъ, матушка, Степанида Трофимовна, поживаете?

Степанида Трофимовна.

Плохо, батюшка! старость приходитъ. Васъ какъ Богъ милуетъ?

Ширяловъ.

Что, матушка, Степанида Трофимовна! На прошлой недѣлѣ притча сдѣлалась: такъ схватило, что Боже упаси. Испугался ши́боко, больно перепугался. Этакъ, сударыня ты моя, ломъ въ костяхъ сдѣлался; вотъ такъ тебѣ каждую косточку больно, каждый суставчикъ; коробить, сударыня ты моя, да и на-поди. За грѣхи, матушка, Господь человѣка наказываетъ, испытаніе посылаетъ. А пуще, мать ты моя, поясницу схватило.

Степанида Трофимовна.

Дѣло не молодое, батюшка!

Ширяловъ.

Я туда-сюда, такъ-сякъ — нѣтъ, сударыня ты моя: отпустить этакъ немножко, да опять схватить. Даже подъ сердце подкатило.

Степанида Трофимовна.

А, батюшки!

Антипъ Антипычъ.

Да ты, Парамонъ Ферапонтычъ, не хватилъ ли гдѣ этакъ черезъ силу съ пріятелями?

Ширяловъ.

Нѣтъ, отецъ ты мой, больше мѣсяца ничего не пилъ, въ ротъ не бралъ, Степанида Трофимовна! То есть, не то, чтобы я бросилъ совсѣмъ; а такъ, погожу, молъ, маменько. А зарокъ не давалъ. Нельзя, матушка: человѣкъ слабъ есть, сказано.

Степанида Трофимовна.

Что говорить, батюшка!

Ширяловъ.

А я такъ, любезные, думаю: простудился, молъ, я; какъ нибудъ на улицу, что ли, раздѣвшись, вышелъ, либо въ саду гуляешь въ рубашкѣ вечеромъ.

СТЕПАНИДА ТРОФИМОВНА.

Долго ли до грѣха, батюшка, долго ли! Чайку не хотите ли, Парамонъ Ферапонтычъ?

ШИРЯЛОВЪ.

Покорно благодарствуйте. (*Кланяется.*) Сейчасъ пилъ, матушка, сейчасъ пилъ.

СТЕПАНИДА ТРОФИМОВНА.

Э, батюшка, выкушайте.... что за счеты!

АНТИПЪ АНТИПЫЧЪ.

Съ нами-то за компанію.

ШИРЯЛОВЪ.

Плошечку пропустить можно-съ. (*Степанида Трофимовна нали-ваетъ. Ширяловъ беретъ чашку, пьетъ и продолжаетъ.*) Что жъ, сударыня ты моя, какое я средство избралъ. Что, думаю себѣ, михстуры эти! — просто дрянъ, даромъ деньги берутъ. Да и никогда я, матушка, этими михстурами не лечился; этого грѣха на душу не бралъ. Дай-ко, думаю, я въ баню схожу. Вотъ и пошелъ, сударь ты мой, да винца послалъ купить полштофчика, да, мать ты моя, знаешь ли, краснаго перцу стручковаго два стручка. Вотъ добрымъ порядкомъ составили эту спецію. Половину-то выпили, а то велѣлъ себя вытереть. Да пріѣхавши-то домой, пунштику выпилъ. Ночью-то, сударыня ты моя, меня въ потъ и ударило. Такъ потомъ и прошло.

СТЕПАНИДА ТРОФИМОВНА.

Что жъ, батюшка, бываетъ. Вотъ у меня Антипушко все пунштомъ лечится.

АНТИПЪ АНТИПЫЧЪ.

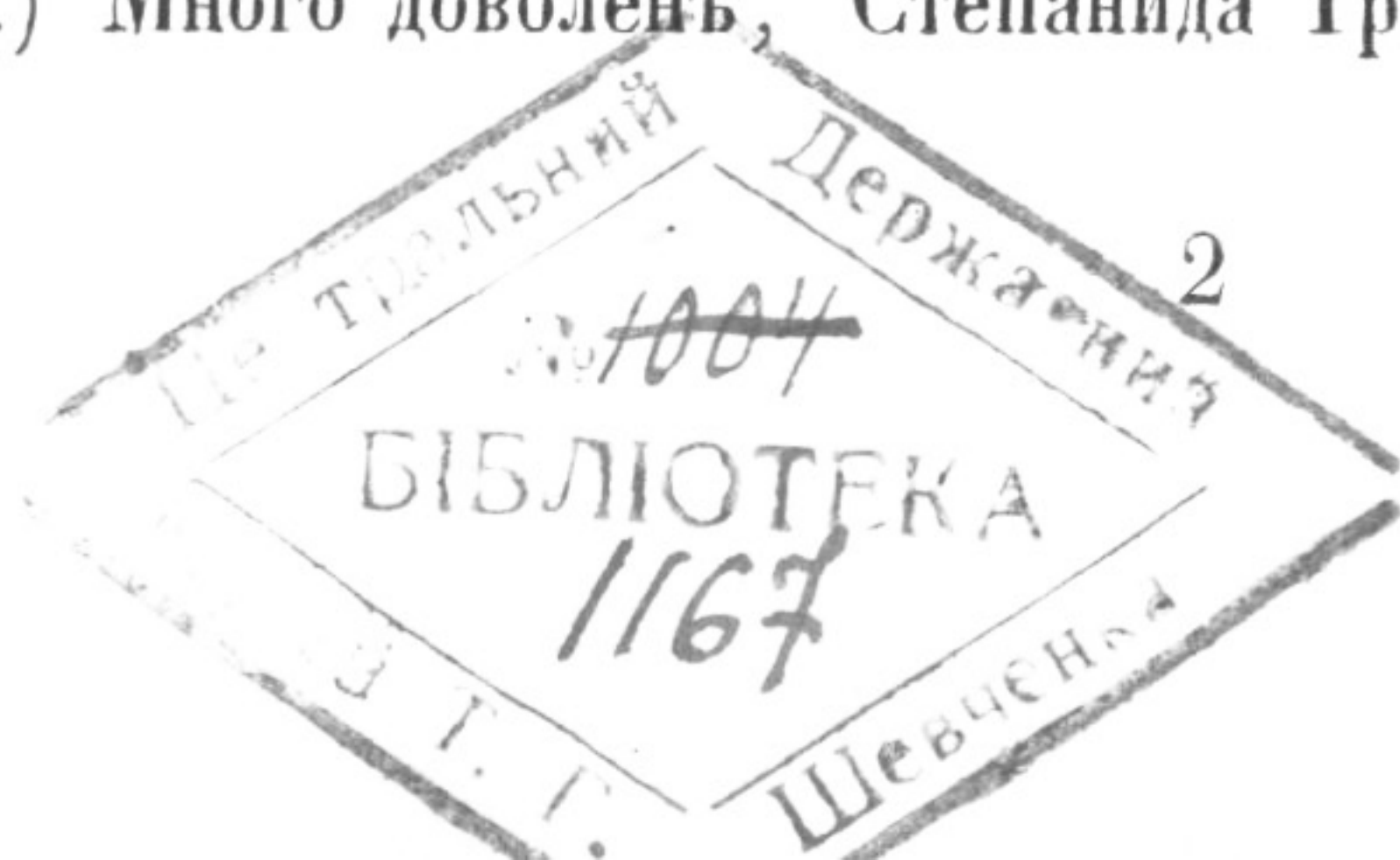
Это, братъ, ото всякой болѣзни прибѣжище — запомни ты мое слово. (*Ширяловъ ставитъ чашку.*)

СТЕПАНИДА ТРОФИМОВНА.

Выкушайте еще чашечку!

ШИРЯЛОВЪ.

Нѣтъ, увольте. (*Кланяется.*) Много доволенъ, Степанида Трофимовна, много доволенъ.

СТЕПАНИДА ТРОФИМОВНА.

Э, батюшка, безъ церемоніи... (Шаливаетъ.) Какъ дѣлишки?

ШИРЯЛОВЪ. (Беретъ чашку.)

Слава Богу, Степанида Трофимовна, помаленьку. Одно у меня горе: Сенька совсѣмъ отъ рукъ отбился. Что ты будешь дѣлать? Ума не приложу. То есть истинное наказаніе Божеское.

АНТИПЪ АНТИПЫЧЪ.

Что, закутилъ?

ШИРЯЛОВЪ.

Нѣтъ, хуже, Антипъ Антипычъ, хуже. Какъ бы запиваль, такъ бы еще не велика бѣда, сударь ты мой: много ли онъ пропьетъ? А то мотаеть не въ свою голову. Вотъ, матушка Степанида Трофимовна, дѣтки-то нынче!

СТЕПАНИДА ТРОФИМОВНА.

А самъ ты, Парамонъ Ферапонтычъ, виновать: избаловали вы мальчишку такъ ни за копейку. Вы бы ему съ малолѣтствія воли-то не давали, а ужъ теперь поздно. Пусть бы съ молодцами въ городъ бѣгалъ, приглядывался да руку бы набиваль, такъ бы лучше было.

ШИРЯЛОВЪ.

Ахъ, матушка Степанида Трофимовна! вѣдь онъ у меня одинъ. И то подумаешь: надо малаго въ люди вывести. Нынче, матушка, не то время, какъ мы бывало: играешь до осмнадцати лѣтъ въ бабки, а тамъ тебя женять, да и торгуй. Нынче неученаго-то дуракомъ зовутъ. Ишь ты, всѣ умны стали. Да и то, Степанида Трофимовна, вѣдь у насъ состояннице порядочное, Богъ благословилъ. Что хорошаго, стануть говорить, что отъ этакаго, моль, капитала одного сына воспитать не могъ? Да и хуже-то другихъ быть не хочется. Послышишь: тотъ сынъ въ пиньсіонъ отдалъ, другой отдалъ, тотъ въ Коммерческую Академію. Вотъ и свезли Сеньку въ пиньсіонъ. За годъ впередъ деньги отдалъ. А онъ, мѣсяца черезъ три, сударыня ты моя, убѣгъ аттедава. Стали дома учить, учителя нанялъ дешевенькаго. Учитель какой-то оглашенный попался, вовсе не путный, сударыня ты моя! Сенька-то выпросить у матери деньжонокъ, да съ учителемъ-то либо въ трактиръ, либо къ цыганкамъ въ Марыну роцу и закатятся.... Прогналъ учителя, прогналъ, да вотъ теперь

и маюсь съ Сенькой-то. То есть, Госпеди! Господи! что это нынче за люди стали, такъ какіе-то развращенные!

Антипъ Антипычъ.

Выучилъ на свою голову. (*Смѣется.*)

Ширяловъ.

Да что! поминутно плачу за него, поминутно: тому сотню, тому двѣ; портному тысячу рублей недавно заплатилъ. Легко ли дѣло! да я въ десять лѣтъ на тысячу-то рублей не изношу! А у него фракъ — не фракъ, жилетъ — не жилетъ. То есть истинно по грѣхамъ Богъ наказываетъ! (*Почти шопотомъ.*) Однѣхъ перчатокъ прошлую зиму на триста рублей забралъ, — ей Богу на триста!

Степанида Трофимовна.

А! батюшки!

Антипъ Антипычъ.

Вотъ голова-то!

Ширяловъ.

Да вѣдь вотъ что: вездѣ ему вѣрятъ — знаютъ, что заплачу. Въ трактирѣ въ какомъ-то тысячи четыре долженъ. Тутъ никакого капитала не хватитъ.... (*Пьетъ чай молча.*) Что, Антипъ Антипычъ, сказывалъ я тебѣ или нѣтъ?

Антипъ Антипычъ.

Про что?

Ширяловъ.

Про армянина.

Антипъ Антипычъ.

Нѣтъ; а что?

Ширяловъ.

Комедія, сударь ты мой! (*Смѣется, подвигается и говоритъ шопотомъ.*) Вотъ наѣхалъ, государь ты мой, въ прошломъ году, этотъ армянинъ. Продалъ шелкъ; завертѣлся туды-сюды, вотъ не плоше Сеньки моего. Стали въ городѣ поговаривать, что, молъ, тово. А у меня, сударь ты мой, векселей его тысячь на пятнадцать. Вижу, дѣло плохо. Ужъ въ городѣ, братъ, не сбудешь: нѣтъ, смѣтили. Вотъ

пріѣзжаетъ нашъ фабрикантъ. У него фабрика-то на городу гдѣ-то (*). Я поскорѣе къ нему, пока не прослышалъ. Что жъ, сударь ты мой! всѣ и спустилъ безъ обороту.

Антипъ Антипычъ.

Ну, что жъ? какъ же?

Ширяловъ.

Да двадцать-пять копѣекъ. (*Смѣется.*)

Антипъ Антипычъ.

Что ты! Вотъ важно! (*Смѣется.*)

Ширяловъ.

А вотъ Сенька не таковъ.... нѣтъ, сударь ты мой, не таковъ, не таковъ. Ужъ истинно Богъ въ наказаніе послалъ. Компанію водить Богъ знаетъ съ кѣмъ, такъ, съ людьми, не стоящими вниманія (*ставитъ чашку на столъ*), вниманія не стоящими....

Степанида Трофимовна.

Выкушайте еще.

Ширяловъ.

Нѣтъ, матушка, не могу; увольте, Степанида Трофимовна!

Степанида Трофимовна.

Безъ церемоніи.

Ширяловъ.

Нѣтъ, матушка, не могу, право, не могу, (*Кланяется.*)

Степанида Трофимовна.

Ну, какъ хотите. А можно бы еще.

Ширяловъ.

Право, не могу. (*Встаетъ и кланяется.*)

Степанида Трофимовна.

Дарья! убирай чай. (*Входитъ Дарья и убираетъ чай.*) Прощайте, батюшка Парамонъ Ферापонтычъ!

(*) На городу — значитъ гдѣ нибудь въ уѣздномъ городѣ.

Ширяловъ.

Прощайте, матушка! (*Цѣлуются.*)

Степанида Трофимовна.

Заходите почаще, не забывайте.

Ширяловъ.

Ваши гости, матушка Степанида Трофимовна, ваши гости.

Антипъ Антипычъ.

Да вы, маменька, велѣли бы намъ водочки, што ли, да заку-
сочки, ну да тамъ мадерцы, што ли. Что жъ, братъ, выпьемъ.
Что за важность!

Ширяловъ.

Охъ, не лишнее ли это будетъ, Антипъ Антипычъ? не лишнее ли?

Антипъ Антипычъ.

Что за лишнее! Ничего. Что за важность! (*Степанида Тро-
фимовна уходитъ.*)

Ширяловъ.

Такъ вотъ, сударь ты мой, дома не живетъ, въ городѣ не бы-
ваетъ. Что ему городъ! Онъ, сударь, и знать не хочетъ, каково
отцу деньги-то достаются. Пора бы на старости мнѣ и покой знать;
а расположиться, сударь ты мой, не на кого. Вотъ недавно самъ
въ лавку сѣлъ, — а ужъ лѣтъ пятнадцать не сидѣлъ. Дай-ко, ду-
маю, покажу розинямъ-то своимъ, какъ торговать-то слѣдуетъ. Что жъ,
сударь ты мой... (*Подвигается. Приносятъ вина.*)

Антипъ Антипычъ.

Ну-ко, выпьемъ, братъ! (*Пьютъ.*)

Ширяловъ.

Завалялась у насъ штука матеріи. Еще въ третьемъ году цѣна-
то ей была два рубля сорокъ за аршинъ. А въ нынѣшнемъ-то по-
ставили восемь гривенъ. Вотъ, сударь ты мой, сижу я въ лавкѣ.
Идутъ двѣ барыни. Нѣтъ ли у васъ, говорятъ, матеріи намъ на
блузы, дома ходить? Какъ, молъ, не быть, сударыня. Достаешь-ко,
говорю, Митя, модную-то. Вотъ, говорю, хорошая матерія. А
какъ, говоритъ, цѣна? Говорю, два съ половиной себѣ, а барыша,

что пожелаете. А вы, говоритъ, возьмите рубль восемь гривенъ. Слышишь, Антипъ Антипычъ, рубль восемь гривенъ? Помилуйте, говорю, да такихъ и цѣнъ нѣтъ. Стали торговаться: два рубля даютъ. Слышишь, Антипъ Антипычъ, два рубля! (*Смѣется*) Да вамъ, говорю, много ли нужно? Да, говоритъ, аршинъ двадцать-пять. Нѣтъ, говорю, сударыня, несходно. Извольте всю штуку брать, такъ ужъ такъ и быть, по два рублика, говорю, возьму. А я, сударь ты мой, Антипъ Антипычъ, боюсь шевелить-то ее (*смѣется*), шевелить-то боюсь. Кто ее знаетъ, что тамъ въ середкѣ-то! можетъ быть, сгнила давно. Что жъ, мои барыни потолковали, да и взяли всю штуку. Молодцы-то мои такъ и ахнули. (*Смѣется.*)

Антипъ Антипычъ.

Молодецъ, Парамонъ Ферапонтычъ! вотъ молодецъ! Ну-ко, братъ, выпьемъ. (*Пьютъ.*)

Ширяловъ.

А вотъ Сенька-то не таковъ, не таковъ, сударь ты мой (*вздыхаетъ*), — вовсе не таковъ. Это повадился въ театръ, то есть каждый день, сударь ты мой! Всѣхъ-то онъ тамъ знаетъ, со всѣми знакомъ, всякая сволочь къ нему таскается. Да что! Прихожу я какъ-то къ Остолопову. Отдай, говоритъ, деньги. Какія, молъ, деньги? А за шаль, говоритъ. За какую шаль! Да, говоритъ, на-медни твой сынъ взялъ. Я думаю себѣ, на что ему шаль, ума не приложу. Ужъ извѣстно, отъ него не добьешься; сталъ сторонкой распрашивать. Что жъ, сударь ты мой! какая-то тамъ ахтриса у него.

Антипъ Антипычъ.

Что ты!

Ширяловъ.

Вотъ, поди съ нимъ! Ужъ это, примѣрно, послѣдній конецъ, Антипъ Антипычъ! Не зови своимъ.

Антипъ Антипычъ.

Это, Парамонъ Ферапонтычъ, значить, пора женить, — вотъ что, братъ! малаго-то женить пора.

Ширяловъ.

Нѣтъ, Антипъ Антипычъ, погоди. Ты вотъ что скажи: вѣдь ужъ это, братъ, послѣдній конецъ. Вѣдь это словно какъ рѣшето.

Вотъ теперь шаль, а тамъ скажетъ салонъ соболій, а тамъ квартиру, мебель всякую, а тамъ лошадей пару, то — другое. Яма бездонная!

Антипъ Антипычъ.

Ужъ извѣстное дѣло.

Ширяловъ.

А ужъ человѣкъ-то, Антипъ Антипычъ, кругомъ шихъ какъ слѣпой сдѣлается. Этотъ народъ, Антипъ Антипычъ, *соблазъ*, просто.

Антипъ Антипычъ.

Что говорить! самъ не свой человѣкъ сдѣлается. Одно, братъ, средство: женить поскорѣй.

Ширяловъ.

Легко сказать, Антипъ Антипычъ, женить; да какъ ты его женишь - то?

Антипъ Антипычъ.

Какъ женить! Ужъ извѣстно не связать же. А вотъ невѣсту подыскать съ капиталцемъ, знаешь ли. Такъ небось не откажется. Отчего не жениться? Всякому лестно. Что за важность!

Ширяловъ.

Да какая за него пойдетъ! какая сумасшедшая пойдетъ за него, за такого безпутнаго!

Антипъ Антипычъ.

А что ты думаешь, побрезгають? Нѣтъ, ничего, право слово, ничего. Да у насъ, братъ, холостые-то сплошь да рядомъ такіе. Помнишь, каковъ я-то былъ холостой: и пьяница-то, и гуляка-то, и на всякія художества; батюшка-покойникъ такъ и рукой махнулъ. Да вѣдь мы театровъ-то, другъ, не знали: у насъ закатился въ Марьину, либо къ цыганамъ въ Грузины, да и пьянствуешь недѣли двѣ безъ просыпу. Меня въ Преображенскомъ фабричные было до смерти убили. Вся Москва знала. Да вотъ отдали же за меня Матрену-то Савишну. Нѣтъ, это, братъ, ничего, нужды нѣтъ.

Ширяловъ.

Да, отецъ родной, что ты говоришь: женить да невѣсту съ капиталомъ. Да, голубчикъ ты мой, онъ теперь и безъ денегъ-то вертится, какъ угорѣлый; а' попадись ему деньги-то, такъ онъ такой кранбольш сдѣлаетъ — только пшикъ, да и все тутъ, — какъ порохъ.

Антипъ Антипычъ.

Въ оборотъ пустить! (*Смѣется.*)

Ширяловъ.

Нѣтъ, а ужъ я думаю, сударь ты мой, его въ газетѣ опубликовать. Вотъ, дескать, сыну моему отъ меня никакого довѣрія нѣтъ, долговъ за него не плачу и впредь не намѣренъ. Да и подпишу: мануфактуръ-совѣтникъ и временно московскій 1-й гильдіи купецъ Парамонъ Ферапонтовъ, сынъ Ширяловъ.

Антипъ Антипычъ.

Что жъ. Ничего. Можно.

Ширяловъ.

Да ужъ чтобъ ему безпутному и послѣ-то меня не доставалось, самъ я, Антипъ Антипычъ, жениться задумалъ.

Антипъ Антипычъ.

Что жъ! ничего! дѣло хорошее! Отчего жъ не жениться.

Ширяловъ.

Вѣдь, можетъ быть, за наши молитвы, Антипъ Антипычъ, Богъ и потомка дастъ — утѣшеніе на старости. Вотъ тому все и оставлю. А ужъ этотъ мнѣ словно какъ и не родной, сударь ты мой, и сердце къ нему не лежитъ. Что жъ, думаю, оставь ему пожалуй, да что проку? развезетъ денежки-то твои кровныя по портнымъ да по ахтрисамъ. Самъ посуди!

Антипъ Антипычъ.

Что жъ, женись, Парамонъ Ферапонтычъ! что за важность! ничего. А на примѣтъ есть?

Ширяловъ.

То-то и горе, что нѣтъ, Антипъ Антипычъ!

Антипъ Антипычъ.

Хочешь посватаю? Ну-ко выпьемъ сперва. (*Пьютъ.*)

Ширяловъ.

Да ты вправду?

Антипъ Антипычъ.

Вправду. Что жъ, отчего не посватать?

Ширяловъ.

Обманешь! *(Смотритъ Пузатову въ глаза.)*

Антипъ Антипычъ.

Вотъ! изъ чего мнѣ обманывать? У меня, братъ, не далеко ходить: сестра невѣста.

Ширяловъ.

Ой ли! Что ты говоришь?

Антипъ Антипычъ.

А ты не зналъ? Скажи, пожалуйста, какой ты простой!

Ширяловъ.

Ахъ, голубчикъ, какъ не знать! *(Потупляетъ глаза.)* Да вѣдь она, чай, не поидеть за меня.

Антипъ Антипычъ.

Вотъ! отчего не пойти? Ничего, поидеть.

Ширяловъ. *(Потупляетъ глаза еще больше.)*

Скажетъ: старъ.

Антипъ Антипычъ.

Старъ? Что за важность! ничего! Нѣтъ, ничего, поидеть. Да и матушка тебя любить. Что жъ, извѣстное дѣло, человекъ хороший, степенный: отчего не пойти?... во хмѣлю смиренный. Вѣдь ты смиренный во хмѣлю? не дерешься?

Ширяловъ.

Вовсе смиренный, Антипъ Антипычъ, какъ дитя малое. Какъ пьянъ, такъ сейчасъ въ сонъ, знаешь ли, ударить, а не то, чтобы буйство какое.

Антипъ Антипычъ.

Вѣдь съ женой покойницей не дрался?

Ширяловъ.

Видитъ Богъ, никогда.

Антипъ Антипычъ.

Что жъ, отчего за хорошаго человека не пойти? Ничего, поидеть. Присылай сваху.... Ну-ко, выпьемъ на радости. *(Пьютъ.)*

Ширяловъ.

Да ты просто благодѣтель мой, Антипъ Антипычъ! А знаешь ли что? вотъ мы, братъ, здѣсь пить-то начали, такъ пойдѣмъ ко мнѣ допивать. У меня, братъ, просторнѣе, бабъ-то нѣтъ, да фабричныхъ пѣсенку спѣть заставимъ.

Антипъ Антипычъ.

Ходить! Ну, ступай, распоряжайся; а я только шанку возьму.
(Ширяловъ уходитъ.)

Антипъ Антипычъ. (Одинъ. Мигаетъ глазомъ.)

Экой воръ мужикъ-то! Тонкая бестія. Вѣдь какимъ Лазаремъ прикинется! Вишь ты, Сенька виновать. А ужъ что, братъ, толковать: просто на старости блажь пришла. Что жъ, мы съ нашимъ удовольствіемъ! Ничего, можно-съ! Только, Парамонъ Ферапонтычъ, насчетъ приданаго-то, кто кого обманетъ — дѣло темное-съ. Мы тоже съ матушкой-то на свою руку охулки не положимъ.... (Уходитъ.)

Матрена Савишна. (Входитъ разряженная; за ней Дарья.)

Что, ушелъ Антипъ Антипычъ?

Дарья.

Ушелъ-съ.

Матрена Савишна.

Ну, загулялъ теперь! Экое наказаніе! теперь пропадетъ дня на три.

Марья Антиповна. (Входитъ разодѣтая.)

Ну, сестрица, поѣдемте. Знаете ли, куда я отпросилась?

Матрена Савишна.

Куда?

Марья Антиповна.

Въ Симоновъ къ вечерни. (Хохочутъ и уходятъ.)

СВОИ ЛЮДИ — СОЧТЕМСЯ.

180
255

СОЧИНЕНІЯ А. ОСТРОВСКАГО.

I.

СВОИ ЛЮДИ — СОЧТЕМ СЯ.

КОМЕДИЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ЛИЦА.

САМСОНЪ СИЛЫЧЪ БОЛЬШОВЪ, купецъ.
АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА, его жена.
ОЛИМПІАДА САМСОНОВНА, (Липочка), ихъ дочь.
ЛАЗАРЬ ЕЛИЗАРЫЧЪ ПОДХАЛЮЗИНЪ, прикащикъ.
УСТИНЬЯ НАУМОВНА, сваха.
СЫСОЙ ПСОИЧЪ РИСПОЛОЖЕНСКІЙ, стряпчій.
ВОМИНИШНА, ключница } въ домѣ Большова.
ТИШКА, мальчикъ }
КВАРТАЛЬНЫЙ.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Гостиная въ домѣ Большова).

Липочка (сидитъ у окна съ книгой).

Какое пріятное занятіе эти танцы! Вѣдь ужъ какъ хорошо! Что можетъ быть восхитительнѣе? Пріѣдешь въ собраніе, али къ кому на свадьбу, сидишь, натурально, вся въ цвѣтахъ, разодѣта, какъ игрушка, али картинка журнальная, — вдругъ подлетаетъ кавалеръ: «удостойте счастья, сударыня!» Ну, видишь: если человѣкъ съ понятіемъ, али армейской какой — возмешь, да и прищуришься, отвѣчаешь: «извольте, съ удовольствіемъ!» Ахъ! (съ жаромъ) оча-ро-ва-тельно! это, просто,

уму непостижимо! (*вздыхаетъ*). Больше всего не люблю я танцовать съ студентами да съ приказными. То ли дѣло отличатьея съ военными! Ахъ, прелесть! восхищеніе! И усы, и эполеты, и мундиръ, а у иныхъ даже шпоры съ колокольчиками. Одно убійственно, что сабли нѣтъ! И для чего они ее отвязываютъ? Странно, ей Богу! Сами не понимаютъ, какъ блеснуть очаровательнѣе! Вѣдь посмотрѣли бы на шпоры, какъ онѣ звенятъ, особливо, если уланъ али полковникъ какой разрисовывается — чудо! Любоваться мило-дорого! Ну, а прицѣпи-ко онѣ еще саблю: просто, ничего не увидишь любопытнѣе; одного грома лучше музыки наслушаешься. Ужъ какое же есть сравненіе: военный или штатскій? Военный — ужъ это сейчасъ видно: и ловкость и все; а штатскій что? Такъ, какой-то неодушевленный! (*Молчаніе*). Удивляюсь, отчего это многія дамы, поджавши ножки, сидятъ? Формально нѣтъ никакой трудности выучиться! Вотъ, ужъ я на что совѣстилась учителя, а въ двадцать уроковъ все рѣшительно поняла. Отчего это не учиться танцовать! Это одно только суевѣріе! Вотъ, маменька, бывало, сердится, что учитель все за колѣнки хватаетъ. Все это отъ необразованія! Что за важность! Онѣ танцмейстеръ, а не кто-нибудь другой. (*Задумывается*). Воображаю я себѣ: вдругъ за меня посватается военный, вдругъ у насъ парадный сговоръ: горятъ вездѣ свѣчки, ходятъ офиціанты въ бѣлыхъ перчаткахъ; я, натурально, въ тюлевомъ, либо въ газовомъ платьѣ, тутъ вдругъ заиграютъ вальсъ. А ну, какъ я передъ нимъ сконфужусь! Ахъ, страмъ какой! Куда тогда дѣваться-то? Что онѣ подумаетъ? Вотъ, скажетъ, дура необразованная! Да нѣтъ, какъ это можно! Однако, я вотъ полтора года не танцевала! Попробую-ко теперь на досугѣ (*дурно вальсируя*). Разъ.... два.... три.... разъ... два.... три.... (*Аграфена Кондратьевна входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Липочка и Аграфена Кондратьевна.

Аграфена Кондратьевна.

Такъ, такъ, безстыдница! Какъ будто сердце чувствовало: ни свѣтъ ни заря, не поѣвши хлѣба божьяго, да ужъ и за пляску тотчасъ!

Липочка.

Какъ, маменька, я и чай пила, и вотрушку скушала. Посмотрите, хорошо? Разъ.... два.... три.... разъ.... два....

А Г Р А Ф Е Н А К О Н Д Р А Т Ь Е В Н А (*преслѣдуя ее*).

Такъ что жь, что ты скушала? Нужно мнѣ очень смотрѣть, какъ ты грѣхководничаешь!... Говорю тебѣ, не вертись!...

Л и п о ч к а.

Что за грѣхъ такой! Нынче всѣ этимъ развлекаются. Разъ.... два....

А Г Р А Ф Е Н А К О Н Д Р А Т Ь Е В Н А.

Лучше объ столъ лбомъ стучи, да ногами не озарничай! (*Бѣгаетъ за ней*). Да что жь ты, съ чего жь ты взяла не слушаться!

Л и п о ч к а.

Какъ не слушаться, кто вамъ сказалъ! Не мѣшайте, дайте кончить, какъ надобно! Разъ.... два.... три....

А Г Р А Ф Е Н А К О Н Д Р А Т Ь Е В Н А.

Долго ль же мнѣ бѣгать-то за тобой на старости лѣтъ! Ухъ, замучила, варварка! Слышишь, перестань! Отцу пожалуюсь!

Л и п о ч к а.

Сейчасъ, сейчасъ, маменька! Последній кружокъ! Васъ на то и Богъ создалъ, чтобъ жаловаться. Сами-то вы не очень для меня значительны! Разъ ... два....

А Г Р А Ф Е Н А К О Н Д Р А Т Ь Е В Н А.

Какъ! ты еще пляшешь, да еще ругаешься! Сію минуту брось! Тебѣ жь будетъ хуже: поймаю за юпку, весь хвостъ оторву.

Л и п о ч к а.

Ну, да! рвите на здоровье! Вамъ же зашивать придется! Вотъ и будетъ! (*Садится*). Фу.... фу.... какъ упаточилась, словно возъ везла! Ухъ! дайте, маменька, платочка, потъ обтереть.

А Г Р А Ф Е Н А К О Н Д Р А Т Ь Е В Н А.

Постой, ужъ я сама оботру! Ишь, уморилась! А вѣдь и то сказать, будто неволили. Коли ужъ матери не почитаешь, такъ стѣнь-то бы посовѣстилась! Отецъ, голубчикъ, черезъ великую силу ноги двигаетъ, а ты тутъ скачешь, какъ юла какая!

Л и п о ч к а .

Подите вы съ своими совѣтами! Что жъ мнѣ дѣлать, по вашему! Самой, что ли, хворать прикажете? Вотъ, другой манерь, кабы я была докторша! ахъ, какія вы, маменька, ей-Богу! Право, мнѣ иногда краснѣть приходится отъ вашихъ словъ.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а .

Каково дѣтище-то ненаглядное! Прошу подумать, какъ она мать-то честить! Ахъ, ты болтушка безтолковая! Да развѣ можно такими рѣчами поносить родителей? Да неужто я затѣмъ тебя на свѣтъ родила, учила да берегла пуще соломенки?

Л и п о ч к а .

Не вы учили — посторонніе; полноте, пожалуйста; вы и сами-то, признаться сказать, ничему не воспитаны. Ну, что жъ? Родили вы — я была тогда что? ребенокъ, дитя безъ понятія, не смыслила обращенія. А выросла, да посмотрѣла на свѣтскій тонъ, такъ и вижу, что я гораздо другихъ образованнѣе. Что жъ мнѣ, потакать вашимъ глупостямъ! Какже! Есть окказія.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а .

Уймись! эй, уймись, безстыдница! Выведешь ты меня изъ терпѣнія! прямо къ отцу пойду, такъ въ ноги и брякнусь! житья, скажу, нѣтъ отъ дочери, Самсонушко!

Л и п о ч к а .

Да, вамъ житья нѣтъ, воображаю! А мнѣ есть отъ васъ житье? Зачѣмъ вы отказали жениху? Чѣмъ не безподобная партія? Чѣмъ не капидонъ? Что вы нашли въ немъ легковѣрнаго?

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а .

А то и легковѣрнаго, что зубоскаль! Пріѣхаль, ломался, ломался, вертѣлся, вертѣлся. Эка невидаль!

Л и п о ч к а .

Да, много вы знаете! Извѣстно, онъ благородный человекъ, такъ и дѣйствуетъ по деликатному. Въ ихнемъ кругу всегда такъ дѣлаютъ. Да какъ еще вы смѣете порочить такихъ людей, которыхъ вы и понятія

не знаете? Онъ, вѣдь, не купчишка какой-нибудь (*шепчетъ въ сторону*). Душка, милашка!

А ГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА.

Да, хорошъ душка! Скажите пожалуста! Жалко, что не отдали тебя за шута за гороховаго. Вѣдь, ишь ты, блажь-то какая въ тебѣ; вѣдь это ты на зло матери подъ носъ-то шепчешь.

Л И П О Ч К А.

Видимый резонъ, что вы не хотите моего счастья. Вамъ съ тятенькой только кляузы строить да тиранничать

А ГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА.

Ну, какъ ты хочешь, такъ и думай. Господь тебѣ судья! А никто такъ не заботится о своемъ дѣтищѣ, какъ материнская утроба! Ты вотъ тутъ хохришься, да разныя глупости выколупываешь, а мы съ отцомъ-то и дено и ношно заботимся, какъ бы тебѣ хорошаго человека найти, да пристроить тебя поскорѣе.

Л И П О Ч К А.

Да, легко вамъ разговаривать, а позвольте спросить, каково мнѣ-то?

А ГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА.

Развѣ мнѣ тебя не жаль, ты думаешь! Да что дѣлать-то! Вѣдь нельзя же тебѣ вдругъ жениха найти: скоро-то только кошки мышей ловятъ.

Л И П О Ч К А.

Что мнѣ до вашихъ кошекъ! Мнѣ мужа надобно! Что это такое! Страмъ встрѣчаться съ знакомыми: въ цѣлой Москвѣ не могли выбрать жениха — все другимъ да другимъ. Кого не задѣнетъ за живое: всѣ подруги съ мужьями давно, а я словно сирота какая! Отыскался вотъ одинъ, такъ и тому отказали. Слышите, найдите мнѣ жениха, безпремѣнно найдите!... Впередъ вамъ говорю! А то для васъ же будетъ хуже: нарочно, вамъ на зло, по секрету заведу обожателя, съ гусаромъ убѣгу, да и обвѣнчаемся потихоньку.

А ГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА.

Что, что безпутная! Кто вбилъ въ тебя такія скверности? Владыко милосердый! не могу съ духомъ собраться!... Ну, нечего дѣлать! Видно, придется отца позвать.

Л и п о ч к а .

Только и ладить, что отца да отца; бойки вы при немъ разговаривать-то, а попробуйте-ко сами!

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а .

Такъ что же, я дура по твоему, что ли? Какіе у тебя тамъ гусары, безстыжіи твой носъ! Тьфу ты, дьявольское навожденіе! Али ты думаешь, что я не властна надъ тобой приказывать? Говори, безстыжіе твои глаза, съ чего у тебя взглядъ-то такой завистливый? Что ты притче матери хочешь быть? У меня, вѣдь, не долго: я и на кухню горшки парить пошлю. Ишь ты! А!... Ахъ, матушки вы мои! Посконный сарафанъ сошью, да вотъ на голову тебѣ и надѣну!

Л и п о ч к а .

Какже! Позволю я надъ собой командовать!. Вотъ еще новости!

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а .

Молчи, молчи, таранта егоровна! Уступи верхъ матери! Словечко пикнешь, такъ языкъ ниже пятокъ пришью. Вотъ послалъ Господь утѣшеніе! Мальчишка ты, и на умѣ-то у тебя все не женское! Готова, чай, вотъ на лошадь по-солдатски вскочить!

Л и п о ч к а .

Вы, я воображаю, прилетете скоро всѣхъ буточниковъ. Ужъ молчали бы лучше, коли не такъ воспитаны. Все я не хороша, а сами-то вы каковы послѣ этого! Что, вамъ угодно спровадить меня на тотъ свѣтъ прежде времени? извести своими капризами? *(плачетъ)*. Что жъ, пожалуй, я ужъ и такъ, какъ муха какая, кашляю! *(плачетъ)*.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а *(стоитъ и смотритъ на нее)*.

Ну, полно, полно! *(Липочка плачетъ громче и потомъ рыдаетъ)*. Ну, полно ты, полно! Говорятъ тебѣ, перестань! Ну, я виновата, перестань только, я виновата. *(Липочка плачетъ)*. Липочка! Липа! Ну, будетъ! Ну, перестань! *(сквозь слезы)*. Ну, не сердись ты на меня.... *(плачетъ)* бабу глупую.... неученую.... *(плачутъ объ влѣсть)*. Ну, прости ты меня.... сережки куплю.

Липочка (плача).

На что мнѣ сережки ваши, у меня и такъ полонъ туалетъ. А вы купите браслеты съ изумрудами.

Аграфена Кондратьевна.

Куплю, куплю, только ты плакать-то перестань!

Липочка (сквозь слезы).

Тогда и перестану, какъ замужъ выду (плачетъ).

Аграфена Кондратьевна.

Выдешь, выдешь, голубчикъ ты мой! Ну, поцѣлуй меня! (цѣлуются). Ну, Христосъ съ тобой! Ну, дай я тебѣ слезки оботру! (обтираетъ). Вотъ, нынче хотѣла Устинья Наумовна придти, мы и потолкуемъ.

Липочка (голосомъ, еще неуспокоившимся).

Ахъ, кабы она поскорѣй пришла! (Входитъ Оминишна).

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢЖЕ и ОМИНИШНА.

ОМИНИШНА.

Угадайте-ко, матушка, Аграфена Кондратьевна, кто къ намъ изволить жаловать?

Аграфена Кондратьевна.

Не умѣю сказать. Да что я тебѣ бабка-угадка что-ли, Оминишна?

Липочка.

Отчего жъ ты у меня не спросишь? что, я глупѣе, что-ли, васъ съ маменькой?

Оминишна.

Ужъ и не знаю, какъ сказать; на словахъ-то ты у насъ больно прятка, а на дѣлѣ-то вотъ и нѣтъ тебя. Просила, просила, не токма, чтобы что такое, подари хоть платокъ, валяются у тебя вороха два безъ призрѣнія, такъ все нѣтъ, все чужимъ да чужимъ.

А Г Р А Ф Е Н А К О Н Д Р А Т Ь Е В Н А .

Вотъ ужь этого, Ооминишна, я до скончанія не разберу.

Л и п о ч к а .

Ишь она! Знать, пивца хлебнула послѣ завтрака, палѣпила тутъ чудеса въ рѣшетѣ.

О о м и н и ш н а .

Вѣстимо такъ; что смѣяться-то? Каково скончаніе, Аграфена Кондратьевна, бываетъ и начало хуже конца.

А Г Р А Ф Е Н А К О Н Д Р А Т Ь Е В Н А .

Съ тобой не разъѣдешься! Ты коли ужь начнешь толковать, такъ только ушами хлопай. Кто жь такой тамъ пришелъ-то?

Л и п о ч к а .

Мужчина али женщина?

О о м и н и ш н а .

У тебя все мужчины въ глазахъ-то прыгаютъ. Да гдѣ жь это таки видано, что мужчина ходитъ въ чепчикѣ? Вдовье дѣло — какъ слѣдуетъ назвать?

Л и п о ч к а .

Натурально, незамужняя, вдова.

О о м и н и ш н а .

Стало быть, моя правда; и выходитъ, что женщина!

Л и п о ч к а .

Эка безтолковая! Да кто женщина-то?

О о м и н и ш н а .

То-то вотъ, умна, да не догадлива: некому другому и быть, какъ не Устиньѣ Наумовнѣ.

А Г Р А Ф Е Н А К О Н Д Р А Т Ь Е В Н А .

Гдѣ жь она до сихъ поръ? Веди ее скорѣй, Ооминишна!

О о м и н и ш н а .

Сама въ секунду явится; остановилась на дворѣ, съ дворникомъ бранится: не скоро калитку отперъ. (*Входитъ Устинья Наумовна*).

ЯВЛЕНИЕ IV.

ТѢЖЕ и УСТИНЬЯ НАУМОВНА.

УСТИНЬЯ НАУМОВНА.

Уфъ, фа, фа! Что это у васъ, серебряныя, лѣстница-то какая крутая: лѣзешь, лѣзешь, на силу вползешь.

ЛИПОЧКА.

Ахъ, да вотъ и она! Здравствуй, Устинья Наумовна!

УСТИНЬЯ НАУМОВНА.

Не больно спѣши! Есть и постарше тебя. Вотъ съ маменькой-то покалякаемъ прежде. (*Шлюясь*). Здравствуй, Аграфена Кондратьевна! Какъ встала — почевала, все ли жива, браліантовая?

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА.

Слава Создателю! Живу — хлѣбъ жую; цѣлое утро вотъ съ дочкой балясничала.

УСТИНЬЯ НАУМОВНА.

Чай объ нарядахъ все. (*Шлюясь съ Липочкой*). Вотъ и до тебя очередь дошла. Что это ты словно потолстѣла, изумрудная?.. Пошли Творецъ! Чего жъ лучше, какъ не красотой цвѣсти!

ОМИНИШНА.

Тѣфу ты, грѣховодница! Еще сглазишь пожалуй.

ЛИПОЧКА.

Ахъ, какой вздоръ! Это тебѣ такъ показалось, Устинья Наумовна. Я все хирѣю: то колики, то сердце бьется, какъ маятникъ; все какъ словно тебя подманиваетъ, али плывешь по морю, такъ вотъ и рябитъ меланхолія въ глазахъ.

УСТИНЬЯ НАУМОВНА (*Оминишнѣ*).

Ну, и съ тобой, Божья старушка, поцѣлуемся ужъ кстати. Правда, на дворѣ вѣдь здоровались, серебряная, стало быть, и губы трепать нечего.

ОМИНИШНА.

Какъ знаешь. Извѣстно, мы не хозяйева, лыкомъ шитая мелкота; а и въ насъ тоже душа, а не парь!

А Г Р А Ф Е Н А К О Н Д Р А Т Ь Е В Н А (*садясь*).

Садись, садись, Устинья Наумовна! Что какъ пушка на колесахъ стоишь! Поди-ко, вели намъ, Оминнишна, самоварчикъ согрѣть.

У С Т И Н Ь Я Н А У М О В Н А.

Пила, пила, жемчужная; провалиться на мѣстѣ — пила, и забѣжала-то такъ на минуточку.

А Г Р А Ф Е Н А К О Н Д Р А Т Ь Е В Н А.

Что жъ ты, Оминнишна, проклажаешься? Бѣги, мать моя, проворнѣе.

Л И П О Ч К А.

Позвольте, маменька, я коскорѣй сбѣгаю; видите, какая она неповоротливая.

О М И Н И Ш Н А.

Ужъ не финти, гдѣ не спрашиваютъ! А я, матушка Аграфена Кондратьевна, вотъ что думаю, не пригожѣ ли будетъ подать бальсанцу съ селедочкой.

А Г Р А Ф Е Н А К О Н Д Р А Т Ь Е В Н А.

Ну, бальсанъ бальсаномъ, а самоваръ самоваромъ. Аль тебѣ жалко чужаго добра? Да, какъ поспѣеть, вели сюда принести.

О М И Н И Ш Н А.

Какъ же ужь! Слушаю! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ V.

ТѢЖЕ БЕЗЪ ОМИНИШНЫ.

А Г Р А Ф Е Н А К О Н Д Р А Т Ь Е В Н А

Ну, что новенькаго нѣтъ ли чего, Устинья Наумовна? Ишь, у меня дѣвка-то стосковалась совсѣмъ...

Л И П О Ч К А.

И въ самомъ дѣлѣ, Устинья Наумовна, ты ходишь, ходишь, а толку нѣтъ никакого.

УСТИЦЬЯ НАУМОВНА.

Да ишь ты, съ вами нескоро сообразишь, браліантовья. Тятенька твой ладить за богатаго: миѣ, говоритъ, хотя Федотъ отъ проходныхъ воротъ, лишь бы денежки водились, да приданаго поменьше ломилъ. Маменька-то вотъ, Аграфена Кондратьевна, тоже паровитъ въ свое удовольствіе: подавай ты ей безпремѣнно купца, да чтобы былъ жалованный, да лошадей бы хорошихъ держалъ, да и лобъ-то крестилъ бы по старинному. У тебя тоже свое на умѣ. Какъ на васъ угодишь? *(Входитъ Оминишна и ставитъ на столъ водку съ закуской).*

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢЖЕ И ОМИНИШНА.

Липочка.

Не пойду я за купца, ни за что не пойду. За тѣмъ развѣ я такъ воспитана: училась и по французски, и на фортепьянахъ, и танцовать! Нѣтъ, нѣтъ! Гдѣ хочешь возьми, а достань благороднаго.

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА.

Вотъ ты и толкуй съ ней.

ОМИНИШНА.

Да что тебѣ дались эти благородные? Что въ нихъ за особенный скусъ? Голый на голомъ, да и христіанства-то никакого нѣтъ: ни въ баню не ходитъ, ни пироговъ по праздникамъ не печеть.

Липочка.

Ты, Оминишна, родилась между мужиковъ, и ноги протянешь мужичкой. Что миѣ въ твоёмъ купцѣ! Какой онъ можетъ имѣть вѣсъ? Гдѣ у него амбіція? Мочалка-то его что ли миѣ нужна?

ОМИНИШНА.

Не мочалка, а Божіи волосъ, сударыня, такъ-то-сь!

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА.

Вѣдь, и тятенька твой не оболваненный какой и борода-то тоже необшарканная, да цѣлуешь же ты его какъ нибудь.

Л и п о ч к а .

Одно дѣло тятенька, а другое дѣло — мужъ. Да что вы пристали, маменька? Ужъ сказала, что не пойду за кунца, такъ и не пойду! Лучше умру сейчасъ, до конца всю жизнь выплачу: слезъ не достанетъ, перцу набьмся.

Ө о м и н и ш н а .

Никакъ ты плакать собираешься? И думать не моги! И тебѣ какъ въ охоту дразнить, Аграфена Кондратьевна!

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а .

А кто ее дразнить? Сама привередничаетъ.

У с т и н ь я Н а у м о в н а .

Пожалуй, ужъ коли тебѣ такой апекить, найдемъ тебѣ и благороднаго.

Л и п о ч к а .

И пуще всего, Устинья Наумовна, безпремѣнно, чтобы былъ бы брюнетъ; ну, понятное дѣло, чтобы и одѣтъ былъ по журнальному.

У с т и н ь я Н а у м о в н а .

А есть у меня теперь женихъ вотъ точно такой, какъ ты, бралиантовая, росписываешь: и благородный, и рослый и брюле.

Л и п о ч к а .

Ахъ, Устинья Наумовна! Совсѣмъ не брюле, а брюнетъ.

У с т и н ь я Н а у м о в н а .

Да, очень мнѣ нужно, на старости лѣтъ, языкъ-то ломать по твоему: какъ сказалось, такъ и живетъ. И крестьяне есть, и оргень на шеѣ; ты вотъ поди одѣнься, а мы съ маменькой потолкуемъ объ этомъ дѣлѣ.

Л и п о ч к а .

Ахъ, голубушка, Устинья Наумовна, зайти уже ко мнѣ въ комнату: мнѣ нужно поговорить съ тобой. Пойдемъ, Оминишна.

Ө о м и н и ш н а .

Охъ, ужъ ты мнѣ, егоза! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ VII.

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА И УСТИНЬЯ НАУМОВНА.

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА.

Не выпить ли намъ передъ чаемъ-то бальсанцу, Устинья Наумовна?

УСТИНЬЯ НАУМОВНА.

Можно, бралиантовая, можно.

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА (*наливаетъ*).

Кушай-ко на здоровье!

УСТИНЬЯ НАУМОВНА.

Да ты бы сама-то прежде, яхонтовая (*пьетъ*).

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА.

Еще поспѣю!

УСТИНЬЯ НАУМОВНА.

Уахъ! фу! Гдѣ это вы берете зелье этакое?

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА.

Изъ винной конторы (*пьетъ*).

УСТИНЬЯ НАУМОВНА.

Ведрами, чай?

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА.

Ведрами. Что ужъ по малости-то, напасешься ль? У насъ, вѣдь, расходъ большой.

УСТИНЬЯ НАУМОВНА.

Что говорить, матушка, что говорить! Ну, ужъ хлопотала, хлопотала я для тебя, Аграфена Кондратьевна, гранила, гранила мостовую-то, да ужъ и выкопала жениха: ахнете, бралиантовыя, да и только.

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА.

Насилу-то умное словцо вымолвила.

УСТИНЬЯ НАУМОВНА.

Благороднаго происхожденія и значительный человекъ; такой вельможа, что вы и во снѣ не видывали.

А Г Р А Ф Е Н А К О Н Д Р А Т Ь Е В Н А .

Видно, ужь попросить у Самсона Силыча тебѣ парочку арабчиковъ.

У С Т И Н Ь Я Н А У М О В Н А .

Ничего, жемчужная, возьму. И крестьяне есть, и оргень на шеѣ; а умень какъ, просто тебѣ истуканъ золотой.

А Г Р А Ф Е Н А К О Н Д Р А Т Ь Е В Н А .

Ты бы, Устинья Наумовна, впередь доложила, что за дочерью-то у насъ не горы, моль, золотыя.

У С Т И Н Ь Я Н А У М О В Н А .

Да у него своихъ дѣвать некуда.

А Г Р А Ф Е Н А К О Н Д Р А Т Ь Е В Н А .

Хорошо бы это, ужь и больно хорошо; только вотъ что, Устинья Наумовна: сама ты, мать, посуди, что я буду съ благороднымъ-то зятемъ дѣлать? Я и слова-то сказать съ нимъ не умѣю, словно въ лѣсу.

У С Т И Н Ь Я Н А У М О В Н А .

Оно точно, жемчужная, дико сначала-то, ну а потомъ привыкнешь, обойдетесь какъ нибудь. Да вотъ, съ Самсонъ Силычемъ надо потолковать, можетъ онъ его и знаетъ, этого человѣка-то. (*Входитъ Рисположенскій*).

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Тѣже и Рисположенскій.

Р и с п о л о ж е н с к і й .

А я къ вамъ, матушка Аграфена Кондратьевна. Толкнулся было къ Самсону Силычу, да занятъ, вижу; такъ я думаю: зайду, моль, я къ Аграфенѣ Кондратьевнѣ. Что, это водочка у васъ? Я, Аграфена Кондратьевна, рюмочку выпью. (*Пьетъ*).

А Г Р А Ф Е Н А К О Н Д Р А Т Ь Е В Н А .

Кушай, батюшка, на здоровье! Садитесь милости просимъ, какъ живете, можете?

Р и с п о л о ж е н с к і й .

Какое ужь наше житье! Такъ, небо коптимъ, Аграфена Кондратьевна; сами знаете: семейство большое, дѣлишки маленькія. А не ропщу, роптать грѣхъ, Аграфена Кондратьевна.

А ГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА.

Ужъ это, батюшка, послѣднее дѣло.

Рисположенскій.

Кто ропщеть, тотъ, значить, Богу противится, Аграфена Кондратьевна. Вотъ какая была исторія....

А ГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА.

Какъ тебя звать-то, батюшка? Я все позабываю.

Рисположенскій.

Сысой Псоичъ, матушка Аграфена Кондратьевна.

УСТИНЬЯ НАУМОВНА.

Какъ же это такъ: Псовичъ! серебряный? Но каковски же это?

Рисположенскій.

Не умѣю вамъ сказать доподлинно; отца звали Псой — ну, стало быть, я Псоичъ и выхожу.

УСТИНЬЯ НАУМОВНА.

А Псовичъ, такъ Псовичъ! что жъ, это ничего! и хуже бываетъ, браліантовый.

А ГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА.

Такъ какую же ты, Сысой Псовичъ, исторію хотѣлъ разсказать?

Рисположенскій.

Такъ вотъ, матушка, Аграфена Кондратьевна, была исторія: не то, чтобы притча, али сказка какая, а истинное происшествіе. Я, Аграфена Кондратьевна, рюмочку выпью. (*Пьетъ*).

А ГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА.

Кушай, батюшка, кушай.

Рисположенскій (*садится*).

Жиль старецъ, маститый старецъ.... Вотъ, ужъ я, матушка, забылъ гдѣ, а только въ странѣ такой.... необитаемой. Было у него, сударыня ты моя, двѣнадцать дочерей — малъ-мала-меньше. Самъ работать не въ силахъ, жена тоже старуха старая, дѣти еще малыя, а пить, ѣсть

надобно. Что было добра, подь старость все прожили; поить, кормить некому! Куда дѣться съ малыми ребятами? Вотъ онъ такъ думать, эдакъ думать — нѣтъ, сударыня ты моя, ничего ужъ тутъ не придумаешь. «Поиду, говорить, я на распутіе: не будетъ ли чего отъ добротныхъ дателей.» День сидитъ — Богъ подастъ, другой сидитъ — Богъ подастъ; вотъ, онъ, матушка, и возропталъ.

А ГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА.

А, батюшки!

Рисположенскій.

Господи, говорить, не мздонмець я, не лихонмець я.... лучше, говорить, на себя руки наложить.

А ГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА.

Ахъ, батюшка мой!

Рисположенскій.

И бысть ему, сударыня ты моя, сонъ въ нощи.... (*Входитъ Большовъ*).

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

ТѢЖЕ И БОЛЬШОВЪ.

БОЛЬШОВЪ.

А! и ты, баринъ, здѣсь! Что это ты тутъ проповѣдуешь?

Рисположенскій (*кланяется*).

Все ли вы здоровы, Самсонъ Силычъ?

УСТИЦЬЯ НАУМОВНА.

Что это ты, яхонтовій, похудѣлъ словно? Аль увѣчье какое напало?

БОЛЬШОВЪ (*сидясь*).

Простудился, должно быть, либо геморой, что-ли, расходился....

А ГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА.

Ну, такъ, Сусой Псовичъ, что же ему дальше-то было?

Рисположенскій.

Послѣ, Аграфена Кондратьевна, послѣ доскажу, на свободѣ какъ нибуду, забѣгу въ сумерки и расскажу.

Большовъ.

Что это ты, или за святость взялся! ха, ха, ха! Пора очуствоваться.

Аграфена Кондратьевна.

Ну, ужъ ты начнешь! Не дашь по душѣ потолковать.

Большовъ.

По душѣ!... ха, ха, ха.... А ты спроси-ко, что онъ въ судѣ-то надѣлалъ; вотъ эту исторію-то онъ тебѣ лучше расскажетъ.

Рисположенскій.

Ничего не надѣлалъ.

Большовъ.

А за что жъ тебя оттедова выгнали?

Рисположенскій.

Пьяный было дѣло потерялъ, вотъ и все.

Аграфена Кондратьевна.

Что жъ! Не токма что съ пьющимъ, и съ непьющимъ бываетъ. Что жъ за бѣда такая!

Большовъ.

Какъ же тебя въ Камчатку не сослали?

Рисположенскій.

Ужъ и въ Камчатку! А за что, позвольте васъ спросить: за что въ Камчатку-то сослать?

Большовъ.

За что! За безобразіе! Такъ неужели жъ вамъ потакать? Этакъ вы съ кругу сопьетесь.

Рисположенскій.

Будетъ съ меня и того, что изъ службы выгнали. Каково мнѣ теперь съ семействомъ-то маяться. По грошамъ-то немного наберешь! А вѣдь я человѣкъ чувствительный, я свою семью люблю. Я, Аграфена Кондратьевна, рюмочку выпью (*пьетъ*).

А Г Р А Ф Е Н А К О Н Д Р А Т Ь Е В Н А .

Кушай, батюшка, на здоровье! А мы съ тобой, Устинья Наумовна, пойдёмъ-ко; чай, ужъ самоваръ готовъ; да покажу я тебѣ, есть у насъ кой-что изъ приданаго новенькаго.

У С Т И Н Ъ Я Н А У М О В Н А .

У васъ, чай, и такъ вороха наготовлены, браліантовая.

А Г Р А Ф Е Н А К О Н Д Р А Т Ь Е В Н А .

Что дѣлать-то! Матеріи новыя вышли, а намъ будто не стать за нихъ деньги платить

У С Т И Н Ъ Я Н А У М О В Н А .

Что говорить, жемчужная! Свой магазинъ, все равно, что въ саду ростеть. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Большовъ и Рисположенскій.

Большовъ.

А что, Сысой Пеончъ, чай ты съ этимъ крючкомъ на своемъ вѣку много чернилъ извелъ?

Рисположенскій.

Хе, хе.... Самсонъ Силычъ, матеріалъ не дорогой. А я вотъ забѣжалъ понавѣдаться, какъ ваши дѣлишки. Что-то вы въ послѣднее время въ задумчивость приходите стали.

Большовъ.

Забѣжалъ ты! тебѣ больно нужно! То-то, вотъ вы подлый народъ такой, кровопивцы какіе-то: только бѣ вамъ пронюхать что-нибудь этакое, такъ ужъ вы и вьетесь тутъ съ вашимъ дьявольскимъ наущеніемъ.

Рисположенскій.

Какое же можетъ произойти, Самсонъ Силычъ, отъ меня наущеніе? Да и что я за учитель такой, когда вы сами, можетъ быть, въ десять разъ меня умнѣе? Меня что попросятъ, я сдѣлаю. Что жъ не сдѣлать! Я бы свинья былъ, когда бѣ не сдѣлалъ; потому что я, можно сказать, облагодѣтельствованъ вами и съ ребятами. А я еще довольно глупъ, чтобы вамъ совѣтывать: вы свое дѣло сами лучше всякаго знаете.

Большовъ.

Сами знаете! То-то вотъ и бѣда, что нашъ братъ, купецъ, дуракъ, ничего онъ не понимаетъ, а такимъ пивкамъ, какъ ты, это и на-руку. Вѣдь вотъ ты теперь всѣ пороги у меня обобьешь, тоскамшишь-то.

Рисположенскій.

Какъ же мнѣ не таскаться-то! Кабы я васъ не любилъ, я бы къ вамъ не таскался. Развѣ я не чувствую? Что жъ я, въ самомъ дѣлѣ, скотъ что ли, какой безсловесный?

Большовъ.

Знаю я, что ты любишь, — всѣ вы насъ любите; только путнаго отъ васъ ничего не добьешься. Вотъ я теперь маюсь, маюсь съ дѣломъ-то, такъ измучился, повѣришь ли ты, мнѣніемъ только этимъ однимъ. Поневолю задумаешься, какъ дѣла-то замнутся. Вотъ теперь приходится много денегъ платить! И не то, чтобъ у меня ихъ не было; а, признаться тебѣ сказать, не хочется. Пожалуй расплатиться можно, да себѣ-то, глядишь, ничего и не останется. Вотъ какъ теперь деньги-то всѣ въ рукахъ, такъ отдавать-то и жалко. Ты этого и понять-то не можешь, потому что ты такихъ денегъ съ роду не видавалъ. Какъ вспомню, что отдавать надобно, такъ вотъ за сердце и схватить, — ища нездоровъ сдѣлался. Тьфу, вы окаянныя! (*Съ волненіемъ въ голосъ*). Кажется вотъ... ну, вотъ... задушилъ бы когонибудь.

Рисположенскій.

Что жъ, Самсонъ Силычъ, не вы первый, не вы послѣдній, нешто другіе-то не дѣлаютъ?

Большовъ.

Какъ не дѣлать, братъ; и другіе дѣлаютъ. Да еще какъ дѣлаютъ-то; безъ стыда, безъ совѣсти! На лежащихъ лесорахъ ѣздятъ, въ трехъэтажныхъ домахъ живутъ; другой такой бельведеръ съ колоннами выведетъ, что ему съ своей образиной и войдти-то туда совѣстно; а тамъ и капутъ, и взять съ него нечего. Коляски эти разѣдутся неизвѣстно куда, дома всѣ заложены, останется ль, нѣтъ ли кредиторамъ-то старыхъ сапоговъ пары три. Вотъ это-то меня больше и смущаетъ.

Рисположенскій.

Извѣстное дѣло. Что жь, Самсонъ Силычъ, все это въ нашихъ рукахъ.

Большовъ.

Знаю, что въ нашихъ рукахъ, да съумѣешь ли ты это дѣло сдѣлать-то? Вѣдь, вы народецъ тоже! Я ужь васъ знаю! На словахъ-то вы прытки, а тамъ и пошелъ блудить.

Рисположенскій.

Да что вы, Самсонъ Силычъ, помилуйте, нешто мнѣ въ первый разъ! Ужь еще этого-то не знать! хе, хе, хе...

Большовъ.

Ой-ли? Такъ какую жь ты механику подсмолишь?

Рисположенскій.

А тамъ, глядя по обстоятельствамъ. Я, Самсонъ Силычъ, рюмочку выпью (*пьетъ*)... Вотъ, первое дѣло, Самсонъ Силычъ, надобно домъ да лавки заложить, либо продать. Это ужь первое дѣло.

Большовъ.

Да, это точно надобно сдѣлать заблаговременно. На кого бы только эту обузу свалить?

Рисположенскій.

А я вотъ какъ мекаю, Самсонъ Силычъ, хотите вы меня слушайте, хотите вы нѣтъ: каковъ человѣкъ у васъ прикащикъ?

Большовъ.

Который? Лазарь что ли?

Рисположенскій.

Да, Лазарь Елизарычъ.

Большовъ.

Ну, а на Лазаря, такъ и пускай на него; онъ малый съ понятіемъ, да и капиталецъ есть.

Рисположенскій.

Что же прикажете, Самсонъ Силычъ, закладную или купчую?

Большовъ.

А съ чего процентовъ меньше, то и варгань. Какъ сдѣлаешь все въ акуратѣ, такой тебѣ, Сысой Псоичъ, могоарычъ поставлю, просто сказать, угоришь.

Рисположенскій.

Ужъ будьте покойны, Самсонъ Силычъ, мы свое дѣло знаемъ. А вы Лазарю-то Елизарычу говорили, или нѣтъ? Я, Самсонъ Силычъ, рюмочку вышью (*нѣтъ*).

Большовъ.

Нѣтъ еще. Вотъ нынче потолкуемъ. Онъ у меня парень-то дѣльный, ему только мигни, онъ и понимаетъ. А ужъ сдѣлаеть-то что, такъ пальца не подсунешь. — Ну, заложимъ мы домъ, а потомъ что?

Рисположенскій.

А потомъ напишемъ реэстрикъ, что вотъ, молъ, такъ и такъ, по двадцати пяти копѣекъ за рубль: ну и ступайте по кредиторамъ. — Коли кто больно заартачится, такъ можно и прибавить, а другому сердитому и все заплатить... Вы ему заплатите, а онъ, чтобы писалъ, что по сдѣлкѣ получилъ по двадцати пяти копѣекъ, такъ для видимости, чтобы другимъ показать. Вотъ, молъ, такъ и такъ; ну и другіе, глядя на нихъ, согласятся.

Большовъ.

Это точно, поторговаться не мѣшаетъ: не возьмутъ по двадцати пяти, такъ полтину возьмутъ; а если полтины не возьмутъ, такъ за семь гривенъ обѣими руками ухватятся. Все-таки барышъ. Тамъ что хошь говори, а у меня дочь невѣста, хоть сейчасъ изъ полы въ полу, да съ двора долой. Да и самому-то, братецъ ты мой, отдохнуть пора; проклажались бы мы, лежа на боку, и торговлю всю эту къ чорту. Да вотъ и Лазарь идетъ. (*Входитъ Подхалюзинъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣже и Подхалюзинъ.

Большовъ.

Что скажешь, Лазарь? Ты изъ городу что-ль? Какъ у васъ тамъ?

Подхалюзинъ.

Слава Богу-съ, идетъ по маленьку. Сысою Шончу! (*Кланяется.*)

Рисположенскій.

Здравствуйте, батюшка Лазарь Елизарычъ! (*Кланяется.*)

Большовъ.

А идетъ, такъ и пусть идетъ. (*Помомавъ.*) А вотъ ты бы, Лазарь, когда на досугъ баланць для меня сдѣлалъ, учелъ бы розничную по панской-то части, ну и остальное, что тамъ еще. А то торгуемъ, торгуемъ, братецъ, а пользы ни на грошъ. Али сидѣльцы что ли грѣшать, таскаютъ роднымъ да любовницамъ; ихъ бы маленьчко усовѣщевалъ. Что такъ, безъ барыша-то небо коптить? Аль споровки не знаютъ? Пора бы, кажется.

Подхалюзинъ.

Какъ же это можно, Самсонъ Силычъ, чтобы споровки не знать? Кажется, самъ завсегда въ городѣ бываю-съ и завсегда толкуешь имъ-съ.

Большовъ.

Да что же ты толкуешь-то?

Подхалюзинъ.

Извѣстное дѣло-съ, стараюсь, чтобы все было въ порядкѣ и какъ слѣдуетъ-съ. Вы, говорю, ребята, не зѣвайте: видишь, чуть дѣло подходящее, покупатель что ли тумакъ какой подвернулся, али цвѣтъ съ узоромъ какой барышичъ понравился, взялъ, говорю, да и накинулъ рубль али два на аршичъ.

Большовъ.

Чай, братъ, знаешь, какъ Нѣмцы въ магазинахъ нашихъ баръ обираютъ. Положимъ, что мы не Нѣмцы, а христіане православные, да тоже пироги-то съ начинкой ѣдимъ. Такъ ли, а? (*Рисположенскій смѣется.*)

Подхалюзинъ.

Дѣло понятное-съ. И мѣрять-то, говорю, надо тоже по естественнѣе: тани да потягивай, только—только чтобъ, Боже сохрани, какъ не лопнуло; вѣдь не намъ, говорю, послѣ носить. Ну, а зазѣваются,

такъ никто виновать, можно, говорю, и просто черезъ руку лишній аршинъ шмыгнуть.

Б о л ь ш о в ъ.

Все единственно; вѣдь портной украдетъ же! Эхъ, Лазарь, плохи нынче барыни: не прежнія времена. (*Молчаніе.*) Что, Вѣдомости принесъ?

П о д х а л ю з н и ц ъ (*вынимая изъ кармана и подавая*).

Извольте получить-съ.

Б о л ь ш о в ъ.

Дава-ко-съ, посмотримъ. (*Надѣваетъ очки и просматриваетъ.*)

Р и с п о л о ж е н с к і й.

Я, Самсонъ Силычъ, рюмочку выпью. (*Пьетъ, потомъ надѣваетъ очки, садится подлѣ Большова и смотритъ въ газеты.*)

Б о л ь ш о в ъ (*читаетъ въ слухъ*).

«Объявленія казенныя и разныхъ обществъ. 1, 2, 3, 4, 5 и 6, отъ Воспитательнаго Дома. Это не по нашей части: намъ крестьянъ не покупать. 7 и 8, отъ Московскаго Университета, отъ Губернскихъ Правленій, отъ Приказовъ Общественнаго Призрѣнія.» Ну, и это мимо. «Отъ Городской Шестигласной Думы.» А нутко-съ, нѣтъ ли чего. (*Читаетъ.*) «Отъ Московской Городской Шестигласной Думы симъ объявляется: не пожелаетъ ли кто взять въ содержаніе нижеозначенныя оброчныя статьи.» Не наше дѣло: залоговъ надоть представлять. «Контора Вдовьяго Дома симъ приглашаетъ...» Пускай приглашаетъ, а мы не поидемъ. «Отъ Сиротскаго Суда.» У самихъ ни отца, ни матери. (*Просматриваетъ дальѣ.*) Эге! Вонъ оно куды пошло! «По опредѣленію Коммерческаго Суда, Ѳедотъ Селиверстовъ Плѣшковъ объявленъ несостоятельнымъ должникомъ.» Вотъ и за этимъ деньги пропали. Возьми прочь! (*Задумывается.*)

П о д х а л ю з н и ц ъ (*беретъ газету*).

Газету - то только пакостятъ. На все купечество мораль эдакая. (*Молчаніе.*)

Р и с п о л о ж е н с к і й.

Прощайте, Самсонъ Силычъ, я теперь домой побѣгу: дѣлишки есть кой-какія.

Большовъ.

Да ты бы посидѣлъ немножко.

Рисположенскій.

Нѣтъ, ей-Богу, Самсонъ Слычъ, не время. Я ужъ къ вамъ завтра пораньше зайду.

Большовъ.

Ну, какъ знаешь!

Рисположенскій.

Прощайте!... Прощайте, Лазарь Елизарычъ! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XII.

Большовъ и Подхалюзинъ.

Большовъ.

Вотъ ты и знай, Лазарь, какова торговля-то! Ты думаешь что! Такъ вотъ даромъ и бери деньги. Какъ не деньги, скажетъ, — видалъ, какъ лягушки прыгаютъ. На-ко, говоритъ, вексель. А по векселю-то съ иного что возьмешь, коли съ него взять-то нечего! У меня такихъ-то векселей тысячь на сто, и съ протестами; только и дѣло, что каждый годъ подкладывай. Хошь, за полтину серебра все отдамъ! Должниковъ-то по нимъ, чай, и съ собаками не сыщешь: которые повимерли, а которые поразбѣжались, некого и въ яму посадить. А и посадишь-то, Лазарь, такъ самъ не радъ: другой такъ обдержится, что его оттедова курево не выкуришь. Мнѣ, говоритъ, и здѣсь хорошо, а ты проваливай. Такъ ли, Лазарь?

Подхалюзинъ.

Ужъ это, какъ и водится.

Большовъ.

Съ городскими лучше не связывайся: все въ долгъ, да въ долгъ; а привезетъ ли, нѣтъ-ли, такъ слѣпой мелочью да арабчиками; поглядишь — ни ногъ, ни головы, а на мелочи никакого званія давно ужъ нѣтъ. А вотъ ты тутъ какъ хошь! На торги хошь не являйся: сбиваютъ цѣны пуще чортъ знаетъ чего; а надѣнешь хомуть, да еще и вязку подай, да могоарычи, да угощенія, да разные тамъ недочеты съ провѣсами. Вошь оно что! Чувствуешь ли ты это?

П о д х а л ю з и н ъ.

Кажется, долженъ чувствовать-сь.

Б о л ь ш о в ъ.

Вотъ, какова торговля-то, вотъ тутъ и торгуй! (*Помолчавъ.*)
Что, Лазарь, какъ ты думаешь?

П о д х а л ю з и н ъ.

Да какъ думать-сь! Ужъ это, какъ вамъ угодно. Наше дѣло подначальное.

Б о л ь ш о в ъ.

Что тутъ подначальное, — ты говори по душѣ. Я у тебя про дѣло спрашиваю.

П о д х а л ю з и н ъ.

Это опять таки, Самсонъ Силычъ, какъ вамъ угодно-сь.

Б о л ь ш о в ъ.

Наладилъ одно: какъ вамъ угодно. Да ты-то какъ?

П о д х а л ю з и н ъ.

Это я не могу знать-сь.

Б о л ь ш о в ъ (*помолчавъ*).

Скажи, Лазарь, по совѣсти, любишь ты меня? (*Молчаніе.*) Любишь что ли? Что жъ ты молчишь? (*Молчаніе.*) Поилъ, кормилъ, въ люди вывелъ, кажется.

П о д х а л ю з и н ъ.

Эхъ, Самсонъ Силычъ! Да что тутъ разговаривать-то-сь. Ужъ вы во мнѣ не сумнѣвайтесь! Ужъ одно слово: вотъ какъ есть, весь тутъ.

Б о л ь ш о в ъ.

Да что жъ, что ты весь-то?

П о д х а л ю з и н ъ.

Ужъ коли того, а — либо что, такъ останетесь довольны: себя не пожалѣю.

Б о л ь ш о в ъ.

Ну такъ и разговаривать нечего. По мнѣ, Лазарь, теперь самое настоящее время: денегъ наличныхъ у насъ довольно, векселямъ всѣмъ сроки подошли. Чего жъ ждать-то? Вотъ я и думаю, Лазарь, предложить кредиторамъ-то такую статью: не возьмутъ ли они у меня конеекъ по двадцати пяти за рубль. Какъ ты думаешь?

П о д х а л ю з и н ъ.

А ужъ по мнѣ, Самсоиъ Силычъ, коли платить по двадцати пяти, такъ пристойнѣе совсѣмъ не платить.

Б о л ь ш о в ъ.

А что? Вѣдь и правда. Храбростью-то никого не удивишь, а лучше тихимъ-то манеромъ дѣльцо обдѣлать. Тамъ послѣ суди Владыко на второмъ пришествіи. Хлопотъ-то только куча. Домъ-то и лавки я на тебя заложу.

П о д х а л ю з и н ъ.

Нельзя жъ безъ хлопотъ-съ. Вотъ векселя надо за что нибудь сбыть-съ, товаръ перевести куда по дальше. Станемъ хлопотать-съ!

Б о л ь ш о в ъ.

Оно такъ. Да старенекъ ужъ я становлюсь хлопотать-то. А ты помогать станешь?

П о д х а л ю з и н ъ.

Помилуйте, Самсоиъ Силычъ, въ огонь и въ воду погѣзу-съ.

Б о л ь ш о в ъ.

Этакъ-то лучше! Махнулъ съ разу, да и шабашъ. Только напусти Богъ смѣлости. Спасибо тебѣ, Лазарь. Удружилъ! *(Встаетъ.)* Ну, хлопочи! *(Подходитъ къ нему и треплетъ по плечу.)* Сдѣлаешь дѣло аккуратно, такъ мы съ тобой барышами-то подѣлимся. Награжу на всю жизнь. *(Идетъ къ двери.)*

П о д х а л ю з и н ъ.

Мнѣ, Самсоиъ Силычъ, окромя вашего спокойствія, ничего не нужно-съ. Какъ жимши у васъ съ малолѣтства и видѣвши все ваши благодѣянія: можно сказать, мальчишкой взять-съ лавки подметать, элѣдовательно долженъ я чувствовать.

ДѢЙСТВІЕ III.

*(Контора въ домъ Большова. Прямо дверь, на левой сторонѣ
лѣстница на верхъ.)*

ЯВЛЕНІЕ I.

ТИШКА *(Со щеткой на авансценѣ.)*

Эхъ житье, житье! Вотъ чѣмъ свѣтъ тутъ ты полы мети! А мое ли дѣло полы мети! У насъ все не такъ, какъ у людей! У другихъ то хозяевъ, коли ужъ мальчишка, такъ и живетъ въ мальчишкахъ, — стало быть при лавкѣ присутствуетъ. А у насъ то туда, то сюда, цѣлый день шаркай по мостовой, какъ угорѣлый. Скоро руку набьешь, держи карманъ-то. У добрыхъ людей для разгонки держать дворника, а у насъ онъ съ котятами на печкѣ лежитъ, либо съ бухаркой проклажается; а на тебѣ спросится. У другихъ все таки вальготность есть; инымъ часомъ проштрафишься што либо-ошто, по малолѣтствію тебѣ спускается: а у насъ — коли не тотъ, такъ другой, коли не самъ, такъ сама задасть вытренку: а то вотъ прикащикъ Лазарь, а то вотъ Омининна, а то вотъ.... всякая шваль надъ тобой командуетъ. Вотъ она жисть-то какая анаемская! А ужъ это, чтобы урваться когда изъ дому, съ пріятелями въ три листика, али въ пристѣнокъ сразиться — и не думай лучше! Да ужъ и въ головѣ-то правда не то! *(Льзетъ на стулъ колышками и смотритъ въ зеркало.)* Здравствуйте, Тихонъ Савостьянычъ! Какъ вы поживаете? Все ли вы славу Богу?.... А ну, Тишка, выкинь колѣнце *(дѣластъ гримасу)* Вотъ оно что! *(другую)* Эвось оно какъ... *(хохочетъ.)* *(Входитъ Подхалюзинъ.)*

ЯВЛЕНІЕ II.

ТИШКА и ПОДХАЛЮЗИНЪ *(крадется и хватаетъ его за воротъ).*

ПОДХАЛЮЗИНЪ.

А это ты, чертенокъ, что дѣлаешь?

Т и ш к а.

Что! извѣстно что! пыль стираль.

П о д х а л ю з и н ъ.

Языкомъ-то стираль! Что ты за пыль на зеркалѣ нашель! Покажу я тебѣ пыль! Ишь ломается! А вотъ я тебѣ заклею подзатыльника, такъ ты и будешь знать.

Т и ш к а.

Будешь знать! Да было бы еще за что?

П о д х а л ю з и н ъ.

А за то, что за что! Поговоришь, такъ и увидишь за что! Вотъ пикни еще!

Т и ш к а.

Да, пикни еще! Я вѣдь и хозяину скажу, не что возьмешь!

П о д х а л ю з и н ъ.

Хозяину скажу!... Что мнѣ твой хозяинъ.... Я, коли на то пошло... хозяинъ мнѣ твой! На то ты и мальчишка, чтобъ тебя учить, а ты думаль что! Васъ, пострѣлять, не бить, такъ и добра не видать. Прахтика эта извѣстная. Я, братъ, и самъ огни и воды и мѣдныя трубы прошелъ.

Т и ш к а.

Знаемъ, что прошелъ.

П о д х а л ю з и н ъ.

Цыцъ, дьяволенокъ! (*Замахивается.*)

Т и ш к а.

Нако-сь, попробуй! нешто не скажу, ей-Богу скажу!

П о д х а л ю з и н ъ.

Да что ты скажешь-то, чертова перечница!

Т и ш к а.

Что скажу? А то, что лаешься!

П о д х а л ю з и н ъ.

Важное кушанье! Ишь ты баринъ какой! Подитко - съ? Былъ Сысой Псоичъ?

Т и ш к а.

Извѣстно, былъ.

П о д х а л ю з и н ъ.

Да ты, чертенокъ, говори толкомъ! Зайди что - ль хотѣлъ?

Т и ш к а.

Зайди хотѣлъ!

П о д х а л ю з и н ъ.

Ну, такъ ты сѣбгай на досугъ.

Т и ш к а.

Рябиновки что ли?

П о д х а л ю з и н ъ.

Да, рябиновки. Надо Сысою Псоича поподчивать. (*Даетъ деньги.*) Куш полштофа, а сдачу возьми ужъ себѣ на пряники. Только ты, смотри, проворнѣй, чтобы не хватились!

Т и ш к а.

Стриженная дѣвка косы не заплететь. Такъ начну порхать — живымъ манеромъ. (*Тишка уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ III.

П о д х а л ю з и н ъ. (*одинъ.*)

Вотъ бѣда-то! Вотъ она гдѣ бѣда-то пришла на насъ! Что теперь дѣлать-то! Ну, положимъ, хозяину что нибудъ и останется, а я то при чемъ буду? Миѣ-то куда дѣться? Въ проходномъ ряду пылью торговать! Служилъ, служилъ лѣтъ двадцать, а тамъ ступай, мостовую граш. Какъ теперь это дѣло разсудить надо? Товаромъ что ли? Чѣмъ нибудъ попользоваться надо будетъ. (*Ходитъ по комнатѣ.*) Говорять, надо совѣсть знать! Да извѣстное дѣло надо совѣсть знать, да въ какомъ это смыслѣ понимать нужно? Противъ хорошаго человека у всякаго есть совѣсть: коли онъ самъ другихъ обманываетъ,

такъ какая же тутъ совѣсть! Самсонъ Силычъ кунецъ богатѣйшій, и темерича все это дѣло, можно сказать, такъ для препровожденія времени затѣялъ. А я человѣкъ бѣдный! Если и попользуюсь въ этомъ дѣлѣ чѣмъ нибудь лишнимъ — такъ и грѣха нѣтъ никакого; потому онъ самъ несправедливо поступаетъ, противъ закона идетъ. А мнѣ что его жалѣть. Вышла линия, ну и не плошай: онъ свою политику ведетъ, а ты свою статью гони. Еще то ли бы я съ нимъ сдѣлалъ, да не приходится. Хмъ! — Вѣдь залѣзетъ этакая фантазія въ голову человѣку! Конечно Алимпіяда Самсоновна барышня образованная, и, можно сказать, какихъ въ свѣтѣ нѣтъ, а вѣдь этотъ женихъ ее темерича не возьметъ, скажетъ, денегъ дай! А денегъ гдѣ взять? И ужь не быть ей теперь за благороднымъ, потому денегъ нѣтъ. Раю ли поздно ли, а придется за кунца отдавать! (*Ходитъ молча.*) А понабравши деньжонокъ да поклониться Самсону Силычу, дескать, я, Самсонъ Силычъ, въ такихъ лѣтахъ, что долженъ подумать о продолженіи потомства, и я, молъ, Самсонъ Силычъ, для вашего спокойствія потакрови не жалѣю. Конечно, молъ, Алимпіяда Самсоновна барышня образованная, да вѣдь и я, Самсонъ Силычъ, не лыкомъ шитъ, сами изволите видѣть, имѣю капиталецъ и могу кругомъ себя ограничить на этотъ предметъ. Отъ чего не отдать за меня? Чѣмъ я не человѣкъ? Ни въ чемъ незамѣченъ, къ старшимъ почтителенъ! Да при всемъ томъ, какъ заложили мнѣ Самсонъ Силычъ домъ и лавки, такъ и закладной-то можно пугнуть. А знавши-то характеръ Самсона Силыча, каковъ онъ есть, — это и очень можетъ случиться. У нихъ такое заведеніе, коли имъ что попало въ голову, ужь ни чѣмъ не выѣбешь оттедова. Все равно какъ въ четвертомъ году захотѣли бороду обрить: сколько ни просили Аграфена Кодратьевна, сколько ни плакали, — нѣтъ, говоритъ, послѣ оная отпущу, а теперь поставлю на своемъ: взяли да и обрили. Такъ вотъ и это дѣло: потрафь я по нихъ, или такъ взойди имъ въ голову — завтра же подъ вѣнецъ, и баста, и разговаривать не смѣй. Да отъ этакаго удовольствія съ Ивана Великаго прыгнуть можно! (*Входитъ Тишка со штофомъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Подхалюзинъ и Тишка.

Тишка.

Вотъ онъ я! Пришелъ!

Подхалюзинъ.

Послушай, Тишка, Устинья Наумовна здѣсь?

Тишка.

Тамъ наверху, Да и стракулисть идетъ.

Подхалюзинъ.

Такъ ты поставь водку-то на столъ, да и закусочки доставь. (*Тишка ставитъ водку и достаетъ закуски, потомъ уходитъ. Расположенскій входитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ V.

Подхалюзинъ и Расположенскій.

Подхалюзинъ.

А, наше вамъ-съ!

Расположенскій.

Къ вамъ, батюшка Лазарь Елизарычъ, къ вамъ! Право. Думаю, моль, мало ли что, можетъ что и пужно. Это водочка у васъ? Я, Лазарь Елизарычъ, рюмочку вышью. Что-то руки стали трястись по утрамъ, особенно вотъ правая! Какъ писать что, Лазарь Елизарычъ, такъ все лѣвой придерживаю. Ей-Богу! А вышьешь водочки, словно лучше. (*Пьетъ.*)

Подхалюзинъ.

Отъ чего же это у васъ руки трясутся?

Расположенскій. (*Садится къ столу.*)

Отъ заботы, Лазарь Елизарычъ, отъ заботы, батюшка.

Подхалюзинъ.

Такъ-съ! А я такъ полагаю отъ того, что больно народъ грабите. За неправду Богъ наказываетъ.

Расположенскій.

Эхъ, хе, хе.... Лазарь Елизарычъ! Гдѣ нѣмъ грабить! Дѣлишки наши маленькія. Мы, какъ птицы небесныя, по зернышку клюемъ.

Подхалюзинъ.

Вы, стало быть, по мелочамъ.

Р и с п о л о ж е н с к і й.

Будешь и по мелочамъ, какъ взять-то негдѣ. Ну еще нешто, кабы одинъ, а то вѣдь у меня жена да четверо ребятишекъ. Всѣ вѣсть просятъ, голубчики. Тотъ говоритъ — тятенька дай, другой говоритъ — тятенька дай. А я къ семейству очень чувствительный человекъ. Одного вотъ въ гимназію опредѣлилъ: мушкетирчикъ надобно, то, другое. А домишко-то эвоно гдѣ!... Что сапоговъ однихъ истреплешь, ходимши къ Воскресенскимъ воротамъ съ Бутырокъ-то.

П о д х а л ю з и н ѣ.

Это точно-съ.

Р и с п о л о ж е н с к і й.

А зачѣмъ ходишь-то: кому просьбишку изобразишь, кого въ мѣщане припишешь. Шной день и полтины серебромъ домой не принесешь. Ей-Богу, не лгу. Чѣмъ тутъ жить? Я, Лазарь Елизарычъ, рюмочку вышью. (*Пьетъ.*) А я думаю: забѣгу, молъ, къ Лазарю Елизарычу, не дастъ ли онъ мнѣ деньжонокъ что нибудь.

П о д х а л ю з и н ѣ.

А за какія же это провинности-съ?

Р и с п о л о ж е н с к і й.

Какъ за какія провинности! Вотъ ужъ грѣхъ, Лазарь Елизарычъ! Нешто я вамъ не служу? Но гробъ слуга, что хотите заставьте. А закладную-то вамъ выхлопоталъ.

П о д х а л ю з и н ѣ.

Вѣдь ужъ вамъ заплачено! И толковать-то вамъ объ одномъ и томъ же не приходится!

Р и с п о л о ж е н с к і й.

Это точно, Лазарь Елизарычъ, заплачено. Это точно! Эхъ, Лазарь Елизарычъ, бѣдность-то меня одолѣла!

П о д х а л ю з и н ѣ.

Бѣдность одолѣла! Это бываетъ-съ. (*Подходитъ и садится къ столу.*) А у насъ вотъ лишнія есть-съ: дѣвать некуда. (*Кладетъ бумажникъ на столъ.*)

Р и с п о л о ж е н с к і й.

Что вы, Лазарь Елизарычъ, неужто лишнія? Небось шутите.

Подхалюзинъ.

Окромя всякихъ шутокъ-съ.

Рисположенскій.

А коли лишнія, такъ отъ чего жъ бѣдному чѣловѣку не помочь!
Вамъ Богъ пошлетъ за это.

Подхалюзинъ.

А много ли вамъ требуется?

Рисположенскій.

Дайте три цѣлковинныхъ.

Подхалюзинъ.

Что такъ мало-съ?

Рисположенскій.

Ну дайте пять.

Подхалюзинъ.

А вы просите больше!

Рисположенскій.

Ну ужъ, коли милость будетъ, дайте десять.

Подхалюзинъ.

Десять-съ! Такъ, задаромъ?

Рисположенскій.

Какъ задаромъ! Заслужу, Лазарь Елизарычъ, когда нибѣудь скви-
таемся.

Подхалюзинъ.

Все это буки-съ. Улита ѣдетъ, да когда-то она будетъ. А мы
теперь съ вами вотъ какую матерію заведемъ: много ли вамъ Сам-
сонъ Силычъ обѣщали за всю эту механику?

Рисположенскій.

Стыдно сказать, Лазарь Елизарычъ! Тысячу рублей да старую
шубу енотовую. Ужъ меньше меня никто не возьметъ, ей-Богу, вотъ
хоть прицѣнитесь подите.

Подхалюзинъ.

Ну такъ вотъ что, Сысой Псоичъ, я вамъ дамъ двѣ тысячи-съ за этотъ же самый предметъ-съ.

Рисположенскій.

Благодѣтель вы мой, Лазарь Елизарычъ! Съ женой и съ дѣтьми въ кабалу пойду.

Подхалюзинъ.

Сто серебромъ теперь же-съ, а остальные послѣ, по окончаніи всего происшествія-съ.

Рисположенскій.

Ну вотъ, какъ за этакихъ людей Богу не молить! Только какая нибѣдь свинья необразованная можетъ не чувствовать этого. Я вамъ въ ножки поклонюсь, Лазарь Елизарычъ!

Подхалюзинъ.

Это ужъ на что же-съ! Только, Сысой Псоичъ, ужъ хвостомъ не вертѣть туда и сюда, а ходи въ акуратѣ, — попалъ на эту точку и вертись на этой линіи. Понимаете-съ?

Рисположенскій.

Какъ не понимать! Что вы, Лазарь Елизарычъ! маленькій что ли я! Пора понимать!

Подхалюзинъ.

Да что вы понимаете-то? Вотъ дѣла-то какія-съ! Вы прежде выслушайте. Пріѣзжаемъ мы съ Самсономъ Силычемъ въ городъ, и эрестрикъ этотъ привезли, какъ слѣдуетъ. — Вотъ онъ пошелъ по кредиторамъ: тотъ не согласенъ, другой не согласенъ; да такъ, ни одинъ-таки и нейдетъ на эту штуку. Вотъ она какая статья-то.

Рисположенскій.

Что вы это говорите, Лазарь Елизарычъ! А! Вотъ поди жѣ ты!

Подхалюзинъ.

Какъ бы намъ теперича съ этимъ дѣломъ не опростоволоситься! Понимаете вы меня, али нѣтъ?

Рисположенскій.

То есть на счетъ чего же, Лазарь Елизарычъ?

Подхалюзинъ.

А на счетъ того, что тутъ теперь дѣло обоюдное выходить. Хозяинъ самъ по себѣ; а и мнѣ чтобъ холтура была.

Рисположенскій.

Хе, хе, хе.... то есть домъ-то съ лавками.... этакъ.... домъ-то... хе, хе, хе....

Подхалюзинъ (*грозно*).

Что-о-съ?

Рисположенскій.

Нѣтъ-съ, это я такъ, Лазарь Елизарычъ, по глупости, какъ будто для шутки.

Подхалюзинъ.

То-то для шутки! А вы этимъ не шутите-съ! Тутъ не то, что домъ, у меня теперь такая фантазія въ головѣ, объ этомъ предметѣ, что надо съ вами обширно потолковать-съ! Пойдемте ко мнѣ-съ. Тишка! (*Входитъ Тишка.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣже и Тишка.

Подхалюзинъ.

Прибери тутъ все это! Ну, пойдете, Сысой Псоичъ! (*Тишка хочетъ убирать водку.*)

Рисположенскій.

Постой, постой! Эхъ, братецъ, какой ты глупый! Видишь, что хотятъ пить, ты и подожди.... ты и подожди. Ты еще малъ, ну такъ ты будь учивъ и снисходителецъ. Я, Лазарь Елизарычъ, рюмочку выпью.

Подхалюзинъ.

Пейте, да только поскорѣича, того гляди, самъ пріѣдетъ.

Р и с п о л о ж е н с к і й.

Сейчасъ, батюшка Лазарь Елизарычъ, сейчасъ! (*Пьетъ и заку-
сываетъ.*) Да ужъ мы лучше ее съ собой возьмемъ. (*Уходятъ.
Тишка прибираетъ кое-что; съ верху сходятъ Устинья Нау-
мовна и Оминина. Тишка уходитъ.*)

О м и н и ш н а.

Ужъ порѣши ты ея нужду, Устинья Наумовна! Ишь ты дѣвка-то
измаялась совсѣмъ, да вѣдь ужъ и время, матушка. Молодость-то не
бездонный горшокъ, да и тотъ, говорятъ, опоражнивается. Я ужъ
это по себѣ знаю. Я по тринадцатому году замужъ шла, а ей вотъ
черезъ мѣсяць девятнадцатый годокъ минеть. Что томить-то ее по
напрасну! Другія въ ея пору давно ужъ дѣтей повывели. То-то,
мать моя, что жъ ее томить-то!

У с т и н њ я Н а у м о в н а.

Сама все это разумѣю, серебряная, — да нешто за мной дѣло
стало; у меня жениховъ-то, что борзыхъ. Да ишь ты, разборчивы
очень онѣ съ маменькой-то.

О м и н и ш н а.

Да что ихъ разбирать-то! Какого ни возьми, все человѣкъ.

У с т и н њ я Н а у м о в н а (*сидясь*).

Присѣсть, серебряная. Измучилась я нынче день-то деньской:
съ раняго утра, словно отымалка какая, мычуся. А вѣдь и проми-
новать ничего нельзя, вездѣ, стало быть, необходимый человѣкъ. Из-
вѣстное дѣло, серебряная, всякой человѣкъ — живая тварь: тому не-
вѣста понадобится, той жениха, хоть роди, да подай, а тамъ гдѣ-
нибудь и вовсе свадьба. А кто сочинить? — все я же. Отдувайся одна
за всѣхъ Устинья Наумовна. А отчего отдувайся? Оттого, что ужъ
такъ, видно, устроено, — отъ начала міра этакое колесо заведено.
Точно, надо правду сказать, необходимы и насъ за труды: кто на
платъе тебѣ матеріи, кто шаль съ бахрамой, кто тебѣ чепчикъ со-
стряпаетъ, а гдѣ и золотой, гдѣ и побольше перевалится, — извѣстно
что чего стоитъ, глядя по силѣ возможности.

О м и н и ш н а.

Что говорить, матушка, что говорить!

УСТИЦЬЯ НАУМОВНА.

Саднесь, Омнишница, — ноги-то старыя, ломаныя.

Омнишница.

И, мать! некогда. Вѣдь какой грѣхъ-то: самъ-то что-то изъ городу не ѣдетъ, всеъ подь страхомъ ходимъ; того и гляди, пьяный прѣдетъ. А ужь какой благой-то, Господи! Зародится же вѣдь этой озарникъ!

УСТИЦЬЯ НАУМОВНА.

Извѣстное дѣло: съ богатымъ мужикомъ, что съ чортомъ, не скоро сообразнись.

Омнишница.

Ужъ мы отъ него страсти-то видали. Вотъ на прошлой недѣлѣ, ночью, пьяный прѣхалъ: развоевался такъ, что на-поди. Страсти да и только! Посуду колотить... «У!» говоритъ, «такія вы и такія, убою съ разу.»

УСТИЦЬЯ НАУМОВНА.

Необразование!

Омнишница.

Ужъ и правда, матушка! А я побѣгу, родная, на верхъ-то, Аграфена-то Кондратьевна у меня тамъ одна. Ты, какъ пойдешь домой-то, такъ заверни ко мнѣ, — я тебѣ окорочекъ завяжу. (*Идетъ на лѣстницу.*)

УСТИЦЬЯ НАУМОВНА.

Зайду, серебряная, зайду. (*Подхалюзинъ входитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ VII.

УСТИЦЬЯ НАУМОВНА и ПОДХАЛЮЗИЦЬ.

ПОДХАЛЮЗИЦЬ.

А! Устицья Наумовна! Сколько лѣтъ, сколько зимъ-съ!

УСТИЦЬЯ НАУМОВНА.

Здравствуй, живая душа! Каково попрыгиваешь?

Подхалюзинъ.

Что намъ дѣлается-съ. (*Садится.*)

Устинья Наумовна.

Мамзельку, коли хочешь, высватаю.

Подхалюзинъ.

Покорно благодарствуйте, — намъ пока не требуется.

Устинья Наумовна.

Самъ, серебряный, не хочешь, пріятелю удружу. У тебя вѣдь, чай, знакомыхъ-то по городу, что собакъ.

Подхалюзинъ.

Да есть таки около того-съ.

Устинья Наумовна.

Ну, а коли есть, такъ и слава тебѣ Господи! Чуть маломальски женихъ, холостой ли онъ, не женатый ли, вдовецъ ли какой, — прямо и тащи ко мнѣ.

Подхалюзинъ.

Такъ вы его и жените?

Устинья Наумовна.

Такъ и женю. Отчего жъ не женить? И не увидишь, какъ женю.

Подхалюзинъ.

Это дѣло хорошее-съ. А вотъ теперича я у васъ спрошу, Устинья Наумовна, зачѣмъ это вы къ намъ больно часто повадились?

Устинья Наумовна.

А тебѣ что за печаль! Зачѣмъ бы я ни ходила. Я вѣдь не краденая какая, не овца безъ имени. Ты что за спросъ?

Подхалюзинъ.

Да такъ-съ, не напрасно ли ходите-то?

Устинья Наумовна.

Какъ напрасно? Съ чего это ты, серебряный, выдумалъ! Посмотри-ка, какого жениха нашла! — Благородный, крестьяне есть, и изъ себя молодець.

Подхалюзинъ.

За чѣмъ же дѣло стало-съ?

Устинья Наумовна.

Ни за чѣмъ не стало! Хотѣлъ завтра пріѣхать да ознакомиться.

Подхалюзинъ.

Задасть онъ вамъ копоти.

Устинья Наумовна.

Что ты, здоровъ ли, яхонтовый?

Подхалюзинъ.

Вотъ вы увидите!

Устинья Наумовна.

До вечера не дожить! ты, алмазный, либо пьянъ, либо вовсе съ ума свихнулъ.

Подхалюзинъ.

Ужъ объ этомъ-то вы не пзвольте беспокоиться, вы объ себѣ-то подумайте, а мы знаемъ, что знаемъ.

Устинья Наумовна.

Да что ты знаешь-то?

Подхалюзинъ.

Мало ли что знаемъ-съ.

Устинья Наумовна.

А коли что знаешь, такъ и намъ скажи; авось языкъ-то не отвалится.

Подхалюзинъ.

Въ томъ-то и сила, что сказать-то нельзя.

Устинья Наумовна.

Отчего жъ нельзя, меня что ль совѣстишься, бралиантовый? Ничего — говори, нужды нѣтъ.

Подхалюзинъ.

Тутъ не объ совѣсти дѣло. А вамъ скажи, вы, пожалуй, и разболтаете.

УСТИЦЬЯ НАУМОВНА.

Анаоема хочу быть, коли скажу, — руку даю на отвѣченіе.

ПОДХАЛЮЗНИЦЪ.

То-то-же-съ. Уговоръ, лучше денегъ-съ.

УСТИЦЬЯ НАУМОВНА.

Извѣстное дѣло. Ну, что же ты зидешь-то?

ПОДХАЛЮЗНИЦЪ.

А вотъ что-съ, Устицья Наумовна: нельзя ли какъ этому вашему жениху отказать-съ?

УСТИЦЬЯ НАУМОВНА.

Да что ты, обѣлены что ль обѣлея?

ПОДХАЛЮЗНИЦЪ.

Ничего не обѣлея-съ! А если вамъ угодно говорить по душѣ, по совѣсти-съ, такъ это вотъ какого рода дѣло-съ: у меня есть одинъ знакомый кунецъ изъ русскихъ, и онъ очень влюбленъ въ Аниміяду Самсоновну-съ. Что, говорить, ни дать, только бы жениться; ничего, говорить, не пожалѣю.

УСТИЦЬЯ НАУМОВНА.

Что жъ ты мнѣ прежде-то, алмазный, не сказалъ?

ПОДХАЛЮЗНИЦЪ.

Сказать-то было нечего, по тому самому, что и я то недавно узналъ-съ.

УСТИЦЬЯ НАУМОВНА.

Ужъ теперь поздно, браліянтовый!

ПОДХАЛЮЗНИЦЪ.

Ужъ какой женихъ-то, Устицья Наумовна! Да онъ васъ съ ногъ до головы золотомъ осыплетъ-съ, изъ живыхъ соболей шубу сошьетъ.

УСТИЦЬЯ НАУМОВНА.

Да, голубчикъ, нельзя! Рада бы я радостью, да ужъ я слово дала.

Подхалюзникъ.

Ну, какъ угодно-сь! А за этого высватаете, такъ бѣды наживете, что послѣ и не расхлебаете.

Устинья Наумовна.

Ну, ты самъ разсуди, съ какимъ я рыломъ покажусь къ Самсону-то Силычу? — Наговорила имъ съ три короба, что и богатъ-то, и красавецъ-то, и влюбленъ-то такъ, что и жить не можетъ: а теперь что скажу? Вѣдь ты самъ знаешь, каково у васъ чадошко, Самсонъ-то Силычъ; вѣдь онъ, не ровень часъ, и ченчикъ помнетъ.

Подхалюзникъ.

Ничего не помнетъ-сь.

Устинья Наумовна.

Да и дѣвку-то раздражила; на дню два раза присылаетъ: что женихъ, да какъ женихъ?

Подхалюзникъ.

А вы, Устинья Наумовна, не бѣгайте отъ своего счастья-сь. Хотите двѣ тысячи рублей и шубу соболью? Я вамъ говорю-сь, что женихъ такой, что вы съ роду и не видывали-сь; только вотъ одно-сь: происхожденія не благороднаго.

Устинья Наумовна.

А они-то развѣ благородные? А нажили капиталъ, такъ и дочка въ принцесы паровить. А все это денежки. Вотъ, я чѣмъ хуже ея, а за ея же хвостомъ наблюдай. Воспитанья-то тоже не Богъ знаетъ какого: нишетъ-то, какъ слонъ брюхомъ ползаетъ, по французскому, али на фортепянахъ, тоже сямъ, тямъ, да и пѣтъ ничего; ну а танецъ-то отколоть — я и сама были въ пось нущу.

Подхалюзникъ.

Ну зотъ видите ли — за кунцомъ-то быть ей гораздо пристойнѣе.

Устинья Наумовна.

Да какъ же мнѣ съ женихомъ-то быть, серебряный? Я его-то ужъ больно увѣрила, что такая Алимпіяда Самсоновна красавица, что настоящей тебѣ патреть; и образованная, говорю, и по французскому и на разные манеры знаетъ. Что жъ я ему теперь-то скажу?

Подхалюзинъ.

Да вы и теперь тоже ему скажите, что, молъ, и красавица, и образованная, и на всякіе манеры, только, молъ, они деньгами поразстроились, такъ онъ самъ откажется!

Устинья Наумовна.

А что вѣдь, и правда, браліянтовый! Да иѣтъ, постой! Какъ же! Вѣдь я ему сказала, что у Самсона Силыча денегъ куры не клюютъ.

Подхалюзинъ.

То-то вотъ, притки вы очень рассказывать-то! А почему вы знаете, сколько у Самсона Силыча денегъ-то, нешто вы считали?

Устинья Наумовна.

Да ужъ это, кого ни спроси, всякій знаетъ, что Самсонъ Силычъ купецъ богатѣйшій.

Подхалюзинъ.

Да! Много вы знаете! А что послѣ того будетъ, какъ высватаете значительнаго человѣка, а Самсонъ Силычъ денегъ-то не дастъ? А онъ послѣ всего этого вступится, да скажетъ: я, дескать, не купецъ, что меня можно приданымъ обманывать! Да еще какъ значительный-то человѣкъ подастъ жалобу въ судъ, потому что значительному человѣку вездѣ ходъ есть-съ: мы-то съ Самсонъ Силычемъ попались, да и вамъ-то не уйдти. Вѣдь вы сами знаете: можно обмануть приданымъ нашего брата — съ рукъ сойдетъ, а значительнаго человѣка обмани-ко поди, такъ послѣ и не уйдешь.

Устинья Наумовна.

Ужъ полно тебѣ пугать-то меня! Сбилъ съ толку совсѣмъ.

Подхалюзинъ.

А вы вотъ возьмите задаточку сто серебра, да и по рукамъ-съ.

Устинья Наумовна.

Такъ ты, яхонтовый, говоришь, что двѣ тысячи рублей да шубу соболью?

Подхалюзинъ.

Точно такъ-съ. Ужъ будьте покойны! А надѣвши шубу-то соболью, Устинья Наумовна, да по гуляню пройдетесь: другой подумаетъ, генеральша какъя.

УСТИНЬЯ НАУМОВНА.

А что ты думаешь, да и въ самомъ дѣлѣ! Какъ надѣну соболью шубу-то, поприбодрюсь, да руки-то въ боки, такъ ваша братья, бородастые, рты разинете. Разахаются такъ, что пожарной трубой не зальешь; жены-то съ ревности вамъ все носы пооборвуть.

ПОДХАЛЮЗИНЪ.

Это точно-съ!

УСТИНЬЯ НАУМОВНА.

Давай задатокъ! Была не была!

ПОДХАЛЮЗИНЪ.

А вы, Устинья Наумовна, вольнымъ духомъ, не робѣйте!

УСТИНЬЯ НАУМОВНА.

Чего робѣть-то? Только смотри: двѣ тысячи рублей, да соболью шубу.

ПОДХАЛЮЗИНЪ.

Говорю вамъ, изъ живыхъ сошьемъ. Ужъ что толковать.

УСТИНЬЯ НАУМОВНА.

Ну, прощай, изумрудный! Побѣгу теперь къ жениху. Завтра увидимся, такъ я тебѣ все отлепартую.

ПОДХАЛЮЗИНЪ.

Погодите! Куда бѣжать-то! Зайдите ко мнѣ — водочки выпьемъ-съ. Тишка! Тишка! (*входитъ Тишка*). Ты смотри, коли хозяинъ пріѣдетъ, такъ ты въ тѣ поры прибѣги за мной. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТИШКА (*садится къ столу и вынимаетъ изъ кармана деньги*).

Полтина серебромъ — это нынче Лазарь далъ. Да намедни, какъ съ колокольни упалъ, Аграфена Кондратьевна гривенникъ дали, да четвертакъ въ орлянку выигралъ, да третевось хозяинъ забылъ на прилавкѣ цѣлковый. Эвось, что денегъ-то! (*Считаетъ про себя*).

Голосъ Оминишны за сценой: «Тишка, а Тишка! Долго ль мнѣ кричать-то?») Что тамъ еще! (*«Дома, что ли-ча, Лазарь?»*) Былъ, да весь вышелъ! (*«Да куда жъ онъ дѣлся-то?»*) А я почему знаю; нешто онъ у меня спрашивается! Вотъ кабы спрашивался — я бы знала. (*Оминишна сходитъ съ лѣстницы*).

О м и н и ш н а.

Да вѣдь Самсонъ Сильчъ прѣхалъ, да никакъ хмѣльной.

Т и ш к а.

Фю! понались!

О м и н и ш н а.

Бѣги, Тишка, за Лазаремъ! голубчикъ, бѣги скорѣи!

А Г Р А Ф Е Н А К О Н Д Р А Т Ь Е В Н А (*показывается на лѣстницѣ*).

Что, Оминишна, матушка, куда онъ идетъ-то?

О м и н и ш н а.

Да никакъ, матушка, сюда! Охъ, запру я двери-то, ей-Богу запру; пускай его къверху идетъ, а ты ужъ, голубушка, здѣсь посиди. (*Стукъ въ двери и голосъ Самсона Сильча: «Эй, отворите! кто тамъ?»*) Аграфсна Кондратьевна скрывается).

О м и н и ш н а.

Поди, батюшка, поди, усни, Христось съ тобой!

Б о л ь ш о в ь (*за дверями*).

Да что ты, старая корга, съ ума, что ли, сошла?

О м и н и ш н а.

Ахъ, голубчикъ ты мой! Ахъ я мымра слѣная! А вѣдь покажишь мнѣ сдуру-то, что ты хмѣльной прѣхалъ. Ужъ извини меня, тлуха стала на старости лѣтъ. (*Самсонъ Сильчъ входитъ*).

ЯВЛЕНИЕ IX.

Оминишна и Большовъ.

Б о л ь ш о в ь.

Спрячій былъ?

О м и н и ш н а.

А стряпали, батюшка, щи съ солонной, гусь жареный, драчена.

Б о л ь ш о в ь.

Да ты обълены, что ль, объблаась, старая дура!

О м и н и ш н а.

Нѣтъ, батюшка! Сама кухаркѣ наказывала.

Б о л ь ш о в ь.

Пошла вошь! (*Садится. Оминшина уходитъ. Подхалюзинъ и Тишка входятъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Подхалюзинъ, Большовъ и Тишка.

Б о л ь ш о в ь (*къ Тишкѣ*).

Что ты ротъ-то разинулъ! Аль тебѣ дѣла нѣтъ?

П о д х а л ю з и н ь (*къ Тишкѣ*).

Говорили тебѣ, кажется! (*Тишка уходитъ*).

Б о л ь ш о в ь.

Стряпчій быль?

П о д х а л ю з и н ь.

Быль-съ.

Б о л ь ш о в ь.

Говорилъ ты съ нимъ?

П о д х а л ю з и н ь.

Да что, Самсонъ Силычъ, развѣ онъ чувствуетъ? Извѣстно, чернильная душа-съ! Одно ладить — объявиться несостоятельнымъ.

Б о л ь ш о в ь.

Что жь, объявиться, такъ объявиться — одинъ конецъ.

П о д х а л ю з и н ь.

Ахъ, Самсонъ Силычъ, что это вы изволите говорить!

Большовъ.

Что жъ, деньги заплатить? Да съ чего же ты это взял? Да я лучше все огнемъ сожгу, а ужъ имъ ни копѣйки не дамъ. Перевози товаръ, продавай векселя; пусть ташутъ, воруютъ, кто хочетъ, а ужъ я имъ не плательщикъ.

Подхалюзинъ.

Помилуйте, Самсонъ Силычъ, заведеніе было у насъ превосходное, и теперь должно все въ разстройство придти.

Большовъ.

А тебѣ что за дѣло? Не твое было. Ты старайся только, — отъ меня забыть не будешь.

Подхалюзинъ.

Не нуждаюсь я ни въ чемъ послѣ вашего благодѣянія. И напрасно вы такой сюжетъ обо мнѣ имѣете. Я теперича готовъ всю душу отдать за васъ, а не то чтобы какой фальшь сдѣлать. Вы подвигаетесь къ старости, Аграфена Кондратьевна дама изнѣженная, Алимпіяда Самсоновна барышня образованная, и въ такихъ годахъ; надобно и объ ней заботливость приложить-сь. А теперь такія обстоятельства — мало ли что можетъ произойти изъ всего этого.

Большовъ.

А что такое произойти можетъ? Я одинъ въ отвѣтъ.

Подхалюзинъ.

Что объ васъ-то толковать! Вы, Самсонъ Силычъ, отжили свой вѣкъ, слава Богу, пожили; а Алимпіяда-то Самсоновна, извѣстное дѣло, барышня, какихъ въ свѣтъ нѣтъ. Я вамъ, Самсонъ Силычъ, по совѣсти говорю, то есть, какъ это все по моимъ чувствамъ: если я теперича стараюсь для васъ, и всѣ мои усердія, можно сказать, не жалѣя пота-крови, прилагаю — такъ это все больше потому самому, что жалѣю мнѣ вашего семейства.

Большовъ.

Полно, такъ-ли?

Подхалюзинъ.

Позвольте-сь! Ну, положимъ, что все это благополучно кончится-сь, хорошо-сь; останется у васъ чѣмъ пристроить Алимпіяду Самсоновну;

ну, объ этомъ и толковать нечего-съ; были бы деньги, а женихи найдутся-съ. Ну, а грѣхъ какой, сохрани Господи! какъ придерутся, да начнутъ по судамъ таскать, да на все семейство этакая мораль поидеть, а еще, пожалуй, и имѣніе-то все отнимутъ: должны будутъ онѣ-съ голодъ и холодъ терпѣть, и безъ всякаго призрѣнія, какъ итенцы какіе беззащитные. Да это сохрани Господи! это что жъ будетъ тогда? (Плачетъ).

Б о л ь ш о в ъ .

Да объ чемъ же ты плачешь-то?

П о д х а л ю з и н ъ .

Конечно, Самсонъ Силычъ, я это къ примѣру говорю — въ добрый часъ молвить, въ худой промолчать, отъ слова не станется; а вѣдь врагъ-то силенъ — горами шатаеть.

Б о л ь ш о в ъ .

Что жъ дѣлать-то, братецъ, ужъ, знать, такая воля Божія, противъ ея не пойдешь.

П о д х а л ю з и н ъ .

Это точно, Самсонъ Силычъ! А все-таки, по моему глупому разсужденію, пристроить бы до поры до времени Алимпіяду Самсоновну за хорошаго человѣка; такъ ужъ тогда будетъ она, по крайности, какъ за каменной стѣной-съ. Да, главное, чтобы была душа у человѣка, такъ онъ будетъ чувствовать. А то вошь, что сватался за Алимпіяду Самсоновну, благородный-то и оглобли назадъ поворотилъ.

Б о л ь ш о в ъ .

Какъ назадъ? Да съ чего это ты выдумалъ?

П о д х а л ю з и н ъ .

Я, Самсонъ Силычъ, не выдумалъ, — вы спросите Устинью Наумовну. Должно быть, что нибудь прослышалъ, кто его знаетъ.

Б о л ь ш о в ъ .

А ну его! По моимъ дѣламъ теперь не такого нужно.

П о д х а л ю з и н ъ .

Вы, Самсонъ Силычъ, возьмите въ разсужденіе. Я посторонній человѣкъ, не родной, — а для вашего благополучія ни дня, ни ночи

себѣ покою не знаю, да и сердце-то у меня все изныло; а за него отдають барышню, можно сказать, красоту неопишанную, да и денегъ еще дають-сь; а онъ ломается, да важничаетъ, — ну есть ли въ немъ душа, послѣ всего этого?

Б о л ь ш о в ь .

Ну, а не хочеть, такъ и не надо, не заплачемъ!

П о д х а л ю з н и ц ь .

Нѣтъ, вы, Самсонъ Силычъ, разсудите объ этомъ: есть ли душа у человека? Я вотъ посторонній совѣмъ, да не могу же безъ слезъ видѣть всего этого. Поймите вы это, Самсонъ Силычъ! Другой бы и вниманія не взялъ такъ убиваться изъ-за чужаго дѣла-сь; а вѣдь меня теперь вы хоть гоните, хоть бейте, а я ужъ васъ не оставлю; потому не могу — сердце у меня не такое.

Б о л ь ш о в ь .

Да какъ же тебѣ оставить-то меня: вѣдь только и надежды-то теперь, что ты. Самъ я старъ, дѣла подошли тѣсныя. Погоди; можетъ, еще такое дѣло сдѣлаемъ, что ты и не ожидаешь.

П о д х а л ю з н и ц ь .

Да не могу же я этого сдѣлать, Самсонъ Силычъ. Поймите вы изъ этого; не такой я совѣмъ человекъ! Другому, Самсонъ Силычъ, конечно это все равно-сь, ему хоть трава не расти, а ужъ я не могу-сь; сами изволите видѣть-сь, хлопочу я, али нѣтъ-сь. Какъ чертъ какой, убиваюсь я теперь изъ-за вашего дѣла-сь; потому что не такой я человекъ-сь. Жалѣючи васъ это дѣлается, и не столько васъ, сколько семейство ваше. Сами изволите знать, Аграфена Кондратьевна дама изнѣженная, Алимніада Самсоновна барышня, какихъ въ свѣтѣ нѣтъ-сь...

Б о л ь ш о в ь .

Неужто и въ свѣтѣ нѣтъ?

П о д х а л ю з н и ц ь .

Ужъ конечно другой такой подобной красоты не возможно найдти на всемъ свѣтѣ.

Б о л ь ш о в ь .

Влюблешь ты что ли въ Алимніяду Самсоновну? Такъ говори прямо!

Подхалюзинъ.

Вы, Самсонъ Силычъ, можетъ, шутить изволите.

Большовъ.

Что за шутка! Я тебя безъ шутокъ спрашиваю.

Подхалюзинъ.

Помилуйте, Самсонъ Силычъ, смѣю ли я это подумать-съ.

Большовъ.

А что жь бы такое не смѣть-то? Что она княжна, что ли какая?

Подхалюзинъ.

Хотя и не княжна; да какъ бывши вы моимъ благодѣтелемъ и вмѣсто отца роднаго... Да иѣтъ, Самсонъ Силычъ, помилуйте, какъ же это можно-съ, неужли же я этого не чувствую!

Большовъ.

Такъ ты, стало быть, ее не любишь?

Подхалюзинъ.

Какъ же не любить-съ, помилуйте, кажется, больше всего на свѣтѣ.

Большовъ.

Такъ ты бы такъ и говорилъ, что люблю, моль, больше всего на свѣтѣ.

Подхалюзинъ.

Да какъ же не любить-съ. Сами извольте разсудить: день думаю, ночь думаю... то бишь, извѣстное дѣло, Алимпіяда Самсоновна барышня, какихъ въ свѣтѣ иѣтъ... Да иѣтъ, этаго нельзя-съ. Гдѣ же намъ-съ!...

Большовъ.

Да чего же нельзя-то, дура-голова?

Подхалюзинъ.

Какъ же можно, Самсонъ Силычъ? Какъ знавши я васъ, какъ отца роднаго, и Алимпіяду Самсоновну-съ, и опять знавши себя, что я такое значу, — гдѣ же мнѣ-съ съ суконнымъ-то рыломъ съ?

Большовъ.

Ничего не суконное. Рыло какъ рыло. Былъ бы умъ въ головѣ, — а тебѣ ума-то не занимать стать, этимъ добромъ Богъ наградилъ. Такъ что же, Лазарь, посватать тебѣ, Алимпіяду-то Самсоновну, а? Красавицу-то неописанную?

Подхалюзинъ.

Да помилуйте, смѣю ли я? Алимпіяда-то Самсоновна, можетъ быть, на меня и глядѣть-то не захотятъ-съ!

Большовъ.

Важное дѣло! Не плясать же мнѣ по ея дудочкѣ на старости лѣтъ. За кого велю, за того и поидеть. Мое дѣтище: хочу съ кашей ѣмъ, хочу масло пахтаю. — Ты со мной-то толкуй.

Подхалюзинъ.

Не смѣю я, Самсонъ Силычъ, объ этомъ съ вами говорить-съ. Не хочу быть подлецомъ противъ васъ.

Большовъ.

Экой ты, братецъ, глупый! Кабы я тебя не любилъ, нешто бы я такъ съ тобой разговаривалъ? Понимаешь ли ты, что я могу на всю жизнь тебя счастливымъ сдѣлать! Всю жизнь могу тебѣ даровать.

Подхалюзинъ.

А нешто я васъ не люблю, Самсонъ Силычъ, больше отца роднаго? Да накажи меня Богъ!...

Большовъ.

Ну, а дочь любишь?

Подхалюзинъ.

Изнылъ весь-съ! Вся душа-то у меня перевернулась давно-съ!

Большовъ.

Ну, а коли душа перевернулась, такъ мы тебя поправимъ. Владѣй Оадей нашей Маланьей.

Подхалюзинъ.

Тятенька, за что жалуете? Не стою я этого, не стою! И физиономія у меня совсѣмъ не такая.

Большовъ.

Ну ее, физиономію! А вотъ я на тебя все имѣніе переведу; такъ послѣ кредиторы-то и пожалѣютъ, что по двадцати пяти копѣекъ не взяли.

Подхалюзинъ.

Еще какъ пожалѣютъ-то-съ!

Большовъ.

Ну, ты ступай теперь въ городъ, а ужотко заходи къ невѣстѣ; мы надъ ними шутку подшутимъ.

Подхалюзинъ.

Слушаю, тятенька-съ!

(Уходятъ.)

ДѢЙСТВІЕ III.

(Гостиная въ домъ Большова.)

ЯВЛЕНІЕ I.

Большовъ *(входитъ и садится на кресло; нѣсколько времени смотритъ по угламъ и зѣваетъ)*.

Вотъ она жизнь-то; истинно сказано: суета суетъ и всяческая суета. Чертъ знаетъ, и самъ не разберешь, чего хочется. Вотъ бы и закусило что нибудь, да обѣдъ испортишь; а и такъ-то сидѣть одурь возьметъ. Али, чайкомъ бы что ль побаловать. *(Молчаніе.)* Вотъ такъ-то и все: жнль, жнль человекъ, да вдругъ и померъ — такъ все прахомъ и поидеть. Охъ, Господи, Господи! *(Зѣваетъ и смотритъ по угламъ. Входятъ Аграфена Кондратьевна и Липочка, разряженная.)*

ЯВЛЕНІЕ II.

Большовъ, Аграфена Кондратьевна и Липочка.

Аграфена Кондратьевна.

Ступай, ступай, моя крошечка; дверь-то побережнѣ, не зацѣни. Посмотри-ка, Самсонъ Силычъ, полюбуйся, сударь ты мой, какъ я дочку-то вырядила! Фу ты, прочь поди! Что твой розанъ піоновый! *(Къ ней.)* Ахъ ты моя ангелика-царевна! *(Къ нему.)* Что, Самсонъ Силычъ, правда что ли? Только бы ей въ каретѣ ѣздить шестерней.

Большовъ.

Проѣдетъ и парочкой, — не великаго полета помѣщица!

А Г Р А Ф Е Н А К О Н Д Р А Т Ь Е В Н А .

Ужъ извѣстно, не еeneralьская дочь, а все, какъ есть, красавица!... Да приголубь ребенка-то, что, какъ медвѣдь, бурчишь.

Б о л ь ш о в ь .

А какъ мнѣ еще приголубливать-то? Ручки что ль лизать, въ пожки кланяться? Во какая невидаль! Видали мы и понаряднѣе.

А Г Р А Ф Е Н А К О Н Д Р А Т Ь Е В Н А .

Да ты что видалъ-то? Такъ что нибудь. А вѣдь это дочь твоя, дитя кровная, каменныйи ты человекъ.

Б о л ь ш о в ь .

Что жъ, что дочь? Слава Богу, — обута, одѣта, накормлена, — чего ей еще хочется?

А Г Р А Ф Е Н А К О Н Д Р А Т Ь Е В Н А .

Чего хочется! Да ты, Самсонъ Силычъ, очумѣль что ли? Накормлена! Мало ли что, накормлена! — По христіанскому закону всякаго накормить слѣдствуетъ; и чужихъ призирають, не токма что своихъ, — а вѣдь это и въ люди сказать грѣхъ: какъ ни на есть, родная дѣтища!

Б о л ь ш о в ь .

Знаемъ, что родная, — да чего жъ ей еще? Что ты мнѣ притчи эти растолковываешь? Не въ рамку же ее вдѣлать! Понимаемъ, что отецъ.

А Г Р А Ф Е Н А К О Н Д Р А Т Ь Е В Н А .

Да коли ужъ ты, батюшка, отецъ, такъ небудь свекоромъ! Пора, кажется, въ чувство придти: разставатся скоро приходится, а ты и добраго слова не вымолвишь; долженъ бы на пользу посовѣтовать что нибудь такое житейское. Нѣтъ въ тебѣ никакого обычая родительскаго.

Б о л ь ш о в ь .

А нѣтъ, такъ что жъ за бѣда: стало быть, такъ Богъ создалъ.

А Г Р А Ф Е Н А К О Н Д Р А Т Ь Е В Н А .

Богъ создалъ! Да самъ-то ты что? Вѣдь и она, кажется, созданія божеская, али нѣтъ? Не животная какая нибудь, прости Господи!... Да спреси у нея что-нибудь!

Большовъ.

А что я за спросъ? Гусь свиньѣ не товарищъ: какъ хотите, такъ, и дѣлайте.

Аграфена Кондратьевна.

Да на дѣлѣ-то ужъ не спросимъ, — ты покедова-то вотъ. Человѣкъ прїѣдетъ чужой-посторонній, все таки, какъ хочешь примѣривай, а мужчина не женщина — въ первый-то разъ наѣдетъ, невиданши-то его.

Большовъ.

Сказано, что отстань!

Аграфена Кондратьевна.

Отецъ ты этакой, а еще родной называешься! Ахъ ты, дитяtko моя заброшенная, стоишь словно какая сиротинушка, приклонивши головушку. Отступились отъ тебя, да и знать не хотятъ. Присядь, Липочка, присядь, душечка, ненаглядная моя сокровища! (*Усаживается.*)

Липочка.

Ахъ, останьте, маменька! измяли совсѣмъ.

Аграфена Кондратьевна!

Ну, такъ я на тебя издальки посмотрю!

Липочка.

Пожалуй смотрите, да только не фантазируйте! Фи, маменька, нельзя одѣться порядочно: вы тотчасъ разчувствуетесь.

Аграфена Кондратьевна.

Такъ, такъ, дитяtko! да какъ взгляну-то на тебя, такъ вѣдь эта жалости подобно.

Липочка.

Что жъ, надо вѣдь когда нибудь.

Аграфена Кондратьевна.

Все-таки жалко, дурочка: растили, растили, да и вырастили — да, ни съ того-ни съ сего, въ чужіе люди отдаемъ, словно ты на доѣла намъ, да наскучила глупымъ малымъ ребячествомъ, своимъ

кроткимъ поведеніемъ. Вотъ, выживаемъ тебя изъ дому, словно во-рога изъ города, а тамъ схватимся, да спохватимся, да и негдѣ взять. Посудите, люди добрые, каково жить въ чужой-дальней сторонѣ, чужимъ кускомъ давишься, кулакомъ слезы утираючи! Да, помилуй Богъ, не ровнюшка выйдется, не ровень дуракъ навяжется, аль дуракъ какой — дурацкій сынъ! *(Плачетъ.)*

Диточка.

Вотъ вы вдругъ и расплакались! Право, какъ не стыдно, маменька! Что тамъ за дуракъ!

Аграфена Кондратьевна *(плача)*.

Да ужъ это такъ говорится, — къ слову пришлось.

Большовъ.

А объ чемъ бы ты это, слышно, разрюмилась? Вотъ спросить тебя, такъ сама не знаешь.

Аграфена Кондратьевна.

Не знаю, батюшка, охъ не знаю; такой стихъ нашель.

Большовъ.

То-то вотъ, едуру. Слезы у васъ дешевы.

Аграфена Кондратьевна.

Охъ, дешевы, батюшка, дешевы: и сама знаю, что дешевы, да что жъ дѣлать-то?

Диточка.

Фи, маменька, какъ вы вдругъ! Полноте! Ну, вдругъ пріѣдетъ — что хорошаго!

Аграфена Кондратьевна.

Перестану, дитятко, перестану: сейчасъ перестану! *(Входитъ Устинья Наумовна.)*

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣже, и Устинья Наумовна.

Устинья Наумовна.

Здравствуйте, золотыя! Что вы не веселы, носы повѣсили? *(Цѣлуются.)*

А ГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА.

А ужъ мы заждались тебя.

Липочка.

Что, Устинья Наумовна, скоро прїѣдетъ?

УСТИНЬЯ НАУМОВНА.

Виновата, сейчасъ провалиться, виновата! А дѣла-то наши, серебряныя, не очень хороши!

Липочка.

Какъ? что такое за новости?

А ГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА.

Что ты еще тамъ выдумала?

УСТИНЬЯ НАУМОВНА.

А то, браліантовья, что женихъ-то нашъ что-то мнется.

Большовъ.

Ха, ха, ха! А еще сваха! Гдѣ тебѣ сватать!

УСТИНЬЯ НАУМОВНА.

Уперся, какъ лошадь — ни тпру, ни ну; слова отъ него не добьешься путнаго.

Липочка.

Да что жъ это, Устинья Наумовна? Да какъ же это ты, право!

А ГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА.

Ахъ, батюшки! Да такъ же это быть-то?

Липочка.

Да давно-ль ты его видѣла?

УСТИНЬЯ НАУМОВНА.

Нынче утромъ была. Вышелъ какъ есть въ одномъ шлафроктѣ; а ужъ уподчивалъ, — можно чести приписать. И кофію велѣлъ, и рому-то, а ужъ сухарей павалилъ — видимо-невидимо. Кушайте, говоритъ, Устинья Наумовна! Я было объ дѣлѣ-то, знаешь ли —

надо, молъ, чѣмъ-нибудь порѣшить; ты, говорю, нынче хотѣлъ ѣхать ознакомиться-то: а онъ мнѣ на это ничего путнаго не сказалъ. — Вотъ, говоритъ, подумавши, да посоветамшись, а самъ только что опояску поддергиваетъ.

Линочка.

Что жъ онъ тамъ спустя рукава-то сантиментальничаетъ? Право, ужъ тошно смотрѣть, какъ все это продолжается.

Аграфена Кондратьевна.

И въ самомъ дѣлѣ, что онъ ломается-то? Мы развѣ хуже его?

Устинья Наумовна.

А лягушка его заклюй, нешто мы другаго не найдемъ?

Большовъ.

Ну ужъ ты другаго-то не ищи, а то опять тоже будетъ. Ужъ другаго-то я вамъ самъ найду.

Аграфена Кондратьевна.

Да найдешь, на печи-то сидя; ты ужъ и забылъ, кажется, что у тебя дочь-то есть.

Большовъ.

А вотъ увидишь!

Аграфена Кондратьевна.

Что увидать-то! Увидать-то нечего! Ужъ не говори мнѣ, пожалуйста, — не разстроивай ты меня. (*Садится. Большовъ хохочетъ.*)

Тишка (*входитъ*).

Сусой Песовичъ приказали спросить, можно ли, дескать, взойдти. Они тамотка у Лазаря Елизарыча.

Большовъ.

Пошелъ зови его сюда и съ Лазаремъ. (*Тишка уходитъ.*)

Аграфена Кондратьевна.

Что жъ, — недаромъ закуска приготовлена — вотъ и закусимъ. А ужъ тебѣ, чай, Устинья Наумовна, давно водочки хочется.

УСТИНЬЯ НАУМОВНА.

Извѣстное дѣло — адмиральскіи часъ — самое настоящее время.

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА.

Ну, Самсонъ Силычъ, трогайся съ мѣста-то, что такъ-то сидѣть.

БОЛЬШОВЪ.

Погоди, вотъ тѣ пойдутъ, — еще уснѣешь.

ЛИПОЧКА.

Я, маменька, подойду раздѣнусь.

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА.

Поди, дитятко, поди.

БОЛЬШОВЪ.

Погоди раздѣваться-то — женихъ пріѣдетъ.

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА.

Какой тамъ еще женихъ, — полно дурачиться-то!

БОЛЬШОВЪ.

Погоди, Липа, женихъ пріѣдетъ.

ЛИПОЧКА.

Кто же это, тятенька? Знаю я его или нѣтъ?

БОЛЬШОВЪ.

А вотъ увидишь, такъ, можетъ, и узнаешь.

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА.

Что ты его слушаешь, какой тамъ еще шутъ пріѣдетъ! Такъ языкъ чешетъ.

БОЛЬШОВЪ.

Говорятъ тебѣ, что пріѣдетъ, такъ ужъ я, стало быть, знаю, что говорю.

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА.

Если кто въ самомъ дѣлѣ пріѣдетъ, такъ ужъ ты бы путемъ говорилъ, — а то пріѣдетъ, пріѣдетъ, а Богъ знаетъ кто пріѣдетъ. Вотъ всегда такъ.

Липочка.

Ну такъ я, маменька, останусь. (*Подходитъ къ зеркалу и смотрится; потомъ къ отцу.*) Тятенька!

Большовъ.

Что тебѣ?

Липочка.

Стыдно сказать, тятенька!

Аграфена Кондратьевна.

Что за стыдъ, дурочка! Говори, коли что нужно.

Устинья Наумовна.

Стыдъ не дымъ — глаза не выѣсть.

Липочка.

Нѣтъ, ей-Богу, стыдно!

Большовъ.

Ну закройся, коли стыдно.

Аграфена Кондратьевна.

Шляпку, что ли, новую хочется?

Липочка.

Вотъ и не угадали, вовсе не шляпку.

Большовъ.

Такъ чего жь тебѣ?

Липочка.

Выдти за мужъ за военнаго!

Большовъ.

Экъ вѣдь что вывезла!

Аграфена Кондратьевна.

Актись, безпутная! Христось съ тобой!

Липочка.

Что жь, — вѣдь другія выходятъ же.

Большовъ.

Ну и пускай ихъ выходятъ, а ты сиди у моря да жди погоды.

Аграфена Кондратьевна.

Да ты у меня и заикаться не смѣй! Я тебѣ и родительскаго благословенья не дамъ. (*Входятъ Расположенскій, Лазарь и Олимпишина.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, Лазарь, Расположенскій и Олимпишина у дверей.

Расположенскій.

Здравствуйте, батюшка Самсонъ Силычъ! Здравствуйте матушка Аграфена Кондратьевна! Олимпиада Самсоновна, здравствуйте!

Большовъ.

Здравствуйи, братецъ, здравствуйи! Садитесь милости просимъ! Сидись и ты, Лазарь!

Аграфена Кондратьевна.

Закусить не угодно ли? а у меня и закусточка приготовлена.

Расположенскій.

Отчего жь, матушка, не закусить; я бы теперь рюмочку выпилъ.

Большовъ.

А вотъ сейчасъ поидемъ все вмѣстѣ, а теперь пока побесѣдуемъ маленько.

Устинья Наумовна.

Отчего жь и не побесѣдовать! Вотъ, золотыя мои, слышала я, будто въ газетѣ напечатано, правда ли, цѣтъ ли, что другой Бонапартъ родился, и будто бы, золотыя мои....

Большовъ.

Бонапартъ Бонапартомъ, а мы нуще всего надѣемся на милосердіе Божіе; да и не объ томъ теперь рѣчь.

Устинья Наумовна?

Такъ объ чемъ же, яхонтовъи?

Б о л ь ш о в ъ .

А о томъ, что лѣта наши подвигаются преклонныя, здоровье тоже ежеминутно прерывается, и одинъ Создатель только вѣдаетъ, что будетъ впередъ: то и положили мы, еще при жизни своей, отдать въ замужество единственную дочь нашу, и въ разсужденіи приданаго тоже можемъ надѣяться, что она не острамитъ нашего капитала и происхожденія, а равномѣрно и передъ другими прочими.

У с т и н ь я Н а у м о в н а .

Ишь вѣдь, какъ сладко рассказывать, браліяцтовый.

Б о л ь ш о в ъ .

А такъ какъ теперь дочь наша здѣсь на лицо, и при всемъ томъ, будучи увѣрены въ честномъ поведеніи и достаточности нашего будущаго зятя, что для насъ очень чувствительно, то и назначаемъ ее теперь въ общемъ лицезрѣніи. — Липа, поди сюда.

Л и п о ч к а .

Что вамъ, тятенька, угодно?

Б о л ь ш о в ъ .

Поди ко мнѣ, не укушу, — не боюсь. Ну, теперь ты, Лазарь, ползи.

П о д х а л ю з и ц ъ .

Давно готовъ-съ!

Б о л ь ш о в ъ .

Ну, Липа, давай руку!

Л и п о ч к а .

Какъ, что это за вздоръ? Съ чего это вы выдумали?

Б о л ь ш о в ъ .

Хуже, какъ силой возьму!

У с т и н ь я Н а у м о в н а .

Вотъ тебѣ, бабушка, и юрьевъ день!

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а

Господи, да что жъ это такое?

Липочка.

Не хочу, не хочу! Не пойду я за такого противнаго!

Гоминишна.

Съ нами крестная сила!

Подхалюзинъ.

Видно, тятенька, не видать миѣ счастья на этомъ свѣтѣ! Видно, не бывать-съ по вашему желанію!

Большовъ (*беретъ Липочку насильно за руку и Лазаря.*)

Какъ же не бывать, коли я того хочу? На что жъ я и отецъ, коли не приказывать? Даромъ что ли я ее кормилъ?

Аграфена Кондратьевна.

Что ты! что ты! опомнись!

Большовъ.

Знай сверчокъ свой шестокъ! Не твое дѣло! Ну, Липа! Вотъ тебѣ женихъ! Прошу любить да жаловать! Садитесь рядкомъ, да по-толкуйте ладкомъ — а тамъ честнымъ пиркомъ да за свадебку.

Липочка.

Какъ же, нужно миѣ очень съ неучемъ сидѣть! Вотъ оказія!

Большовъ.

А не сядешь, такъ насильно посажу, да заставлю жеманиться.

Липочка.

Гдѣ это видано, чтобы воспитанныя барышни выходили за своихъ работниковъ?

Большовъ.

Молчи, лучше! Велю, такъ и за дворника выдешь. (*Молчаніе.*)

Устинья Наумовна.

Вразуми, Аграфена Кондратьевна, что это за бѣда такая!

Аграфена Кондратьевна.

Сама, родная, затмилась, ровно чуланъ какой. И понять не могу, откуда это такое взялось?

О м и н и ш н а .

Господи! Семей десятокъ живу, сколько свадьбъ праздновала, а такой скверности не видывала.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а .

За что жъ вы это, душегубцы, дѣвку-то онозорили?

Б о л ь ш о в ь .

Да, очень мнѣ нужно слушать вашу фанаберію. Захотѣлъ выдать дочь за прикащика, и поставлю на своемъ, и разговаривать не смѣй; я и знать никого не хочу. Вотъ теперь закусить пойдете, а они пусть побалаясничаютъ, можетъ быть и поладятъ какъ нибудь.

Р и с п о л о ж е н с к і й .

Поидете, Самсонъ Силычъ, и я съ вами, для компаніи, рюмочку вышью. А ужъ это, Аграфена Кондратьевна, первый долгъ, чтобъ дѣти слушались родителей. Это не нами заведено, не нами и кончится. (*Встаютъ и уходятъ, кромѣ Липочки, Подхалюзина и Аграфены Кондратьевны*).

Л и п о ч к а .

Да что же это, маменька, такое? Что я имъ кухарка, что ли, досталась? (*Плачетъ*).

П о д х а л ю з и н ь .

Маменька-съ! Вамъ зятя такого, который бы васъ уважалъ, и, значить, старость вашу покоилъ — окромя меня не найдить-съ.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а .

Да какъ же это ты, батюшка?

П о д х а л ю з и н ь .

Маменька-съ! Въ меня Богъ вложилъ такое намѣреніе, потому самому-съ, что другой васъ, маменька-съ, и знать не хочетъ, а я по гробъ моей жизни (*плачетъ*) долженъ чувствовать-съ.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а .

Ахъ, батюшка! Да какъ же это быть?

Б о л ь ш о в ь (*изъ двери*).

Жена, поди сюда!

А Г Р А Ф Е Н А К О Н Д Р А Т Ь Е В Н А .

Сейчасъ, батюшка, сейчасъ!

П о д х а л ю з и н ъ .

Вы, маменька, вспомните это слово, что я сейчасъ сказалъ. (*Аграфена Кондратьевна уходитъ*).

Я В Л Е Н И Е V .

Л и п о ч к а и П о д х а л ю з и н ъ . (*Молчаніе*).

П о д х а л ю з и н ъ .

Алимпіяда Самсоновна-съ! Алимпіяда Самсоновна! Но, кажется, вы мною гнушаетесь? Скажите хоть одно слово-съ! Позвольте вашу ручку поцѣловать.

Л и п о ч к а .

Вы дуракъ, необразованный!

П о д х а л ю з и н ъ .

За что вы, Алимпіяда Самсоновна, обижать изволите-съ!

Л и п о ч к а .

Я вамъ одинъ разъ навсегда скажу, что не поѣду я за васъ, не поѣду.

П о д х а л ю з и н ъ .

Это какъ вамъ будетъ угодно-съ! Насильно милъ не будешь. Только я вамъ вотъ что доложу-съ....

Л и п о ч к а .

Я васъ слушать не хочу, отстаньте отъ меня! Какъ бы вы были учтивый кавалеръ: вы видите, что я ни за какія сокровища не хочу за васъ идти — вы бы должны отказаться.

П о д х а л ю з и н ъ .

Вотъ вы, Алимпіяда Самсоновна, изволите говорить — отказаться. Только если я откажусь, что потомъ будетъ-съ?

Л и п о ч к а .

А то и будетъ, что я выйду за благороднаго.

Подхалюзинъ.

За благороднаго-съ! Благородный-то безъ приданаго не возьметъ.

Липочка.

Какъ безъ приданаго? Что вы городите-то! Посмотрите-ка, какое у меня приданое-то — въ носъ бросится.

Подхалюзинъ.

Тряпки-то-съ! Благородный тряпокъ-то не возьметъ. Благородному-то деньги нужны-съ.

Липочка.

Что жъ! Тятенька и денегъ дастъ!

Подхалюзинъ.

Хорошо, какъ дастъ-съ! А какъ дать-то нечего? Вы дѣль-то тятенькиныхъ не знаете, а я ихъ очень хорошо знаю: тятенька-то вашъ банкротъ-съ.

Липочка.

Какъ банкротъ? А домъ-то, а лавки?

Подхалюзинъ.

А домъ-то и лавки — мои-съ!

Липочка.

Ваши?! Подите вы! Что, вы меня дурачить хотите? глупѣе себя пашли?

Подхалюзинъ.

А вотъ у насъ законные документы есть! (*Вынимаетъ*).

Липочка.

Такъ вы купили у тятеньки?

Подхалюзинъ.

Купилъ-съ!

Липочка.

Гдѣ же вы денегъ взяли?

Подхалюзинъ.

Денегъ! У насъ, слава Богу, денегъ-то побольше, чѣмъ у какого благороднаго.

Л и п о ч к а .

Что жъ это такое со мной дѣлають? Воспитывали, воспитывали, потомъ и обанкрутились! (*Молчаніе*).

П о д х а л ю з и н ъ .

Ну, положимъ, Алимпіяда Самсоновна, что вы выйдете и за благороднаго, — да что жъ въ этомъ будетъ толку-съ? Только одна слава, что барыня, а пріятности никакой нѣтъ-съ. Вы извольте разсудить-съ: барыни-то часто сами на рынокъ пѣшкомъ ходять-съ. А если и выйдутъ-то куда, такъ только слава, что четверня-то, а хуже одной-съ купеческой-то. Ей Богу, хуже-съ! Одѣваются тоже не больно пышно-съ. А если за меня-то вы, Алимпіяда Самсоновна, выйдете-съ, — такъ первое слово: вы и дома-то будете въ шелковыхъ платьяхъ ходить-съ; а въ гости, али въ театрѣ-съ, окромя бархатныхъ и надѣвать не станемъ. Въ разсужденіи шляпокъ или салоновъ — не будемъ смотрѣть на разныя дворянскія приличія, а надѣнемъ какую чуднѣй! (*Молчаніе*). Если вы на счетъ фізіономіи сумѣваете, такъ это, какъ вамъ будетъ угодно-съ: мы также и фракъ надѣнемъ, да бороду обрѣемъ, либо такъ подстрижемъ, по модѣ-съ, это для насъ все одно-съ.

Л и п о ч к а .

Да! Вы всё передъ свадьбой такъ говорите, а тамъ и обманете.

П о д х а л ю з и н ъ .

Съ мѣста не сойдти, Алимпіяда Самсоновна! Анаѳемой хочу быть, коли лгу! Да это что-съ, Алимпіяда Самсоновна! Нешто мы въ этакоемъ домѣ будемъ жить? Въ Каретномъ ряду купимъ-съ, распишемъ какъ: на потолокахъ это райскихъ птицъ нарисуемъ, сиреновъ, капидоновъ разныхъ — поглядѣть только, будутъ деньги давать.

Л и п о ч к а .

Нынче ужъ капидоновъ-то не рисуютъ.

П о д х а л ю з и н ъ .

Ну, такъ мы букетами пустимъ. (*Молчаніе*). Было бы только съ вашей стороны согласіе, а то мнѣ въ жизни ничего не надобно. (*Молчаніе*). Какъ я несчастливъ въ своей жизни, что не могу никакихъ комплиментовъ говорить.

Л и п о ч к а .

Для чего вы, Лазарь Елизарычъ, по-французски не говорите?

П О Д Х А Л Ю З И Н Ъ .

А для того, что намъ не для чего. (*Молчаніе*). Осчастливьте, Алимпіяда Самсоновна, обажите эдакое благоволеніе-съ. (*Молчаніе*). Прикажите на колѣни стать.

Л и п о ч к а .

Станьте! (*Подхалюзинъ становится*). Вотъ у васъ какая жилетка скверная!

П О Д Х А Л Ю З И Н Ъ .

Эту я Тишкѣ подарю-съ, а себѣ на Кузнецкомъ мосту закажу, только не погубите! (*Молчаніе*). Что же, Алимпіяда Самсоновна-съ?

Л и п о ч к а .

Дайте подумать.

П О Д Х А Л Ю З И Н Ъ .

Да объ чемъ же думать-съ?

Л и п о ч к а .

Какъ же можно не думать?

П О Д Х А Л Ю З И Н Ъ .

Да вы не думамши.

Л и п о ч к а .

Знаете что, Лазарь Елизарычъ!

П О Д Х А Л Ю З И Н Ъ .

Что прикажете-съ?

Л и п о ч к а .

Увезите меня потихоньку.

П О Д Х А Л Ю З И Н Ъ .

Да зачѣмъ же потихоньку-съ, когда такъ тятенька съ маменькой согласны?

Л и п о ч к а .

Да такъ дѣлають. Ну, а коли не хотите увезти, — такъ ужъ, пожалуй, и такъ.

Подхалюзинъ.

Алимпіяда Самсоновна! Позвольте ручку поцаловать! (*Цьлуетъ, потомъ вскакиваетъ и подбѣгаетъ къ двери*). Тятенька-съ!...

Липочка.

Лазарь Елизарычъ, Лазарь Елизарычъ! Подите сюда!

Подхалюзинъ.

Что вамъ угодно-съ?

Липочка.

Ахъ, если бы вы знали, Лазарь Елизарычъ, какое мнѣ житье здѣсь! У маменьки семь пятницъ на недѣлѣ; тятенька, какъ не пьянъ, такъ молчитъ, а какъ пьянъ, такъ приѣдетъ, того и гляди. Каково это терпѣть образованной барышнѣ! Вотъ какъ бы я вышла за благороднаго, такъ я бы и уѣхала изъ дому и забыла бы обо всемъ этомъ. А теперь все опять пойдеть по старому.

Подхалюзинъ.

Нѣтъ-съ, Алимпіяда Самсоновна, не будетъ этого! Мы, Алимпіяда Самсоновна, какъ только сыграемъ свадьбу, такъ перейдемъ въ свой домъ-съ. А ужъ мы имъ-то командовать не дадимъ-съ. Нѣтъ, ужъ теперь кончено-съ! Будеть съ нихъ — почудили на своемъ вѣку, теперь намъ пора!

Липочка.

Такъ смотрите же, Лазарь Елизарычъ, мы будемъ жить сами по себѣ, а они сами по себѣ. Мы заведемъ все по модѣ, а они какъ хотятъ.

Подхалюзинъ.

Ужъ это какъ и водится-съ.

Липочка.

Ну, теперь зовите тятеньку. (*Встаетъ и охорашивается передъ зеркаломъ*).

Подхалюзинъ.

Тятенька-съ! тятенька-съ! маменька-съ!

ЯВЛЕНИЕ VI.

Тѣ же, Большовъ и Аграфена Кондратьевна.

Подхалюзинъ (*идетъ на встречу Самсону Сильму и бросается къ нему въ объятія.*)

Алимпіяда Самсоновна согласны-съ!

Аграфена Кондратьевна.

Бѣгу, батюшка, бѣгу.

Большовъ.

Ну, вотъ и дѣлю! То-то же. Я знаю, что дѣлаю, ужъ не вамъ меня учить.

Подхалюзинъ (*къ Аграфень Кондратьевнѣ.*)

Маменька-съ! позвольте ручку поцѣловать.

Аграфена Кондратьевна.

Цѣлуй, батюшка, обѣ чистыя. Ахъ ты дитятко, да какъ же давеча-то такъ, а? Ей-Богу! Что жъ это такое? А ужъ я и не знала, какъ это дѣло и разсудить-то. Ахъ, ненаглядная ты моя!

Липочка.

Я со всѣмъ, маменька, не воображала, что Лазарь Елизарычъ такой учтивый кавалеръ! А теперь вдругъ вижу, что онъ гораздо почтительнѣе другихъ.

Аграфена Кондратьевна.

Вотъ то-то же, дурочка! Ужъ отецъ тебѣ худа не пожелаетъ. Ахъ ты, голубушка моя! Эка вѣдь притча-то, а! Ахъ матушки вы мои! Что жъ это такое? Омнишница, Омнишница!

Омнишница.

Бѣгу, бѣгу, матушка; бѣгу. (*Входитъ.*)

Большовъ.

Постой ты, тарапта! Вотъ вы садитесь рядомъ, а мы на васъ посмотримъ. Да подай ты намъ бутылочку шипучки. (*Подхалюзинъ и Липочка садятся.*)

Омнишница.

Сейчасъ, батюшка, сейчасъ! (*Уходитъ. Входятъ: Устинья Наумовна и Рисположенскій.*)

ЯВЛЕНИЕ VII.

ТѢ ЖЕ, УСТИЦЬЯ НАУМОВНА И РИСПОЛОЖЕНСКІЙ.

А Г Р А Ф Е Н А К О Н Д Р А Т Ь Е В Н А .

Поздравь жениха-то съ невѣстой, Устицья Наумовна! Вотъ Богъ привелъ, на старости лѣтъ, дожили до радости.

У С Т И Ц Ъ Я Н А У М О В Н А .

Да чѣмъ же поздравить-то васъ, изумрудныя? Сухая то ложка ротъ деретъ.

Б О Л Ъ Ш О В Ъ .

А вотъ мы тебѣ горлышко промочимъ. (*Входятъ: Оомнишна и Тишка съ виномъ на поднось.*)

ЯВЛЕНИЕ VIII.

ТѢ ЖЕ, ООМНИШНА И ТИШКА.

У С Т И Ц Ъ Я Н А У М О В Н А .

Вотъ это дѣло другаго рода. Ну, давай вамъ Богъ жить да молодѣть, толстѣть да богатѣть. (*Пьетъ.*) Горько, браліянтовья! (*Липочка и Лазарь цѣлуются.*)

Б О Л Ъ Ш О В Ъ .

Дай-ка я поздравлю (*Беретъ бокаль; Липочка и Лазарь встаютъ.*). Живите, какъ знаете — свой разумъ есть. А чтобъ вамъ жить-то было не скучно, такъ вотъ тебѣ, Лазарь, домъ и лавки пойдутъ вмѣсто приданаго, да изъ наличнаго отсчитаемъ.

П О Д Х А Л Ю З И Н Ъ .

Помилуйте, тятенька, я и такъ вами много доволенъ.

Б О Л Ъ Ш О В Ъ .

Что тутъ миловать-то! Свое добро, самъ нажилъ. Кому хочу — тому и даю. Наливай еще. (*Тишка наливаютъ.*) Да что тутъ разговаривать-то! На милость суда нѣтъ! Бери все, только насъ со старухой корми, да кредиторамъ заплати копеекъ по десяти.

П О Д Х А Л Ю З И Н Ъ .

Стоить ли , тятенька, объ этомъ говорить-съ. Нешто я не чувствую? Свои люди — сочтемся.

Большовъ.

Говорятъ тебѣ, бери все, да и кончено дѣло! И никто мнѣ не указъ! Заплати только кредиторамъ. Заплатишь?

Подхалюзинъ.

Помилуйте, тятенька, первымъ долгомъ-съ.

Большовъ.

Только ты смотри — имъ много-то не давай. А то ты чай радъ, сдуру-то, все отдать.

Подхалюзинъ.

Да ужъ тамъ, тятенька, сочтемся. Помилуйте, свои люди.

Большовъ.

То-то же. Ты имъ больше десяти копеекъ не давай. Будетъ съ нихъ.... Ну, поцѣлуйтеся! (*Липочка и Лазарь цѣлуются.*)

Аграфена Кондратьевна.

Ахъ, голубчики вы мои! Да какъ же это такъ? Совсѣмъ вотъ какъ полоумная.

Устинья Наумовна (*поетъ.*)

Ужъ и гдѣ же это видано,
Ужъ и гдѣ же это слыхано,
Что бы курочка бычка родила,
Поросеночекъ яичко снесъ!

(*Наливаетъ вина и подходитъ къ Расположенскому; Расположенскій кланяется и отказывается.*)

Большовъ.

Выпей, Сысой Исоичъ, на радости.

Расположенскій.

Не могу, Самсонъ Силычъ, — претить.

Большовъ.

Полно ты! Выпей на радости.

Устинья Наумовна.

Еще туда же ломается!

Рисположенскій.

Претить, Самсонъ Силычъ! Ей-Богу, претить. Вотъ я водочки рюмочку выпью! А это натура не принимаетъ. Ужъ такая слабая комплекція.

Устинья Наумовна.

Ахъ ты, проволочная шея! Ишь ты — у него натура не принимаетъ! Да давайте, я ему за шиворотъ вылью, коли не выпьетъ.

Рисположенскій.

Неприлично, Устинья Наумовна! Дамъ это неприлично. Самсонъ Силычъ, не могу-съ! Развѣ бы я сталъ отказываться! хе, хе, хе, да что жъ я за дуракъ, чтобы я такое невѣжество сдѣлалъ; видали мы людей-то, знаемъ какъ жить; вотъ я отъ водочки никогда не откажусь, пожалуй, хоть теперь рюмочку выпью! А этаго не могу — потому претить. А вы, Самсонъ Силычъ, безчинства не допускайте; обидѣть не долго, а не хорошо.

Большовъ.

Хорошенько его, Устинья Наумовна, хорошенько! (*Рисположенскій бѣжитъ отъ нея.*)

Устинья Наумовна (*ставитъ вино на столъ.*)

Врешь, купоросная душа, не уйдешь! (*Прижимаетъ его въ уголъ и хватаетъ его за шиворотъ.*)

Рисположенскій.

Карауль! (*Всѣ хохочутъ.*)

ДѢЙСТВІЕ IV.

(Въ домъ Подхалюзина богато меблированная гостиная.)

ЯВЛЕНІЕ I.

Олимпіада Самсоновна сидитъ у окна въ роскошномъ положеніи; на ней шелковая блуза и чепчикъ, послѣдняго фасона. Подхалюзинъ въ модномъ сюртукѣ стоитъ передъ зеркаломъ. Тишка за нимъ, обдергиваетъ и охорашиваетъ.

ТИШКА.

Ишь ты, какъ оно пригнато, въ самый разъ!

ПОДХАЛЮЗИНЪ.

А что, Тишка, похожъ я на Француза, а? Да издали погляди.

ТИШКА.

Двѣ капли воды!

ПОДХАЛЮЗИНЪ.

То-то, дуракъ! Вотъ ты теперь и смотри на насъ! — (*Ходитъ по комнатѣ.*) Такъ-то-съ, Олимпіада Самсоновна! А вы хотѣли за офицера идти-съ. Чѣмъ же мы не молодцы? — Вотъ сертучекъ новенькій, взяли да и надѣли.

ОЛИМПІАДА САМСОНОВНА.

Да вы, Лазарь Елизарычъ, танцовать не умѣете.

ПОДХАЛЮЗИНЪ.

Что-жъ, нешто не выучимся? Еще какъ выучимся-то — важнѣйшимъ манеромъ! Зимой въ кунеческое собраніе будемъ ѣздить-съ. Вотъ и знай нашихъ-съ! Польку станемъ танцовать.

Олимпіада Самсоновна.

Ужъ вы, Лазарь Елизарычъ, купите ту коляску-то, что смотрѣли у Арбатскаго.

Подхалюзинъ.

Какъ же, Алимпіада Самсоновна-съ! Надать купить, надать-съ.

Олимпіада Самсоновна.

А миѣ новую мантилью принесли, вотъ мы бы съ вами въ пятницу и поѣхали въ Сокольники.

Подхалюзинъ.

Какъ же-съ, непременно поѣдемъ-съ, и въ Паркъ поѣдемъ-съ въ воскресенье. Вѣдь коляска-то тысячу цѣлковыхъ стоитъ-съ, да и лошади-то тысячу цѣлковыхъ, и збруя накладнаго серебра, — такъ пущай ихъ смотрятъ. Тишка, трубку! (*Тишка уходитъ. Садится подлѣ Олимпіады Самсоновны.*) Такъ-то-съ, Алимпіада Самсоновна! Пущай себѣ смотрятъ! (*Молчаніе.*)

Олимпіада Самсоновна.

Что это вы, Лазарь Елизарычъ, меня не поцѣлуете?

Подхалюзинъ.

Какъ же! Помилуйте-съ! Съ нашимъ удовольствіемъ! Пожалуйста ручку-съ. (*Цѣлуетъ. Молчаніе.*) Скажите, Алимпіада Самсоновна, миѣ чтонибудь на французскомъ діалектѣ-съ.

Олимпіада Самсоновна.

Да что же вамъ сказать?

Подхалюзинъ.

Да что-нибудь скажите, такъ малость самую-съ. Миѣ все равно-съ!

Олимпіада Самсоновна.

Комъ ву зеть жоли.

Подхалюзинъ.

А это что такое-съ?

Олимпіада Самсоновна.

Какъ вы милы!

Подхалюзинъ (*вскиваетъ со стула*).

Вотъ она у насъ жена-то какая-съ! Ай-да Олимпіада Самсоновна! уважили! Пожалуйте ручку! (*Входитъ Тишка съ трубкой*.)

Тишка.

Устинья Наумовна пришла.

Подхалюзинъ.

Зачѣмъ ее еще чертъ принесъ! (*Тишка уходитъ. Входитъ Устинья Наумовна*.)

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣ же и Устинья Наумовна.

Устинья Наумовна.

Какъ живете - можете, браліантовья?

Подхалюзинъ.

Вашими молитвами, Устинья Наумовна, вашими молитвами.

Устинья Наумовна (*цѣлуясь*).

Что это ты, какъ будто, похорошѣла, попринухла?

Олимпіада Самсоновна.

Ахъ, какой ты вздоръ городишь, Устинья Наумовна! Ну съ чего это ты взяла?

Устинья Наумовна.

Что за вздоръ, золотая; ужъ къ тому дѣло идетъ. Рада не рада — нечего дѣлать!... Люби кататься, люби и саночки возить!... Что жъ это вы меня позабыли совсѣмъ, браліантовья? Али еще осмотрѣться не успѣли? Все, чай, другъ на друга любуетесь, да миндальничаете.

Подхалюзинъ.

Есть тотъ грѣхъ, Устинья Наумовна, есть тотъ грѣхъ!

Устинья Наумовна.

То-то-же, какую я тебѣ сударушку подздобила.

Подхалюзинъ.

Много довольны, Устинья Наумовна, много довольны.

Устинья Наумовна.

Еще бы недоволенъ, золотой! Что жъ тебѣ! Вы теперь, чай, все объ нарядахъ хлопчете. Много еще моднаго напроказила?

Олимпиада Самсоновна.

Не такъ чтобы много. Да и то больше отъ того, что новыя матеріи вышли.

Устинья Наумовна.

Извѣстное дѣло, жемчужная, нельзя-жъ: хоть худенькія, да голубицкія. А какихъ же больше настряпала — шерстяныхъ, али шелковыхъ?

Олимпиада Самсоновна.

Разныхъ — и шерстяныхъ и шелковыхъ; да вотъ недавно креповое съ золотомъ сшила.

Устинья Наумовна.

А ты поди-ка выбери мнѣ какое пошире изъ градафриковыхъ.

Олимпиада Самсоновна.

Градафриковаго не дамъ: у самой только три; да оно и не сойдется на твою талію; пожалуй, коли хочешь, возьми крепрашелевое.

Устинья Наумовна.

На какого мнѣ жидка трепрашельчатое-то! Ну, ужъ видно нечего съ тобой дѣлать, помирюсь и на атласномъ, такъ и быть.

Олимпиада Самсоновна.

Ну и атласныя тоже — какъ-то не того, сшиты по бальному, открыто очень — понимаешь? А изъ крепрашелевыхъ същемъ капоть, распустимъ складочки, и будетъ въ самую припорцію.

Устинья Наумовна.

Ну давай трепрашельчатое! Твое взяло, браліантовая! Поди отпирай шкапъ.

Олимпіада Самсоновна.

Я сейчасъ, подожди немножко.

Устинья Наумовна.

Подожду, золотая, подожду. Вотъ еще миѣ съ супругомъ твоимъ поговорить надо. (*Олимпіада Самсоновна уходитъ.*) Что-же это ты, браліянтовый, никакъ забылъ совсѣмъ свое обѣщаніе?

Подхалюзинъ.

Какъ можно забыть-сь, помнимъ. (*Вынимаетъ бумажникъ и даетъ ей ассигнацію.*)

Устинья Наумовна.

Что жъ это такое, алмазный?

Подхалюзинъ.

Сто цѣлковыхъ-сь!

Устинья Наумовна.

Какъ такъ сто цѣлковыхъ? Да ты миѣ полторы тысячи обѣщаль.

Подхалюзинъ.

Что-о-сь?!

Устинья Наумовна.

Ты миѣ полторы тысячи обѣщаль.

Подхалюзинъ.

Не жирно ли будетъ, не ровно облопаетесь?

Устинья Наумовна.

Что жъ ты шутить что-ли со мной вздумаль? Я, братъ, и сама дама разухабистая.

Подхалюзинъ.

Да за что вамъ деньги-то давать? Диви бы за дѣло за какое

Устинья Наумовна.

За дѣло-ли, за бѣздѣлье-ли, а давай, — ты самъ обѣщаль.

П О Д Х А Л Ю З И Н Ъ .

Мало ли что я обѣщаль! Я обѣщаль съ Ивана Великаго прыгнуть, коли женюсь на Алимпіадѣ Самсоновиѣ, — такъ и прыгать?

У С Т И Н Ъ Я Н А У М О В Н А .

Что жъ ты думаешь, я на тебя суда не найду? Велика важность, что ты купецъ второй гильдіи, я сама на 14-мъ классѣ сижу, какая ни на есть, все таки чиновница.

П О Д Х А Л Ю З И Н Ъ .

Да хоть бы генеральша — мнѣ все равно; я васъ знать-то не хочу, — вотъ и весь разговоръ.

У С Т И Н Ъ Я Н А У М О В Н А .

Анъ врешь, — не весь: ты мнѣ еще соболій салопъ обѣщаль.

П О Д Х А Л Ю З И Н Ъ .

Чего-съ?

У С Т И Н Ъ Я Н А У М О В Н А .

Соболій салопъ. Что ты оглохъ что-ли?

П О Д Х А Л Ю З И Н Ъ .

Соболій-съ! Хе, хе, хе....

У С Т И Н Ъ Я Н А У М О В Н А .

Да, соболій! Что ты смѣешься-то, что горло-то нялишь!

П О Д Х А Л Ю З И Н Ъ .

Еще рыломъ не вышли-съ въ собольихъ-то салонахъ ходить!
(*Олимпіада Самсоновна выноситъ платье и отдаетъ Устинью Наумовну.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ И ОЛИМПІАДА САМСОНОВНА.

У С Т И Н Ъ Я Н А У М О В Н А .

Что жъ это вы, въ самомъ дѣлѣ, — ограбить меня что ли хотите?

П О Д Х А Л Ю З И Н Ъ .

Что за грабежъ, а ступайте съ Богомъ, вотъ и все тутъ.

УСТИНЬЯ НАУМОВНА.

Ужь ты гнать меня сталъ! Да и я то, дура безтолковая, связалась съ вами, — сейчасъ видно: мѣщанская-то кровь!

ПОДХАЛЮЗИНЪ.

Такъ-съ! Скажите, пожалуйста!

УСТИНЬЯ НАУМОВНА.

А коли такъ, я и смотрѣть на васъ не хочу! Ни за какія сокровища и водиться-то съ вами не соглашусь! Кругомъ обѣгу тридцать верстъ, а мимо васъ не пойду! Скорѣй зажмурюсь, да на лошадь паткнусь, чѣмъ стану глядѣть на ваше логовище! Плонуть захочется, и то въ эту улицу не заверну! Лопнуть на десять частей, коли лгу! Провалиться въ тартарары, коли меня здѣсь увидите!

ПОДХАЛЮЗИНЪ.

Да вы, тетенька, легоцько!

УСТИНЬЯ НАУМОВНА.

Ужь я васъ, золотые, распечатаю, — будете знать! Я васъ такъ по Москвѣ-то разславлю, что стыдно будетъ въ люди глаза показать.... Ахъ, я дура, дура, съ кѣмъ связалась! Дамѣ-то съ званіемъ, съ чиномъ.... Тфу, тфу, тфу! (*Уходитъ.*)

ПОДХАЛЮЗИНЪ.

Ишь ты расходилась дворянская-то кровь! Ахъ ты Господи! Туда же чиновница! Вотъ пословица-то говорится: громъ-то гремитъ не изъ тучи, а изъ навозной кучи! Ахъ, ты Господи! вотъ и смотри на нее, дама какая!

ОЛИМПИАДА САМСОНОВНА.

Охота вамъ была, Лазарь Елизарычъ, съ ней связываться!

ПОДХАЛЮЗИНЪ.

Да помилуйте, совсѣмъ несообразная женщина!

ОЛИМПИАДА САМСОНОВНА (*глядитъ въ окно.*).

Никакъ тятеньку изъ ямы выпустили — посмотрите Лазарь Елизарычъ!

Подхалюзинъ.

Ну нѣтъ-съ, изъ ямы-то тятеньку не скоро выпустятъ; а надо полагать, его въ конкурсъ выписывали, такъ отпросился домой....
Маменька-съ! Аграфена Кондратьевна! Тятенька идетъ-съ! (*Большовъ и Аграфена Кондратьевна входятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ, БОЛЬШОВЪ И АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА.

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА.

Гдѣ онъ, гдѣ онъ? Родные вы мои, голубчики вы мои! (*Целуются.*)

Подхалюзинъ.

Тятенька, здравствуйте, наше почтеніе!

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА.

Голубчикъ ты мой, Самсо́нъ Силычъ, золотой ты мой! Оставилъ ты меня сиротой на старости лѣтъ!

БОЛЬШОВЪ.

Полю, жена, перестань!

ОЛИМПИАДА САМСОНОВНА.

Что это вы, маменька, точно по покойникѣ плачете! Не Богъ знаетъ, что случилось.

БОЛЬШОВЪ.

Оно точно, дочка, не Богъ знаетъ что, а все таки отецъ твой въ ямѣ сидитъ.

ОЛИМПИАДА САМСОНОВНА.

Что жъ такое!

БОЛЬШОВЪ.

Да каково сидѣть-то! Каково по улицѣ-то идти съ солдатомъ! Охъ, дочка! Вѣдь меня сорокъ лѣтъ въ городѣ-то все знаютъ, сорокъ лѣтъ все въ поясъ кланялись, а теперь мальчишки пальцами показываютъ.

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА.

И лица-то нѣтъ на тебѣ, голубчикъ мой! Словно ты съ того свѣта выходецъ.

Подхалюзинъ.

Э, тятенька, Богъ милостивъ! Все перемелется—мука будетъ. Что же, тятенька, кредиторы-то говорятъ?

Большовъ.

Да что: на сдѣлку согласны. Что, говорятъ, тянуть-то, еще возьмешь-ли, иѣтъ ли, а ты что нибудъ чистыми дай, да и Богъ съ тобой.

Подхалюзинъ.

Отчего же не дать-съ! Надать дать-съ! А много ли, тятенька, просять?

Большовъ.

Просять-то двадцать пять копеекъ.

Подхалюзинъ.

Это, тятенька, много-съ!

Большовъ.

И самъ, братъ, знаю, что много, да что жъ дѣлать-то? Меньше не берутъ.

Подхалюзинъ.

Какъ бы десять копеекъ, такъ бы ладно-съ. Семь съ половиною на удовлетвореніе, а двѣ съ половиною на конкуренные расходы.

Большовъ.

Я такъ-то говорилъ, да и слышать не хотятъ.

Подхалюзинъ.

Зазнались больно! А не хотятъ они восемь копеекъ въ пять лѣтъ.

Большовъ.

Что жъ, Лазарь, придется и двадцать пять дать, вѣдь мы сами прежде такъ предлагали.

Подхалюзинъ.

Да какъ-же, тятенька-съ! Вѣдь вы тогда сами изволили говорить-съ, больше десяти копеекъ не давать-съ. Вы сами разсудите: по двадцати пяти копеекъ денегъ много. Вамъ, тятенька, закусить чего не

угодно ли-съ? Маменька! прикажите водочки подать, да велите самоварчикъ поставить, ужъ и мы для компаніи выпьемъ-съ. — А двадцать пять копеекъ много-съ!

А Г Р А Ф Е Н А К О Н Д Р А Т Ь Е В Н А .

Сейчасъ, батюшка, сейчасъ! (*Уходитъ.*)

Б О Л Ъ Ш О В Ъ .

Да что ты мнѣ толкуешь-то: я и самъ знаю, что много, да какъ же быть-то. Потомать года полтора въ ямѣ-то, да каждую недѣлю будутъ съ солдатомъ по улицамъ водить, а еще, того гляди, въ острогъ перемѣстятъ: такъ радъ будешь и полтину дать. Отъ одного срама-то не знаешь куда спрятаться. (*Аграфена Кондратьевна съ водкой; Тишка вноситъ закуску и уходитъ.*)

А Г Р А Ф Е Н А К О Н Д Р А Т Ь Е В Н А .

Голубчикъ ты мой! Кушай, батюшка, кушай! Чай тебя тамъ голодомъ изморили!

П О Д Х А Л Ю З И Н Ъ .

Кушайте, тятенька! Не взыщите, чѣмъ Богъ послалъ!

Б О Л Ъ Ш О В Ъ .

Спасибо, Лазарь, спасибо! (*Пьетъ.*) Пей-ка самъ.

П О Д Х А Л Ю З И Н Ъ .

За ваше здорове! (*Пьетъ.*) Маменька! не угодно-ли-съ? Сдѣлайте одолженіе!

А Г Р А Ф Е Н А К О Н Д Р А Т Ь Е В Н А .

А, батюшки, до того ли мнѣ теперь! Божеское попущеніе! Ахъ, ты, Господи Боже мой! Ахъ ты, голубчикъ ты мой!

П О Д Х А Л Ю З И Н Ъ .

Э, маменька, Богъ милостивъ, какъ нибудь отдѣлаемся! Не вдругъ-съ!

А Г Р А Ф Е Н А К О Н Д Р А Т Ь Е В Н А .

Дай-то Господи! А то ужъ и я-то, на него глядя, вся измаялась.

Б О Л Ъ Ш О В Ъ

Ну, какъ же, Лазарь?

Подхалюзинъ.

Десять копеечекъ, извольте, дамъ-съ, какъ говорили.

Большовъ.

А пятнадцать-то гдѣ же я возьму? Не изъ рогожи-жъ мнѣ ихъ шить.

Подхалюзинъ.

Я, тятенька, не могу-съ! Видитъ Богъ, не могу-съ!

Большовъ.

Что ты, Лазарь, что ты! Да куда-жъ ты деньги-то дѣль?

Подхалюзинъ.

Да вы извольте разсудить: я вотъ торговлей завожусь, домишко отдѣлалъ. Да выкушайте чегонибудь, тятенька! Вотъ хоть мадерцы что ли-съ! Маменька, поподчуйте тятеньку.

Аграфена Кондратьевна.

Кушай, батюшка, Самсоѣ Силычъ! Кушай! Я тебѣ, батюшка, пуншикъ налью!

Большовъ

Выручайте, дѣтушки, выручайте!

Подхалюзинъ.

Вотъ вы, тятенька, изволите говорить, куда я деньги дѣль? — Какъ же-съ? Разсудите сами: торговать начинаемъ, извѣстное дѣло, безъ капитала нельзя-съ, взяться не чѣмъ; вотъ домикъ купилъ, заведенъице всякое домашнее завели, лошадокъ, то, другое. Сами изволите разсудить! Объ дѣтяхъ подумать надо.

Олимпіада Самсоновна.

Что жъ, тятенька, нельзя же намъ самимъ не-при-чемъ остаться. Вѣдь мы не мѣщане какіенибудь.

Подхалюзинъ.

Вы, тятенька, изволите разсудить: нынче безъ капитала нельзя-съ, безъ капиталу-то не много поторгуешь.

Олимпіада Самсоновна.

Я у васъ, тятенька, до двадцати лѣтъ жила — свѣту не видала. Что же мнѣ прикажете отдать вамъ деньги, а самой опять въ ситцевыхъ платьяхъ ходить?

Большовъ.

Что вы! Опомнитесь! Вѣдь я у васъ не милостыню прошу, а свое же добро. Люди ли вы? Лазарь! да ты вспомни-ка, вѣдь я тебѣ все отдалъ, все до чиста; вотъ что себѣ оставилъ, видишь! Вѣдь я тебя мальчишкой въ домъ взялъ, безчувственный человѣкъ Поилъ, кормилъ вмѣсто отца роднаго, въ люди вывелъ. А видѣлъ ли я отъ тебя благодарность какую? Видѣлъ-ли? Вспомни то, Лазарь, сколько разъ я замѣчалъ, что ты на руку нечистъ! Что жъ? Я вѣдь не прогналъ тебя, не ославилъ на весь городъ. Я тебя сдѣлалъ главнымъ прикащикомъ, тебѣ я все свое состояніе отдалъ, да тебѣ же, Лазарь, я отдалъ и дочь-то своими руками. А не случись со мною этого поущенія, ты бы на нее и глядѣть-то не смѣлъ.

Подхалюзинъ.

Помилуйте, тятенька, я все это очень хорошо чувствую-сь!

Большовъ.

Чувствуешь-ты! Ты бы долженъ все отдать, какъ я, въ одной рубашкѣ остаться, только бы своего благодѣтеля выручить. Да не прошу я этого, ненадо мнѣ; ты заплати за меня только, что теперь слѣдуетъ.

Подхалюзинъ.

Отчего бы не заплатить-сь, да просить цѣну, которую совсѣмъ несообразную.

Большовъ.

Да развѣ я прошу! Я изъ-за каждой вашей копейки просилъ, просилъ, въ ноги кланялся, да что же мнѣ дѣлать, когда не хотятъ уступить ничего?

Олимпіада Самсоновна.

Мы, тятенька, сказали вамъ, что больше десяти копеекъ дать не можемъ.

Большовъ.

Ужъ ты скажи, дочка: ступай, молъ, ты, старый, въ яму! Да, въ яму! Въ острогъ его, стараго дурака. И за дѣло: не гонись за большимъ, будь доволенъ тѣмъ, что есть. А за большимъ погонишься, и послѣднее отнимутъ, оберутъ тебя до-чиста, и придется тебѣ бѣжать на Каменный мостъ, да бросаться въ Москву рѣку. Да и оттедова тебя за языкъ вытянутъ, да въ острогъ посадятъ. (*Всѣ молчатъ. Большовъ пьетъ*). А вы подумайте, каково мнѣ теперь въ яму-то идти! Что жъ мнѣ зажмуриться, что-ли? Мнѣ Ильинка-то теперь за сто верстъ покажется. Вы подумайте только, каково по Ильинкѣ-то идти. Это все равно, что грѣшную душу дьяволы, прости Господи, по мытарствамъ тащатъ. А тамъ мимо Иверской: какъ мнѣ взглянуть-то на Нее, на Матушку? Знаешь, Лазарь: Иуда, вѣдь онъ тоже Христа за деньги продалъ, какъ мы совѣсть за деньги продаемъ.... А что ему за это было?... Вѣдь я злостный, умысленный.... Вѣдь меня въ Сибирь сошлютъ. Господи! Коли такъ не дадите денегъ, дайте Христа ради! (*Плачетъ*).

Подхалюзинъ.

Что вы, что вы, тятенька? Полноте! Богъ милостивъ! Что это вы? Поправимъ какънибудь. Все въ нашихъ рукахъ!

Большовъ.

Денегъ надо, Лазарь, денегъ! Больше нечѣмъ поправить. Либо денегъ, либо въ Сибирь. Лазарь, вспомни: вѣдь мы вмѣстѣ деньги-то и товаръ прятали, вѣдь намъ одинъ конецъ обоимъ.

Подхалюзинъ.

И денегъ дадимъ-съ, только бы отвязались! Я, такъ и быть, еще пять копеечекъ прибавлю.

Большовъ.

Эки года! Есть ли въ васъ христіанство? Двадцать пять копеекъ надо, Лазарь!

Подхалюзинъ.

Нѣтъ, это, тятенька, много; ей-Богу, много!

Большовъ.

Змѣи вы подколодныя! (*Опускается головой на столъ*)

А Г Р А Ф Е Н А К О Н Д Р А Т Ь Е В Н А .

Варваръ ты, варваръ! Разбойникъ ты этакой! Нѣтъ тебѣ моего благословенія! Изсохнешь вѣдь и съ деньгами-то; изсохнешь, не доживя вѣку. Разбойникъ ты этакой, разбойникъ!

П о д х а л ю з и н ъ .

Полноте, маменька, Бога-то гнѣвить! Что это вы клянете насъ, не разобравши дѣла-то! Вы видите, тятенька захмѣлѣлъ маленько, а вы ужъ и на-поди!

О л и м п і а д а С а м с о н о в н а .

Ужъ вы, маменька, молчали бы лучше! А то вы рады проклясть въ тренеподнюю.

Б о л ь ш о в ъ (встаетъ).

Ну, прощайте, дѣти.

П о д х а л ю з и н ъ .

Что вы, тятенька, посидите! Надобно же какъ нибудь дѣло-то кончить!

Б о л ь ш о в ъ .

Да что кончать-то? Ужъ я вижу, что дѣло-то кончено. Сама себя раба бьетъ, коли не чисто жнетъ! Ты ужъ не плати за меня ничего: пусть что хотятъ, то и дѣлаютъ. Прощайте, пора мнѣ!

П о д х а л ю з и н ъ .

Прощайте, тятенька! Богъ милостивъ — какъ нибудь обойдется!

Б о л ь ш о в ъ .

Прощай, жена!

А Г Р А Ф Е Н А К О Н Д Р А Т Ь Е В Н А .

Прощай, батюшка, Самсонъ Силычъ! Когда къ вамъ въ яму-то пуцаютъ?

Б о л ь ш о в ъ .

Не знаю!

А Г Р А Ф Е Н А К О Н Д Р А Т Ь Е В Н А .

Ну, такъ я навѣдаюсь: а то умрешь тутъ, не видавши-то тебя.

Большовъ.

Прощай, дочка! Прощайте, Алимпіяда Самсоновна! Ну, вотъ вы теперь будете богаты, заживете по-барски. По гуляньямъ это, по баламъ — дьявола тѣшить! А не забудьте вы, Алимпіяда Самсоновна, что есть кѣтки съ желѣзными рѣшетками, сидятъ тамъ бѣдные-заключенные. Не забудьте насъ, бѣдныхъ-заклученныхъ. (*Уходитъ съ Аграфеной Кондратьевной*).

Подхалюзинъ.

Эхъ, Алимпіяда Самсоновна-съ! Не ловко-съ! Жаль тятеньку, ей-Богу, жаль-съ! Нешто поѣхать самому поторговаться съ кредиторами? Аль ненадо-съ? Онъ-то самъ лучше ихъ разжалобить. А? Аль ѣхать? Поѣду-съ! Тишка!

Олимпіада Самсоновна.

Какъ хотите, такъ и дѣлайте — ваше дѣло. (*Уходитъ*).

Подхалюзинъ.

Тишка! (*Входитъ*). Подай старій сертукъ, котораго хуже нѣтъ. (*Тишка уходитъ*). А то подумаютъ: богать, должно быть! въ тѣ поры и не сговоришь. (*Рисположенскій и Аграфена Кондратьевна входятъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢЖЕ, РИСПОЛОЖЕНСКІЙ И АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА.

Рисположенскій.

Вы, матушка, Аграфена Кондратьевна, огурчиковъ еще не изволили солить?

Аграфена Кондратьевна.

Нѣтъ, батюшка! какіе теперь огурчики! До того-ли ужъ мнѣ! А вы посолили?

Рисположенскій.

Какъ же, матушка, посолили. Дороги, нынче очень; говорятъ, морозомъ хватило. Лазарь Елизарычъ, батюшка, здравствуйте! Это водочка? Я, Лазарь Елизарычъ, рюмочку выпью. (*Аграфена Кондратьевна уходитъ*).

Подхалюзинъ.

А зачѣмъ это вы къ намъ пожаловали, не слыхать-ли?

Рисположенскій.

Хе, хе, хе!... Какой вы шутникъ, Лазарь Елизарычъ! Извѣстное дѣло зачѣмъ!

Подхалюзинъ.

А зачѣмъ бы это, желательно знать-съ?

Рисположенскій.

За деньгами, Лазарь Елизарычъ, за деньгами! Кто за чѣмъ, а я все за деньгами!

Подхалюзинъ.

Да ужъ вы за деньгами-то больно часто ходите.

Рисположенскій.

Да какъ же не ходить-то, Лазарь Елизарычъ, когда вы по пяти цѣлковыхъ даете. Вѣдь у меня семейство.

Подхалюзинъ.

Что жъ, не по сту же вамъ давать!

Рисположенскій.

А ужъ отдали бы за-разъ, такъ я бы къ вамъ и не ходилъ.

Подхалюзинъ.

То-то, вы ни уха ни рыла не смыслите, а еще хапонцы берете. За что вамъ давать-то?

Рисположенскій.

Какъ за что? Сами обѣщали!

Подхалюзинъ.

Сами обѣщали! Вѣдь давали тебѣ — попользовался; ну, и будетъ, пора честь знать.

Рисположенскій.

Какъ пора честь знать? Да вы мнѣ еще тысячи полторы должны.

Подхалюзинъ.

Должны! Тоже должны! Словно у него документъ! А за что? — за мошенничество!

Рисположенскій.

Какъ за мошенничество! за труды, а не за мошенничество!

Подхалюзинъ.

За труды!

Рисположенскій.

Ну да тамъ за что бы то ни было, а давайте деньги, а то документъ.

Подхалюзинъ.

Чего-съ? Документъ! Нѣтъ, ужъ это послѣ придите.

Рисположенскій.

Такъ чтожъ ты меня грабить, что ли, хочешь съ малыми дѣтьми?

Подхалюзинъ.

Что за грабежъ! А вотъ возьми еще пять цѣлковыхъ, да и ступай съ Богомъ.

Рисположенскій.

Нѣтъ, погоди! Ты отъ меня этимъ не отдѣлаешься! (*Тишка входитъ*).

Подхалюзинъ.

А что же ты со мной сдѣлаешь?

Рисположенскій.

Языкъ-то у меня не купленный.

Подхалюзинъ.

Что жъ ты лизать, что ли, меня хочешь?

Рисположенскій.

Нѣтъ не лизать, а добрымъ людямъ рассказывать.

Подхалюзинъ.

Объ чемъ рассказывать-то, купоросная душа! Да кто тебѣ повѣрить-то еще?

Рисположенскій.

Кто повѣритъ?

Подхалюзинъ.

Да, кто повѣритъ? Поглядитка ты на себя.

Рисположенскій.

Кто повѣритъ? Кто повѣритъ? А вотъ увидишь! А вотъ увидишь! Батюшки мои, да что жь мнѣ дѣлать-то? Смерть моя! Грабятъ меня, разбойникъ, грабятъ! Нѣтъ, ты погоди! Ты увидишь! Грабятъ не приказано!

Подхалюзинъ.

Да что увидать-то?

Рисположенскій.

А вотъ что увидишь! Постои еще, постои, постои! Ты думаешь, я на тебя суда не найду? Погоди!

Подхалюзинъ.

Погоди, да погоди! — Ужь я и такъ ждалъ довольно. Ты полно пужать-то: не страшно.

Рисположенскій.

Ты думаешь, мнѣ никто не повѣритъ? Не повѣритъ? Ну, пускай обижаютъ! Пускай не вѣрятъ. Я человекъ маленькій, меня обидѣть не долго Тебѣ Богъ за меня заплатитъ.

Подхалюзинъ.

Разговаривай тутъ!

Рисположенскій.

Ты тестя обокралъ, да и меня грабишь; а у меня жена, четверо дѣтей, сапоги худые.

Тишка.

Подметки подкинуть можно.

Рисположенскій.

Ты что? Ты такой же грабитель!

Тишка.

Ничего-съ, проѣхали! (*Квартальный входитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ VI.

ТѢ ЖЕ И КВАРТАЛЬНЫЙ.

КВАРТАЛЬНЫЙ.

Вы купецъ Подхалюзинъ?

ПОДХАЛЮЗИНЪ.

Хоша бы и я-съ.

КВАРТАЛЬНЫЙ.

По предписанію Начальства, я долженъ васъ представить къ слѣдственному Приставу, по дѣлу о скрѣпѣ имущества несостоятельнаго купца Большова.

ПОДХАЛЮЗИНЪ.

Покорнѣйше прошу садиться! Водочки не угодно-ли?

КВАРТАЛЬНЫЙ.

Нѣтъ, мнѣ некогда. Извольте собираться, насъ ждутъ.

ПОДХАЛЮЗИНЪ.

Да вѣдь я думаю, можно и подождать-съ?

КВАРТАЛЬНЫЙ.

Нельзя-съ.

ПОДХАЛЮЗИНЪ.

А я думаю, что можно-съ. Вы, должно быть, еще здѣсь вновь, не всѣ порядки знаете. А вы будьте довольно деликатны!

КВАРТАЛЬНЫЙ.

Я дѣйствую по приказанію начальства.

ПОДХАЛЮЗИНЪ.

Мы обыватели хорошіе, вы нами не брезгайте, мы свое дѣло помнимъ, послѣ возможности. Пожалуйста, Ваше благородіе, ко мнѣ въ кабинетъ на пару словъ. (*Манитъ рукой.*)

КВАРТАЛЬНЫЙ.

Вы не извольте беспокоиться, это со всѣмъ лишнее.

Подхалюзинъ.

А вы отпрапортуйте, что въ случаѣ моеи болѣзни...

Квартальный.

Въ случаѣ болѣзни, есть больница при острогѣ!

Подхалюзинъ.

При острогѣ-съ? (*Чешетъ затылокъ, потомъ подходитъ къ Рисположенскому.*) Ну, баринъ, выручай изъ бѣды, — озолочу!

Рисположенскій.

Ненадо мнѣ ничего! Провались ты и съ деньгами! Теперь отольются тебѣ мои слезы; прогуляешься въ Сибирь.

Подхалюзинъ.

Ужъ будто и въ Сибирь?

Рисположенскій.

А ты думалъ какъ? Законъ то прямой! По дѣломъ вору и мука.

Подхалюзинъ. (*Стоитъ нѣсколько времени задумавшись.*)

А въ Сибирь, такъ въ Сибирь! Что жъ такое! И въ Сибири люди живутъ. Да вѣдь, и тебѣ не уйдтить! (*беретъ шляпу.*) Я готовъ-съ!

Конецъ.

УТРО МОЛОДАГО ЧЕЛОВѢКА.

УТРО МОЛОДАГО ЧЕЛОВѢКА.

(СЦЕНЫ.)

Л И Ц А.

НЕДОПЕКИНЪ, Семень Парамонычъ.

ЛИСАВСКІЙ, Сидоръ Дмитричъ.

1-й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

2-й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

СМУРОВЪ, купецъ, дядя Недопекина.

ВАСЯ, племянникъ Смурова, двоюродный братъ Недопекина.

СИДОРЫЧЪ, прикащикъ тетки Недопекина.

ИВАНЪ, лакей.

ГРИШКА, мальчикъ.

Богато-меблированная комната: на задней стѣнѣ дверь въ переднюю, на лѣвой — въ кабинетъ; направо отъ зрителей турецкій диванъ и всякаго рода мягкая мебель; съ лѣвой стороны — письменный столъ, съ богатыми принадлежностями; ближе къ зрителямъ трюмо; окна роскошно драпированы, на стѣнахъ эстампы.

1.

Иванъ и Сидорычъ сидятъ на креслахъ, Гришка стоитъ.

ИВАНЪ.

Да посиди, куда ты!

СИДОРЫЧЪ.

Пора-съ, еще надо кое-куда зайдти.

ИВАНЪ.

Еще успѣешь. Да тебѣ на что Семена-то Парамоныча?

СИДОРЫЧЪ.

Да тетенька ихъ завтрашняго числа къ себѣ на вечеръ просятъ.

ИВАНЪ.

Ну, такъ не поѣдетъ; и дожидаться тебѣ нечего.

СИДОРЫЧЪ.

Отчего жь не поѣдутъ-съ?

ИВАНЪ.

Нечего ему дѣлать у васъ, вотъ тебѣ и все. Ваши-то вѣдь какъ есть русаки. Вѣдь вы по буднямъ-то изъ одной чашки ѣдите, въ восьмомъ часу спать ложитесь. Только въ именины да по праздникамъ и раскошеливаете. А мы, видишь, какъ живемъ. Смотри! (*Показываетъ кругомъ*). То-то вотъ оно и есть! Такъ-то, братецъ ты мой! Да теперь будемъ говорить насчетъ компаніи: какая у васъ компанія? Ни обращенія никакого, ни политики. Намъ, братъ, у васъ нечего дѣлать. Вотъ онъ меня за что уважаетъ: потому я всѣ эти порядки знаю. Я, братъ, служилъ все у хорошихъ людей: у генерала Симевича два года служилъ, у совѣтника служилъ. Такъ ужъ мнѣ пора знать. Ужъ онъ такъ меня и спрашиваетъ: «что, говорить, Иванъ, это какъ у генерала?» вотъ, говорю, такъ и такъ; «а это какъ?» а это вотъ такъ, молъ. «Хорошо,» говоритъ.

СИДОРЫЧЪ.

А скоро они встанутъ?

ИВАНЪ.

А ты, вотъ, смотри на часы. У насъ ужъ темпъ извѣстный. Ужъ поневолятся, да проспать до втораго часу. Я еще такого и не видывалъ, чтобы кто такъ модѣ подражалъ. Вотъ теперь встаетъ во второмъ часу; а скажи ему, что господа встаютъ съ пѣтухами вмѣстѣ: вѣдь и онъ тоже съ пѣтухами станетъ вставать.

СИДОРЫЧЪ.

Тошъ наблюдаютъ-съ.

ИВАНЪ.

Ужъ какъ наблюдаетъ-то, просто смѣхъ смотрѣть на него. Увидитъ гдѣ на гуляньѣ или въ театрѣ, какъ кто одѣтъ, какъ кто ходитъ, сейчасъ и перенимаетъ; вотъ здѣсь и учится передъ зеркаломъ. Ей-Богу! А все-таки, братъ, у насъ, чего нѣтъ, все это на барскую погу. Видишь, какъ мы живемъ. А вы что! Вамъ хоть горы золотыя давай; ужъ это все одно; заведеніе такое, самое необразованное. А мы, видишь, какъ живемъ. Вотъ, хочешь книжку почитать?

СИДОРЫЧЪ.

Если можно, такъ дайте какую-нибудь позанятнѣе.

ИВАНЪ.

Ужъ что тутъ толковать!

СИДОРЫЧЪ.

Да не спросили бы неровно.

ИВАНЪ.

Ахъ ты, какой человекъ! Говорятъ: бери, такъ бери. Вотъ тебѣ (*даетъ книгу*). У насъ, братъ, все есть: всякія книги, журналы, ноты всякія; вотъ видишь (*показываетъ ему*). Мы, братъ, по-барски живемъ. Вотъ, хочешь цыгарь!

СИДОРЫЧЪ.

Пожалуйте парочку.

ИВАНЪ.

Что парочку! бери десятокъ. У насъ, братъ, хорошія цыгары: пятьдесятъ рублей сотня.

СИДОРЫЧЪ.

Ну, какъ узнаютъ! Забраняется пожалуй.

ИВАНЪ.

Что толковать! ужъ ты бери, коли даютъ. Приходи въ другой разъ: еще дамъ; у насъ этого добра не переводится.

СИДОРЫЧЪ.

За тѣмъ прощайте-съ. Неколи мнѣ ждаться-то. Я ужъ завтра зайду-съ.

ИВАНЪ.

А намъ, братъ, не рука по вашимъ вечеринкамъ ѣздить! (*Сидорычъ уходитъ, Гришка за нимъ. Иванъ садится на кресло и беретъ газету. Гришка возвращается*). А я тебѣ, Гришка, одинъ разъ навсегда говорю: коли хочешь ты быть человѣкомъ, ты старшихъ слушай, да не огрызайся; ты со старшихъ примѣръ бери.

ГРИШКА.

Да, со старшихъ! А ты зачѣмъ бариновы цыгарки раздаешь?

ИВАНЪ.

Не тебя ли еще спрашивать! А ты платье вычистилъ?

ГРИШКА.

Да когда чистить то.

ИВАНЪ.

А что жъ ты цѣлое утро дѣлалъ-то?

ГРИШКА.

Небось ничего не дѣлалъ.

ИВАНЪ.

Ну, смотри!

ГРИШКА.

Да что смотрѣть! Я, небось, ходилъ. А самъ что дѣлалъ? Все утро Пчелу читалъ!

ИВАНЪ.

Такъ вотъ я и стану тебѣ платье чистить! (*передразниваетъ его*). Пчелу читалъ! Я, братъ, свое дѣло знаю! (*звонятъ*). Отопри, пошелъ! (*встаетъ со стула*).

II.

Лисавскій (*входитъ; свищетъ*).

Сеничка дома?

ИВАНЪ.

Семень Парамонычъ?

Лисавскій.

Ну, да!

Иванъ.

Да вы не очень кричите: почиваетъ-съ.

Лисавскій.

Ну, я подожду. (*Садится на кресло, разбираетъ книги*). А гдѣ Библіотека для Чтенія?

Иванъ.

А я почему знаю? чай сами же взяли.

Лисавскій.

Что ты врешь!

Иванъ.

Что мнѣ врать-то? Вы, Сидоръ Митричъ, книжки-то, которыя взяли, принесите.

Лисавскій.

Ну, ужъ это не твое дѣло.

Иванъ.

Конечно не мое. А неравно спросить, я долженъ отвѣчать-то.

Лисавскій.

Дай огню (*беретъ сигару, а двѣ кладетъ въ карманъ*).

Иванъ.

Гришка, подай огню. Вотъ вы, Сидоръ Митричъ, всегда у барина цыгары берете; а онъ спрашиваетъ! Отчего, говоритъ, Иванъ, скоро цыгары выходятъ; ты, говоритъ, смотри, чтобъ не таскали.

Лисавскій.

Пошелъ, братецъ; ты мнѣ надоѣлъ ужъ. Ну, скажи, что я беру.

Иванъ.

То-то, скажи! А оно не хорошо; съ нашего брата спрашиваютъ. (*Уходитъ*).

Лисавскій (*молча читаетъ какой-то журналъ*).

Что такое? Статья о театрѣ! Посмотримъ, посмотримъ. (*Читаетъ*). «Гдѣ найдешь не знаешь, потеряешь не ожидаешь, или не берись за гужъ, если не дюжъ. Шутка въ одномъ дѣйствіи, а если бы не дверь на улицу, такъ была бы не шутка, а серьезное дѣло, водевиль Лисавскаго.» (*Читаетъ про себя*). Нѣтъ, это выше силъ! Это ни-на-что не похоже! «Ни малѣйшаго таланта!» Ахъ онъ мерзавецъ! Желалъ бы я знать, кто это написалъ? Кто бы? (*думаетъ*). Нѣтъ, не онъ: гдѣ ему! Развѣ вотъ этотъ? Да ужъ кромѣ его некому. Онъ думаетъ, можетъ быть, что я не узнаю. Нѣтъ, погоди, голубчикъ; вѣдь ужъ этого не скроешь. Это чортъ знаетъ что такое! Ни малѣйшаго таланта. Только бы мнѣ узнать, ужъ я доѣду. Да это онъ; нечего и толковать; по глазамъ видно, что мерзавецъ! Однако это неприятно: вдругъ тебя ругаютъ публично. И кто! Андронову до сихъ поръ пятнадцать цѣлковыхъ долженъ; да и у меня, кажется, просилъ. Да! просилъ, просилъ! Это я помню! (*смотритъ на рукавъ*). Ну, одно за другимъ: тамъ какая-то скотина ругается, тутъ фракъ протерся! (*Съ отчаяніемъ махнувши рукой*). Это со мной только съ однимъ и можетъ случиться. Гонитъ судьба, преслѣдуетъ. (*Сидитъ нѣсколько времени задумавшись*). Кажется, у Сенички лишній есть?... Иванъ!

Иванъ (*входитъ*).

Что угодно?

Лисавскій.

Что, Сеничка зеленый фракъ не носить?

Иванъ.

Не носить.

Лисавскій.

Ну такъ ты, Ваня, завяжи его въ платокъ.

Иванъ.

Ужъ это я безъ приказанія не могу-съ.

Лисавскій.

Ну, такъ прикажутъ.

ИВАНЪ.

А тогда дѣло другаго рода; хоть два завяжемъ. А безъ приказанія не могу. Вотъ вы бекешку-то взяли одинъ разъ надѣть, да и заносили совѣмъ. Этакъ всякому раздавать, такъ не напасешься. Миѣ что за дѣло: не мое, а барское. Наше дѣло, извѣстно, лакейское, а и то совѣсть знаешь.

ЛИСАВСКІЙ.

Вѣдь, вотъ, Ваня, ты и обижася меня, а я вѣдь тебя люблю.

ИВАНЪ.

Ваша любовь-то, извѣстно, какая: изъ нея шубу не сошьешь. Вы у барина и то и се берете, а я еще отъ васъ гривенника не видалъ. Хоть бы когда въ глаза плюнули. Только кричите: подай то, подай другое. Я и у хорошихъ людей жилъ, да этакого обращенія не видалъ. Извѣстно, ужъ благороднаго человѣка сейчасъ видно.

ЛИСАВСКІЙ.

Да нельзя же миѣ при людяхъ къ тебѣ на шею кидаться. А наединѣ я съ тобой всегда по дружески. Ей-Богу, Ваня, по дружески. Да чѣмъ миѣ гордиться-то передъ тобой? Чѣмъ ты хуже меня? Ты свое дѣло знаешь, ты честенъ. Честность, вѣдь, Ваня, великое дѣло. Я больше за честность и люблю тебя. Я всякому готовъ быть другомъ, только будь честенъ.

ИВАНЪ.

Какое же въ этомъ дружество можетъ заключаться? Сказано — лакей. Какая отъ этого можетъ честность произойти!

ГРИШКА (*входитъ*).

Пріѣхалъ кто-то.

ИВАНЪ.

Проси.

ЛИСАВСКІЙ.

Разбуди, поди.

ИВАНЪ.

Разбуди! не велитъ будить-то.

ЛИСАВСКІЙ.

Ну, такъ я самъ пойду. (*Уходитъ*).

III.

Входятъ двое молодыхъ людей; 1-й входитъ въ комнату, а 2-й остается въ дверяхъ.

2-й мол. человекъ.

Нѣтъ, нѣтъ!

1-й мол. человекъ.

Да полно, братецъ, что за вздоръ!

2-й мол. человекъ.

Ни за что на свѣтъ!

1-й мол. человекъ.

Помилуй, ты его не знаешь: онъ отличный малый.

2-й мол. человекъ.

Я съ нимъ не знакомъ. Да и съ какой стати я явлюсь къ нему вдругъ знакомиться. Что онъ за птица!

1-й мол. человекъ.

Какое тебѣ дѣло! Въ нынѣшній вѣкъ на это надо смотрѣть съ философской точки зрѣнія; хорошо кормить, вино хорошее,—чего жъ тебѣ еще. Очень нужно тебѣ его образованіе и манеры. Нѣтъ, ты останься; посмотри, какъ онъ радъ будетъ съ тобою познакомиться.

2-й мол. человекъ.

Вѣдь мы ему дѣлаемъ честь своимъ знакомствомъ, а не онъ намъ, значитъ — не прилично мнѣ къ нему являться первому. Онъ можетъ подумать, что я нарочно для того набиваюсь на знакомство, чтобы обѣдать на его счетъ.

1-й мол. человекъ.

А тебѣ-то что за дѣло, что онъ подумаетъ.

2-й мол. человекъ.

Не пойду, воля твоя, — не пойду.

1-й мол. человекъ.

Ты то возьми: у него денегъ можно занять.

2-й мол. человекъ.

Да я все это понимаю! Что ты мнѣ еще рассказываешь! Да все-таки какъ-то тяжело. Ты подумай, какую мы будемъ роль играть.

1-й мол. человекъ.

Никакой роли! Поѣдимъ, выпьемъ, и все тутъ.

2-й мол. человекъ.

Нѣтъ. Прощай.

1-й мол. человекъ.

Ну, такъ ты вотъ что: отправляйся къ Шевалье и жди, а я его привезу туда. Тамъ и познакомитесь; онъ насъ обѣдомъ угоститъ.

2-й мол. человекъ.

Ну, вотъ это другое дѣло; а то все какъ-то неловко. Прощай. (*Уходитъ*).

Лисавскій (*выходя изъ кабинета*).

А! здравствуйте!

1-й мол. человекъ.

Что, онъ проснулся?

Лисавскій.

Одѣвается.

1-й мол. человекъ.

Послушайте, господинъ Лисавскій, это вы ему писали письмо въ стихахъ къ одной особѣ? Мнѣ его показывали.

Лисавскій.

Конечно я, гдѣ жъ ему-съ.

1-й мол. человекъ.

Я такъ и думалъ. Очень хорошо написано, очень хорошо.

Лисавскій.

А вы видѣли мой водевиль: «Одинъ женихъ за троихъ, или то же, да не то»?

1-й мол. чЕЛОВѢКЪ.

Нѣтъ, не видалъ. А что же?

Лисавскій.

Тамъ у меня есть куплетецъ:

Хоть онъ въ рядахъ торгуетъ плохо,
А лѣзетъ въ кресла въ первый рядъ.

1-й мол. чЕЛОВѢКЪ.

А, понимаю. Очень хорошо написано, и, главное дѣло, очень похоже.

IV.

Недопекинъ (*входитъ и махаетъ Лисавскому; тотъ уходитъ.*)

1-й мол. чЕЛОВѢКЪ.

Bon jour M-r Недопекинъ!

Недопекинъ.

Извините, я васъ заставилъ дожидаться. Я вчера поздно пріѣхалъ. А впрочемъ я всегда такъ встаю — въ половницѣ перваго. (*Вынимаетъ часы*) Вотъ, ровно половина перваго. Я читаю долго по вечерамъ.

1-й мол. чЕЛОВѢКЪ.

Вы читаете?

Недопекинъ.

Читаю. Знаете, нельзя-съ.

1-й мол. чЕЛОВѢКЪ.

Что же вы читаете?

Недопекинъ.

Журналы, ученныя сочиненія. Я всѣ почти журналы выписываю.

1-й мол. чЕЛОВѢКЪ.

Русскіе?

Недопекинъ.

Русскіе.

1-й мол. человекъ.

Полноте, что вы! (*смыется*) Да что тамъ читать-то? Переводные французскіе романы?

Недопекниъ.

Да-съ, французскіе романы.

1-й мол. человекъ.

Такъ ужь лучше ихъ въ подлинникъ прочесть.

Недопекниъ.

Да-съ, это несравненно лучше-съ.

1-й мол. человекъ.

А вы сами ничего не пишете?

Недопекниъ.

Я думаю что-нибудь написать. Я стихи пишу-съ. Я пѣть хочу учиться; только не знаю, гдѣ взять учителя, чтобы самаго лучшаго. Не знаете ли вы?

1-й мол. человекъ.

Самыхъ лучшихъ пѣть здѣсь. А вотъ, если вы хотите, я васъ познакомлю съ однимъ литераторомъ, — умнѣйшій малый.

Недопекниъ.

Ахъ, сдѣлайте одолженіе!

1-й мол. человекъ.

Вы приходите нынче обѣдать къ Шевалье, я васъ отрекомендую.

Недопекниъ.

Непремѣнно буду-съ.

1-й мол. человекъ.

Такъ прощайте, до свиданія.

Недопекниъ.

Прощайте-съ. Я непремѣнно, непремѣнно буду-съ.

V.

Лисавскій (*изъ двери.*)

Что, ушелъ?

Недопекинъ.

Ушелъ. Послушай, скоро ли ты меня по-французски-то выучишь?

Лисавскій.

Да зачѣмъ тебѣ такъ скоро понадобилось?

Недопекинъ.

Какъ зачѣмъ? читать французскія книги. Не русскія же читать! Ха-ха-ха! Кто же русскія читаетъ! Нѣтъ, братъ, насъ не обманешь. (*Ходятъ обнявшись.*)

Лисавскій.

Послушай, Сенчика! А вѣдь ты хорошъ, ей-Богу хорошъ. Вѣдь ты себѣ цѣны не знаешь. Погляди-ка ты на себя. Вѣдь это идеаль мужнины! Аполлонь, Аполлонь, просто Аполлонь! (*Недопекинъ стоитъ передъ зеркаломъ и улыбается.*) Знаешь ли что, Сеня?

Недопекинъ.

А что?

Лисавскій.

Ты красавецъ, рѣшительно красавецъ; только позволь, другъ, тебѣ правду сказать.

Недопекинъ.

Говори.

Лисавскій.

Только ты, Сеня, не сердись! Ты одѣваться не умѣешь. Имѣй-ка я твое состояніе, такъ я бы, знаешь ли, какъ одѣвался.

Недопекинъ.

А какъ?

Лисавскій.

Убилъ бы всѣхъ, да и все тутъ. Ну вотъ теперь ты порядочно одѣтъ, можно сказать, безукоризненно. А иногда надѣваешь, чортъ знаетъ что! Зеленые фраки носишь, просто гадость!

Недонецкиъ.

Да съ чего же ты взялъ? я ужъ зеленого давно не ношу.

Лисавскій.

Какъ не носишь, да недавно надѣвалъ.

Недонецкиъ.

Когда надѣвалъ? Что ты врешь-то! Стану я зеленыйіі фракъ носить!

Лисавскій.

Толкуй, толкуй! А зачѣмъ-же ты его сшилъ?

Недонецкиъ.

Такъ, сшилъ да и все тутъ. Что жъ не сшить! Денегъ что ли у меня нѣтъ?

Лисавскій.

Счастливецъ ты, Сеня: богатъ, какъ чортъ!... хорошъ!... Я, братъ, все люблююсь на тебя! Вѣдь угораздило же тебя такимъ красавцемъ родиться! Каково, я думаю, на тебя смотрѣтъ женщинамъ. Вѣдь это, братъ, смерть, ей-Богу, смерть! Только ты ужъ, Сеня, не дурачься: зеленыхъ фраковъ не носи.

Недонецкиъ.

Говорятъ тебѣ, не ношу.

Лисавскій.

Охъ, Сеня, боюсь, осрамишь ты мою головушку.

Недонецкиъ.

Да, ей-Богу, не надѣшу.

Лисавскій.

А вотъ взять его у тебя, такъ короче дѣло будетъ.

Недонецкиъ.

Да возьми пожалуй! Ты думаешь, одѣваться не умѣю. Да я захочу, такъ у меня завтра сто фраковъ будетъ. Я, братъ, знаю, какъ одѣваться, ты меня не учи, сдѣлай милость. А то важность мнѣ зеленыйіі фракъ! (*Ходитъ передъ зеркаломъ.*)

Лисавскій.

Ты, Сеня, не сердись: я любя, ей-Богу любя. Иванъ! (*Входитъ Иванъ*) Завяжи въ платокъ зеленый фракъ. (*Иванъ уходитъ.*) А что мы, Сеня, съ тобою завтракать будемъ?

Недопекинъ.

Да мнѣ что-то не хочется.

Лисавскій.

Какъ это ты, Сеня, говоришь: не хочется. Дивлюсь я на тебя. Да веди ты, братецъ, правильную жизнь. Положи ты себѣ за правило: завтракать въ часъ, обѣдать въ четыре. Всѣ порядочные люди такъ дѣлаютъ.

Недопекинъ.

Развѣ всѣ въ часъ завтракаютъ!

Лисавскій.

Да разумѣется, что всѣ; а то какъ же?

Недопекинъ.

Что жъ, давай, закусимъ что-нибудь.

Лисавскій.

Да не что-нибудь, а надобно выбрать полегче, поизящнѣе. Вотъ, напримѣръ: спаржу, изъ дичи что-нибудь, лафиту хорошаго.

Недопекинъ.

Ну ужъ это мы съ завтрашняго дня заведемъ, а теперь такъ что-нибудь; ужъ одинъ день не въ счетъ, вѣдь мнѣ еще нынче обѣдать у Шевалье. Иванъ! (*Входитъ Иванъ*) Принеси намъ позавтракать, да вина дай получше. (*Иванъ уходитъ.*) Съ какимъ, братецъ, я тамъ писателемъ нынче познакомлюсь, не тебѣ чета. Вотъ ты и знай нашихъ!

Лисавскій.

Сеня, возьми меня!

Недопекинъ.

А тебѣ что тамъ дѣлать? Это, братъ, не твое общество.

Лисавскій.

А ты думаешь твое? Они же надъ тобой послѣ смѣются, а я бы тебя, по крайней мѣрѣ, поддерживалъ.

Недопекинъ.

Толкуй, толкуй! (*Иванъ приноситъ завтракъ. Садятся.*)

Лисавскій.

Вѣдь мнѣ все равно, какъ хочешь, такъ и дѣлай; я тебѣ по дружбѣ говорю.

Недопекинъ (*показывая ему бутылку.*)

Погляди-ка! А! Какова штука-то! Ты посмотри, чего стоитъ-то. Ты, я думаю, съ роду не пивалъ. Только этого ужъ я тебѣ не дамъ.

Лисавскій.

Полно дурачиться-то, наливай!

Недопекинъ.

Нѣтъ ужъ, не дамъ.

Лисавскій.

Вотъ ужъ не люблю.

Недопекинъ.

Нѣтъ, жирно будетъ васъ этакимъ виномъ поить. Атаке-съ!

Лисавскій.

Что ломаешься-то! Вѣдь ты вкуса не знаешь въ этомъ; тебѣ бы только ярлыкъ дорогой, а тамъ хоть уксусу налей.

Недопекинъ.

Разсказывай, разсказывай!

Лисавскій.

Велика важность! Да я и самъ не хочу; и просить будешь, такъ не стану.

Недопекинъ.

Да не безпокойся, я и не дамъ.

Лисавскій.

Да я и завтракать не стану. (*Встаетъ.*) И чортъ меня дернулъ связываться-то съ тобой!

Недонецкинъ.

Да ты и не связывайся.

Лисавскій.

А ты думаешь, нужно очень! Вашего брата и по-русски-то говорить порядочно выучишь, а вы ужъ и зазнаетесь. Безъ меня-то ты до сихъ поръ говорилъ бы: оттедова, откуличи, ахтеръ.

Недонецкинъ.

Ты мнѣ деньги-то отдай, которыя бралъ.

Лисавскій (*садясь къ столу*).

Нѣтъ вѣдь, вотъ, Сеня, что душу-то возмущаетъ — это неблагодарность!

Недонецкинъ.

Ну полно, не сердись (*наливаетъ ему*). Я пошутилъ.

Лисавскій.

Нѣтъ вѣдь, ей-Богу, Сеня, обидно!

Недонецкинъ.

Что жъ, ты принеешь стихи?

Лисавскій (*отдаетъ*).

На, возьми. Только ты пожалуйста, Сеня, будь остороженъ въ словахъ. Я знаю, что это шутка; да все-таки не хорошо — дурныя замашки: между порядочными людьми этого не бываетъ. Ты знаешь, я щекотливый человекъ.

Недонецкинъ (*читаетъ*).

Ну ужъ хорошо, будетъ толковать-то. Что это я не разберу.

Лисавскій (*беретъ у него и читаетъ*).

Я видѣлъ васъ, какъ вы сидѣли въ ложѣ,

И, Боже мой, какъ были вы похожи

На пери, на жизель, на этихъ фей....

НЕДОПЕКНИНЪ.

Что такое «фей»?

ЛИСАВСКІЙ.

Ахъ, какъ ты этого не знаешь! Это такія воздушныя существа.

НЕДОПЕКНИНЪ.

Хорошо, хорошо, читай!

ЛИСАВСКІЙ (*читаетъ*).

На пери, на жизель, на этихъ фей,
Что граціей и легкостью своею
Къ себѣ сердца и взоры привлекаютъ....

НЕДОПЕКНИНЪ.

Ну, остальное я самъ разберу.

ЛИСАВСКІЙ.

Кстати, ты нынче будешь въ театрѣ?

НЕДОПЕКНИНЪ.

Какъ же! Вѣдь нынче балеть. Зайди, возьми мнѣ кресло въ первомъ ряду.

ЛИСАВСКІЙ.

Хорошо. Такъ ты дай денегъ. (*Недопекинъ даетъ*). Ну, прощай!

НЕДОПЕКНИНЪ.

Прощай!

ЛИСАВСКІЙ (*возвращаясь*).

Такъ я ужъ кстати и себѣ возьму рядомъ съ тобою, а?

НЕДОПЕКНИНЪ.

Ну, возьми, чортъ съ тобою! Иванъ! Давай одѣваться! (*Входитъ Иванъ съ платьемъ и Гришка. Недопекинъ надѣваетъ пальто, шляпу, беретъ палку и начинаетъ ходить передъ зеркаломъ; Гришка смотритъ на него*).

Г р и ш к а.

Вонъ у Яшки-то у княжескаго штаны-то вотъ тутъ съ пуговками.

Н е д о п е к и н ъ.

Иванъ, какія тамъ еще пуговики?

И в а н ъ.

Это такъ точно; это грума называется.

Н е д о п е к и н ъ.

Ну, такъ ты вели ему сдѣлать.

И в а н ъ.

Это грума; а то вотъ вмѣсто кучера во фракѣ сажаютъ — такъ это жокей. (*Недопекинъ уходитъ, Гришка за нимъ. Иванъ прибираетъ со стола, разставляетъ мебель; потомъ садится съ книгой на кресло. Звонятъ*).

И в а н ъ.

Нѣтъ тебѣ покою ни на минуту! И свой-то съ ногъ собьетъ, а тутъ чужіе то-и-дѣло шляютъ.

VI.

С м у р о в ъ (*входитъ; за нимъ Вася*).

Что, Семень дома?

И в а н ъ.

Уѣхали-съ.

С м у р о в ъ.

А не знаешь куда?

И в а н ъ.

Не знаю. Подождите; можетъ, скоро будетъ.

С м у р о в ъ.

Подождемъ! Садись, Вася, будемъ его милости дожидаться. (*Иванъ уходитъ. Молчаніе.*)

В а с я.

Абрамъ-то Сидорычъ говоритъ нынче: я, говоритъ, протестую.

С м у р о в ъ.

Ишь ты, срамъ какой! А еще-то много долженъ, не слыхалъ ты?

В а с я.

Тысячь на пять серебромъ наберется.

С м у р о в ъ.

Всѣ по довѣренности матери?

В а с я.

По довѣренности.

С м у р о в ъ.

Платежи-то не скоро?

В а с я.

По одному-то на этой недѣлѣ надо платить. Дань былъ Бѣло-рыбицыну; а онъ Семену Арефьичу передалъ. Семень-то Арефьичъ вчера и говоритъ въ трактирѣ: мнѣ, говоритъ, заплатитъ, а то я старуху-то и въ яму потяну.

С м у р о в ъ.

Да и по дѣломъ ей, дурѣ, коли допустила до этого. Хорошо еще, что я-то хватился; а то онъ накуралесилъ бы, что и не раз-хлебаешь. Ишь ты, какъ разукрасилъ съ дуру-то! Трюмо завелъ! *(смѣется)* книжки разныя! Покажь-ка, Вася, что тамъ за книжки.

В а с я *(беретъ книгу)*.

Французская, должно быть, либо нѣмецкая.

С м у р о в ъ.

Нешто онъ по-французски-то знаетъ?

В а с я.

Гдѣ, дяденька, знать! Такъ для близиру лежатъ.

СМУРОВЪ.

Эка дурачина-то! (*Смѣется, потомъ вздыхаетъ*) Эхъ, то-то глупо-то! То-то бить-то некому (*Молчаніе*). Чей это мальченка-то у него?

ВАСЯ.

Матренинъ внучекъ, что у тетеньки-то живетъ старуха; еще она сродни тетеньки-то.

СМУРОВЪ.

Такъ, стало быть, онъ сынъ Сидорыча-то, что у свата на фабрикѣ?

ВАСЯ.

Сынъ. А сестру его, Дашу, помните, тетенька замужъ выдавала за лавочника. Еще, помните, Ганька-то кудрявый весь сажей вымазался.

СМУРОВЪ.

Помню, помню. Отецъ-то славный малый, честный, а мальчишку-то какъ обезобразили. Вѣдь вотъ отецъ-то его ни въ чемъ не замѣченъ, а сынишка-то что дѣлаетъ. Обругать надо человѣка — этакую штуку надѣть. Конечно онъ мальчишка, его какъ хошь тормоши; да за что же обезьяной-то наряжать! Какъ его зовутъ-то?

ВАСЯ.

Гришуткой.

СМУРОВЪ.

Гришутка, а Гришутка?

ГРИШКА (*входитъ*).

Чего изволите-съ?

СМУРОВЪ.

Повернись-ка, повернись! Хорошъ, братъ, нечего сказать!

ВАСЯ.

Дяденька! Точно онъ физикъ какой галанской. На птицу похожъ.

СМУРОВЪ.

Будешь похожъ, когда этакой кортеколь надѣнуть.

Гришка.

Да нынче такъ носить.

Смуровъ.

Да кто носить-то, глупый! Носить! Мало ли что носить! Всѣхъ пинцихъ не перецеголяешь! Ну за что тебя такъ обругали! Эхъ Гриша, Гриша! Не хорошо, братецъ! Ты чѣмъ здѣсь занимаешься-то?

Гришка.

Ни чѣмъ не занимаюсь. На посылкахъ, да пыль сотрешь, за столѣмъ прислужишь.

Смуровъ.

Балуешься ты здѣсь, я вижу, около моего племянника-то. Тебя одѣли дуракомъ, а ты и радъ. А ты полно паясничать-то, ты ужъ не маленькой, пора и объ себѣ подумать. Чего ты здѣсь дождешься? Ничего не дождешься, ни лысаго бѣса. А ты бы просился у бабушки-то, чтобъ тебя куда въ порядочное мѣсто отдали; въ лавку, что ли куда; по крайности со временемъ человѣкъ будешь, а то, что народъ-то смѣшишь! Я, вотъ, бабушкѣ-то поговорю. *(Входитъ Иванъ)*. Что жъ, скоро ли будетъ-то?

Иванъ.

Не знаю; можетъ быть, и вовсе не прѣдетъ. Да вотъ, вы напишите, что вамъ нужно *(подаетъ ему бумагу и перо)*.

Смуровъ.

Напишите! А что я стану писать! Пшь ты разгулялся очень! Какого я ему рожна напишу! Умны вы очень! Напишите! Дуракъ ты, я вижу, и съ бариномъ-то съ твоимъ; а то еще «напишите.» Очень мнѣ нужно! Поди-ко съ, господа какіе! Пойдемъ, Вася.

Иванъ.

Что же сказать прикажете, коли Семень Парамонычъ спросять?

Смуровъ.

Скажи ему, что дуракъ онъ, вотъ что!

Вася.

Дяденька, онъ говоритъ, что онъ образованный человѣкъ.

СМУРОВЪ.

Какъ же ему не быть образованнымъ! Изъ трактировъ не выходитъ, по рощамъ шампанское пьеть. (*Ивану*) Такъ ты слушай! Ты скажи ему, чтобъ онъ нынче же къ матери прѣхалъ, что дяденька, молъ, нарочно заѣзжалъ. Да ты скажи ему, что я самъ старухѣ-то скажу, чтобы она довѣренность-то уничтожила, да въ газетахъ публикуемъ, что долговъ за него не платимъ, тогда и живи, какъ онъ хочетъ: ужъ я ему ни слова не скажу. Мы ему хвостъ-то прижмемъ (*уходятъ*).

БѢДНАЯ НЕВѢСТА.

ВЪДНЛАЯ НЕВЪСТА.

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Л И Ц А.

АННА ПЕТРОВНА НЕЗАБУДКИНА, вдова небогатаго чиновника.
МАРЬЯ АНДРЕЕВНА, ея дочь. *Зависаетъ...*
ВЛАДИМИРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ШЕРИЧЪ, } молодые люди, знакомые
ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ МИЛАШИНЪ, } Незабудкиной.
ПЛАТОНЪ МАРКОВИЧЪ ДОБРОТВОРСКІЙ, старый стряпчій.
МАКСИМЪ ДОРОФЕЕВИЧЪ БЕНЕВОЛЕНСКІЙ, чиновникъ.
АРИНА ЕГОРОВНА ХОРЬКОВА, вдова, мѣщанка.
МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ ХОРЬКОВЪ, сынъ ея, бывшій студентъ.
КАРПОВНА, сваха (по купечеству) въ платочкѣ.
ПАНКРАТЬЕВНА, сваха (по дворянству) въ чепчикѣ.
ДАРЬЯ, горничная Незабудкиныхъ.
МАЛЬЧИКЪ Добротворскаго.
Офиціантъ и разныя лица, являющіяся въ 5-мъ дѣйстви смотрѣть свадьбу.

ДѢЙСТВІЕ I.

(Театръ представляетъ комнату; на задней стѣнѣ двѣ двери: одна въ комнаты, другая на улицу. Съ лѣвой стороны окно, у окна пьльцы, далье фортепьяно; съ правой стороны диванъ и большой круглый столъ.)

ЯВЛЕНІЕ I.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (сидитъ за пьльцами) и АННА ПЕТРОВНА (на диванѣ.)

АННА ПЕТРОВНА.

Вотъ тутъ и живи, какъ хочешь. Какъ бы папенька-то твой не моталъ безъ памяти, такъ бы другое дѣло было; а то оставилъ насъ почти ни съ чѣмъ. Дѣла все запутаны, тутъ тяжба еще!... Вотъ домъ-

то отнимуть, что тогда дѣлать-то? Ты только подумай, какъ мы тогда жить-то будемъ!... А что я! Мое дѣло женское, да я и не знаю ничего: я сама привыкла за людьми жить. (*Молчаніе.*) Хоть бы ты за-мужь, что-ль, Маша, шла поскорѣй. Я бы ужь, кажется, не знала, какъ и Бога-то благодарить! А то, какъ это безъ мужчины въ домѣ!... Это никакъ нельзя.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

У васъ вѣдь, маменька, ужь одинъ разговоръ.

АННА ПЕТРОВНА.

Что-жъ такое не говорить-то! Отъ слова-то тебя убудеть что ли? На-ка-поди, ужь и говорить-то нельзя. Что такое, въ самомъ дѣлѣ!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Развѣ я виновата, маменька, что мнѣ никто не правится?

АННА ПЕТРОВНА.

Какъ это не правится, я не знаю; это такъ капризь просто, Маша.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Какой же капризь, маменька! Кто за меня сватался, — вспомните хорошенько, что это за люди?

АННА ПЕТРОВНА.

Что-жъ дѣлать-то, Машенька? что-жъ дѣлать-то, другъ мой? Гдѣ-жъ намъ тебѣ красавцевъ-то взять? Нынче хорошіе-то женихи все денегъ ищутъ, не хотятъ видѣть, что ты у меня красавица. Куды это я табатерку засунула, ужь и не знаю! Посмотри-ка тамъ на столкѣ... Постои, здѣсь, въ карманѣ. Нѣтъ ужь, какъ бы, кажется, тебя не полюбить! Все вѣтеръ въ головѣ-то у молодыхъ людей. Да, признаться сказать, вѣдь и ты-то очень разборчива. А ты подумай, вѣдь у насъ не горы золотыя — умничать-то не изъ чего!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Хорошо, хорошо.

АННА ПЕТРОВНА.

Да что хорошо-то?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я подумаю.

Анна Петровна.

Да о чемъ думать-то, скажи ты миѣ, сдѣлай милость. Додумаешься до того, что просидишь въ дѣвкахъ.

Марья Андреевна.

А что-жь за бѣда такая?

Анна Петровна.

Глуна еще ты — вотъ что. (*Сидитъ, надувшись. Молчаніе.*)
Что это, ей-Богу, хоть бы Платонъ Маркычъ пришелъ. Ужь я и не знаю, что миѣ дѣлать-то. Вотъ былъ чулокъ, вотъ гдѣ теперь чулокъ?

Марья Андреевна.

Вотъ, маменька, чулокъ. (*Подаетъ.*)

Анна Петровна (*вяжетъ чулокъ*).

Нейдетъ Платонъ Маркычъ да и только; что хочешь тутъ и дѣлай.

Марья Андреевна.

Да зачѣмъ вамъ, маменька, Платонъ Маркычъ понадобился?

Анна Петровна.

Какъ зачѣмъ? Что мы знаемъ тутъ, сидя-то, а онъ все таки мужчина. Буточникъ бумагу какую-то приносилъ, кто ее тамъ разберетъ? Вотъ поди-жь ты женское-то дѣло какое! Такъ и ходишь, какъ дура. Вотъ цѣлое утро денегъ не сочту. Какъ это безъ мужчины, это я ужъ и не знаю, тутъ и безъ бѣды бѣда. Возьми-ка, Маша, бумажку, да посчитай миѣ деньги-то, сдѣлай милость.

Марья Андреевна.

Говорите, я и такъ сочту.

Анна Петровна.

Постой, Маша. Заторонишь ты меня — я опять собьюсь. Гдѣ это бумажка-то у меня? Дай Богъ памяти... Вотъ она! постой, — пришла. Вотъ сочти возьми. Давеча считала, считала на счетахъ, — либо цѣлковаго не хватаетъ, либо два лишнихъ, а ужъ Дарью лучше не заставляй. Да ужъ и въ головѣ-то все не то. Дѣло-то меня безпокоитъ очень, объ домѣ-то нужно съ Платономъ Маркычемъ поговорить. Все таки мужчина. (*Дарья входитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ II.

ТЪ-ЖЕ И ДАРЬЯ.

ДАРЬЯ.

Барыня, а барыня! отъ Платона Маркыча мальчикъ пришелъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Позови его сюда. (*Дарья уходитъ. Входитъ мальчикъ.*)

МАЛЬЧИКЪ.

Платонъ Маркычъ кланяется приказали; прислали газеты вчерашнія и записочку-съ, да приказали о здоровьѣ спросить.

АННА ПЕТРОВНА.

Господи! куды это я очки дѣла? Поищи, Маша, сдѣлай милость. (*Марья Андреевна ищетъ очки.*)

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да позвольте, маменька, я прочитаю. Я думаю, у васъ съ Платономъ Маркычемъ секретовъ нѣтъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Прочитай, Маша! Какіе секреты! Я его объ дѣлѣ просила. Вотъ женское-то дѣло: вѣдь и жаль безнокоить Платона-то Маркыча — старый человѣкъ, а дѣлать нечего.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*читаетъ*).

«Ваше Высокоблагородіе, милостивая государыня, Анна Петровна! Честь имѣю васъ увѣдомить, что все порученія ваши я исполнилъ въ точности и съ удовольствіемъ, и впредь прошу васъ таковыя возлагать на меня. При семъ посылаю вамъ вѣдомости вчерашняго числа. На счетъ того пункта, о которомъ вы меня просили, я въ названномъ вами присутственномъ мѣстѣ былъ: холостыхъ чиновниковъ для Марьи Андреевны достойныхъ нѣтъ; есть одинъ; но я сомнѣваюсь, чтобы онъ вамъ понравился, ибо очень великъ ростомъ, — весьма много больше обыкновеннаго, и рябой....» (*Смотритъ съ умоляющимъ видомъ.*) Маменька!

АННА ПЕТРОВНА.

Читай, читай.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*продолжаетъ*).

«Но, по справкамъ моимъ отъ секретаря и прочихъ его сослуживцевъ, оказался нравственности хорошей и непыющій, что, какъ мнѣ извѣстно, вамъ весьма желательно. Не прикажете ли помотрѣть въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ, что и будетъ мною исполнено съ величайшимъ удовольствіемъ. Дѣло ваше, по случаю упущеній съ вашей стороны, приняло дурной оборотъ; но вы, сударыня, не извольте беспокоиться: ибо я нашелъ весьма знающаго человѣка, который можетъ онымъ дѣломъ руководствовать. О прочемъ буду имѣть честь объяснить вамъ при личномъ свиданіи. Остаюсь, всегда готовый къ услугамъ, Платонъ Добротворскій». Что это вы, маменька, дѣлаете? Посылаете Платона Маркыча по присутственнымъ мѣстамъ жениховъ искать! Это ужъ Богъ знаетъ что такое!... И ни слова объ этомъ не скажете; это ужъ обидно даже. Ахъ, маменька, что вы со мной дѣлаете! (*Садится къ пальцамъ*)

АННА ПЕТРОВНА.

Никакой тутъ обиды нѣтъ! Ты, Маша, этаго не знаешь, это ужъ мое дѣло. Я вѣдь тебя не принуждаю; за кого хочешь, за того и пойдешь. А это ужъ мой долгъ тебѣ жениха найти. (*Мальчику.*) Кланяйся, милый, Платону Маркычу; скажи, что приказали благодарить; слава Богу, молъ, здоровы.

МАЛЬЧИКЪ.

Слушаю-сь.

АННА ПЕТРОВНА.

Поди сюда, я тебѣ дамъ записочку Платону Маркычу. (*Уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*одна*).

Вотъ всякой день этакой разговоръ! Какъ это не надоѣсть маменькѣ, право. Такая тоска, такая тоска, что не знаешь, куда дѣться! (*Шьетъ въ пальцахъ. Дарья входитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА И ДАРЬЯ.

ДАРЬЯ.

О, чтобъ васъ!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что ты все сердишься?

ДАРЬЯ.

Да какъ-же, барышня, не сердиться-то! Этакіи народъ, не повѣрите! Бѣгу изъ лавочки, а тутъ какой-то дуракъ остановился на дороге, да прямо въ глаза и смотритъ. Что, говорю, бѣльмы-то вынучилъ, чего не видалъ, на мнѣ ничего не написано. Да какъ, говоритъ, на тебя, на красавицу этакую, не посмотрѣть. Плюнула да и пошла. (*Ищетъ что-то.*) Вотъ вѣчно растеряетъ, а тутъ ищи. О, чтобъ!...

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что ты тамъ ищешь?

ДАРЬЯ.

Да табатерку барышня потеряла.... Нашла.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что, Даша, хороша я?

ДАРЬЯ.

Вы-то? красавица-раскрасавица.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Давай помѣняемся, вотъ и не будутъ смѣяться надъ тобой.

ДАРЬЯ.

И, матушка, на что мнѣ красота.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

А мнѣ на что?

ДАРЬЯ.

Что это вы, барышня, говорите! Посмотрите-ка, какой молодецъ въ васъ влюбится, любо-дорого глядѣть; полковникъ какой-нибудь возьметъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Гдѣ ужъ, Даша, влюбиться! Маленька говоритъ, что замужъ пора.

ДАРЬЯ.

Что-жъ! Отчего-жъ и за мужъ нейдти?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Такъ зачѣмъ же быть красавицей-то? —

ДАРЬЯ.

Какъ это можно, лучше мужъ бѣдетъ любить. Вотъ у сосѣдки двѣ дочери: старшая-то худая такая, какъ спичка; а младшая-то румяная да гладкая, еще шестнадцати лѣтъ нѣтъ, а какъ словно она троихъ ребятъ выкормила. Вотъ мать-то и говоритъ: боюсь говорить, старшую-то за-мужъ отдавать, мужъ любить не станетъ; вотъ эту, говоритъ, любить бѣдетъ. Затолковалась я съ вами, барышня; старуха-то, пожалуй, разсердится. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*одна и потомъ*) ДАРЬЯ.

Маменькѣ легко говорить: выходи замужъ! Да за кого я пойду? Я бѣзъ ужаса себѣ представить не могу, какъ выдти за человѣка, къ которому, кромѣ отвращенія, ничего не чувствуешь. (*Задумывается.*) Всякой уродъ думаетъ, что онъ вправѣ посвататься, и даже считаетъ это какимъ-то одолженіемъ, потому что она, говорятъ, бѣдная цевѣста. Ниной просто торгуетъ меня, какъ вещь какую нибудь: я, говоритъ, имѣю состояніе, у васъ ничего нѣтъ, я вашу дочь за красоту возьму. (*Смотритъ въ окно задумавшись.*) Меричь! Вотъ прекрасно. Идетъ такой печальной, задумавшись. Желала бы я знать, о чемъ онъ думаетъ, ужъ вѣрно не обо мнѣ. (*Подходитъ къ зеркалу.*) Ахъ, какая я глупая! Ну съ чего я такъ покраснѣла вся, и голосъ дрожить. Надобно немного успокоиться — онъ, пожалуй, замѣтитъ. А что-жъ такое, мнѣ бы даже хотѣлось, чтобъ онъ замѣтилъ; чтобы онъ сталъ дѣлать? Ахъ, какія глуности! Что я вру? Дарья! Дарья! (*Входитъ Дарья.*) Поди, попроси Владиміра Васильевича въ садъ пройти.

ДАРЬЯ.

Хорошо, барышня. (*Уходитъ.*)

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*поправляется передъ зеркаломъ*).

Тутъ поминутно разныя свахи являються, очень пріятно смотрѣть на нихъ. Я-то ужъ приглядѣлась, а ему, я думаю, очень дико покажется. Ахъ, какъ я рада ему, — онъ такъ рѣдко у насъ бываетъ...

ДАРЬЯ (*входитъ*).

Пожалуйте, барышня, онъ въ саду. (*Марья Андреевна уходитъ. Дарья, стирая пыль съ мебели.*) Чтойто у меня за барышня, право... Даи ей Богъ жениха хорошаго! (*Останавливается по срединъ комнаты съ тряпкой въ рукъ.*) Если это разсудить теперь, какъ то все на свѣтѣ дѣлается: богатъ ты, ну и всякій тебя уважаетъ, а бѣденъ, такъ и рыло воротятъ. Ужъ это значить не челоуѣкъ нуженъ, а богатство. (*Растопыриваетъ руки.*) Мудрено это все дѣлается! (*Взглянувъ въ окно.*) О, чтобъ васъ! Кого-то принесло. (*Идетъ къ двери. Карповна входитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

ДАРЬЯ И КАРПОВНА.

КАРПОВНА.

Даша, здравствуй!

ДАРЬЯ.

Здравствуй, Карповна. Чтойто ты пропала?

КАРПОВНА.

Что, душа, — все хлопоты; нѣтъ-ли чего новенькаго у васъ?

ДАРЬЯ.

Какое новенькое! Откуда ему быть-то.

КАРПОВНА (*сидясь*).

Ужъ и какъ, дѣвушка, жарко.

ДАРЬЯ.

Ишь ты какъ распозлалась, Богъ съ тобою.

КАРПОВНА.

А что, дѣвка, вѣдь и то никакъ я потолстѣла. Ты что-жъ не поправляешься?

ДАРЬЯ.

Ты говоришь: не поправляешься! Да съ чего миѣ поправляться-то? Другое дѣло, кабы жила я покойно, а то.... ахъ.... (*Подходитъ къ ней и говоритъ вполголоса.*) То-есть ты, Карповна, не повѣ-

ришь, цѣлый-то она день денской, какъ часы заведенныя, — и то не такъ, и другое не по ней — и пошла ворчать, и пошла.... Женщина я горячая, ничего на себѣ не могу перенести, ну и выговоришь; и пошелъ дымъ коромысломъ.... брань да исторія. То-есть, кажется, кабы только моя не привычка къ этому дому, какъ ужъ седьмой годъ живу, такъ я бы ни одного дня не осталась.

КАРПОВНА.

Ишь ты, дѣвка! а!.... (*Качаетъ головой.*)

ДАРЬЯ.

Женщина же я горячая; закипитъ это, закипитъ, и какъ вдругъ туманъ въ глазахъ, рада, кажется, горло перервать. Только у меня сердце отходчивое, сей-часъ какъ ничего и не бывало, а она все ворчить.... То есть, кажется, кабы моя не привычка, какъ я седьмой годъ живу.... Ужъ такъ думаю: ну... (*махнувъ рукой.*)

КАРПОВНА.

Въ людяхъ жить, душа, кому сладко.

ДАРЬЯ (*подходитъ къ ней ближе и говоритъ почти шепотомъ*).

Намедни говоритъ: такая ты и этакая! Что, говоритъ, долго въ лавочку ходила! Ты съ лавочниками якшаешься! Какъ, говорю, сударыня! Кто меня засталъ? Нѣтъ, говорю, не извольте.... я, говорю, дѣвушка, какъ есть.... ни въ чемъ.... Ахъ, кажется.... ужъ лучше не говорить.... (*Помолчавши*). Барышню поѣдомъ съѣла! Выходи, говоритъ, за мужъ.... «За кого я, говоритъ, маменька, пойду»? Да вѣдь и вправду: — ну за кого она пойдетъ, за какого шута гороховаго? Ужъ хоть бы ты, Карповна, ей хорошаго жениха нашла.

КАРПОВНА.

Найтить-то я нашла, да не знаю, какъ поправится.

ДАРЬЯ.

Я такъ думаю: офицера бы ей найти. Смотри-ка, мимо насъ какіе хорошіе ѣздятъ. Никакъ кто-то идетъ. (*Идетъ къ двери; входитъ Панкратьевна.*)

ЯВЛЕНИЕ VII,

ТѢ-ЖЕ И ПАНКРАТЬЕВНА.

ПАНКРАТЬЕВНА.

Что, милушка, дома барыня?

ДАРЬЯ.

Дома.

ПАНКРАТЬЕВНА.

Скажи, что Степанида Панкратьевна пришла. (*Дарья уходитъ. Взглянувъ на Карповну.*) Ба, ба, ба.... Залетѣла ворона въ высокіе хоромы! Ты какъ сюда попала?

КАРПОВНА.

А вотъ какъ попала, такъ и попала. Это что еще за спросъ такой проявляется!

ПАНКРАТЬЕВНА.

Ишь тебя вездѣ носить! Знала бы свое кунечество.

КАРПОВНА.

А ты, не боюсь, съ дворянствомъ все знакома; то-то ты хвосты-то и отренала, по переднимъ-то шлямнись.

ПАНКРАТЬЕВНА.

Невѣжа! Я съ тобой и говорить-то не хочу.

КАРПОВНА.

Ха, ха, ха, ха... Ты что-ль больно вѣжлива! Ты вотъ съ дворянами водишься, а ходишь оципаная да обдерганая, страмъ смотрѣть-то; а я съ кунечествомъ, да своимъ домомъ живу, не хуже кого другаго, и въ ламбартѣ есть. Напялила чепчикъ-то, такъ и на-поди, думаешь, что тебя и рукой не достанешь!... Да я коли захочу, такъ въ поль-аршина взбодрю. (*Смѣется.*) Еще важнѣйи тебя буду!

ПАНКРАТЬЕВНА.

Что съ невѣжей и говорить. Обращенія ты никакого не знаешь, — какъ есть дура, невоспитанная!

КАРПОВНА.

Вотъ дура, — да почище тебя, никто на ногу не наступитъ. (*Молчаніе.*)

ПАНКРАТЬЕВНА.

А вотъ, какъ узнаеть Мартынь Мартьянычь, за чѣмъ ты къ нимъ ходишь, такъ онъ тебѣ форсъ-то собьеть.

КАРПОВНА.

А зачѣмъ я хожу-то? Ну, скажи, зачѣмъ?

ПАНКРАТЬЕВНА.

Ну, извѣстно, зачѣмъ.

КАРПОВНА.

Какъ тебѣ не знать! Врешь, врешь ты! Тринадцатый годъ вдовью, ни въ чемъ не замѣшана. Ты, видно, съ больной головы на здоровую.
(*Анна Петровна входитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ VIII.

ТѢ-ЖЕ И АННА ПЕТРОВНА. (*Свахи встаютъ и кланяются.*)

АННА ПЕТРОВНА.

Здравствуйте! Ну что? Что? говорите скорѣй. (*Объ молчатъ.*)
Что вы молчите?

КАРПОВНА.

Пусть она сначала говоритъ, — у нее благородные.

АННА ПЕТРОВНА.

Ну говори ты, Панкратьевна!

ПАНКРАТЬЕВНА.

Есть у меня два жениха, Анна Петровна, такіе кавалеры, что чудо!

АННА ПЕТРОВНА.

Какіе-жъ они такіе?

ПАНКРАТЬЕВНА.

Служаціе, матушка, благородные.

АННА ПЕТРОВНА.

Что-жъ они, съ состояніемъ?

ПАНКРАТЬЕВНА.

Служать, матушка, жалованья получаютъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Да живутъ-то они каково?

ПАНКРАТЬЕВНА.

Живутъ хорошо. Одинъ стихи пишетъ, другой все поетъ цѣлый день. А ужъ какіе учтивые, да какіе влюбчивые. Какъ, говоритъ, увижу хорошенькую барышню, такъ бы и женился, ни на что не по-смотрѣлъ.

АННА ПЕТРОВНА.

А чины у нихъ какіе?

ПАНКРАТЬЕВНА.

Чины небольшіе, изъ себя-то ужъ больно красавцы.

КАРПОВНА.

Голь все это, какъ я посмотрю.

АННА ПЕТРОВНА.

Ну, а у тебя что, Карповна?

КАРПОВНА.

Есть-то у меня, есть, такой тузъ — не ея женихамъ чета; да лишнее бревнышко у насъ въ горницѣ.

АННА ПЕТРОВНА.

Ну, хорошо. Поди, Панкратьевна! Навѣдайся какъ-нибудь на дняхъ.

ПАНКРАТЬЕВНА.

Прощайте, Анна Петровна. (*Уходитъ, свирѣпо взглянувъ на Карповну.*)

АННА ПЕТРОВНА.

Ахъ, Карповна, ужъ кабы ты намъ нашла жениха, я бы тебѣ такое спасибо сказала.... Сама ты знаешь, мое дѣло женское, ничего я не знаю... Какъ это можно безъ мужчины!...

КАРПОВНА.

Такъ вотъ, матушка, не было ни гроша, да вдругъ алтынъ. Такой тузъ, что рукой не достанешь.

Анна Петровна.

Кто-жъ такой? — говори, не мучай.

Карповна.

Сава Савичъ Бѣлугинъ.

Анна Петровна.

Что ты! вѣдь милліонщикъ!

Карповна.

Милліонщикъ, милліонщикъ.

Анна Петровна.

Какъ же это онъ вздумалъ?

Карповна.

Да что, матушка, дѣти одолѣли. Вѣдь у него дѣти-то поди-ка какія. Самъ-отъ онъ въ большомъ домѣ не живетъ, знаешь, что съ балкономъ-то. Сыновья-то тамъ запрутса, да и пьютъ, крапболь у нихъ тамъ всякій идетъ. Да что-жъ выдумали: выскочить это который-нибудь на балконъ, глаза вытаращить, руки подыметъ, закричить страшнымъ голосомъ, да назадъ; потомъ, погода немного, другой, такъ и прокурятятъ. Что хорошаго!

Анна Петровна (*качая головой*).

А-я-яй; а-я-яй!

Карповна.

Ну, сама посуди, отецъ-то смотритъ, смотритъ....

Анна Петровна (*заглянувъ въ окно и увидавъ идущую Хорькову*).

Ну хорошо, Карповна, спасибо тебѣ. Сама ты знаешь, мое дѣло женское.... зайди на дняхъ, потолкуемъ... теперь нѣкогда, — воцъ Хорькова идетъ.

Карповна.

Зайду, зайду. (*Кланяется и уходитъ; входитъ Хорькова.*)

ЯВЛЕНИЕ IX.

Анна Петровна и Хорькова.

Анна Петровна.

Арина Егоровна! Милости просимъ! Присядьте!

Хорькова.

Я вѣдь, Анна Петровна, на минуточку, совершенно на минуточку. Вообразите, была въ городѣ, — дай, думаю, зайду къ Аннѣ Петровнѣ; онѣ хоть и спѣсивы никогда насъ не навѣстятъ, ну да ужъ, думаю, зайду.

Анна Петровна.

Извините, матушка, все дѣла, ей-Богу нѣкогда, сами посудите, дѣло мое женское: вездѣ сама должна. Вотъ у насъ теперь тяжба объ домѣ, такъ вѣдь ночи не сплю. Ну какъ отнимутъ, куда я дѣнусь?... а у меня дочь невѣста.

Хорькова.

Вотъ я, Анна Петровна, благодарю Бога. Вы знаете моего Мишу, такой скромный, такой почтительный. Мишѣ, говоритъ, маменька, нужды нѣтъ, что вы женщина простая и необразованная, а я, говоритъ, образованный человѣкъ, — я васъ люблю и обожаю. Вы представьте, вѣдь онъ у меня теперь на линіи дворянина. Старостиха наша говоритъ мнѣ намедни: «у васъ такой сынъ, Арина Егоровна, такой сынъ, что мы, говоритъ, все завидуемъ: скромный, почтительный, и никакихъ, говоритъ, шалостей за нимъ не слышать. Что, говоритъ, вы его, Арина Егоровна, не жените»? А я думаю себѣ: понимаю, куда ты мѣтишь. У нее, представьте, три дочери, и она по многу денегъ даетъ за ними; только дѣвушки, я вамъ скажу, безъ всякаго образованія; хоть я и сама женщина необразованная, но очень хорошо могу понимать это. Прихожу домой, говорю: Миша! не хочешь ли, другъ мой, жениться; мнѣ, говорю, отъ богатыхъ невѣсть отбою нѣтъ, все, говорю, другъ мой, въ тебя, за твою кротость и образованіе, влюбляются. Я, говорю, съ тебя, другъ мой, воли не снимаю — ты самъ умнѣе меня и образованнѣе; а когда ты задумаешь, открой, говорю, мнѣ свои мысли, я тебѣ найду невѣсту. «Хоть я, говоритъ, маменька, и образованный человѣкъ; но я завсегда предпочитаю съ вами объ дѣлѣ разговаривать». Всякая, говорю, дѣвушка за

тебя пойдеть съ радостію, есть, говорю, у меня для тебя невѣста и съ богатствомъ и съ красотой. Миша меня, представьте себѣ, обнялъ, и говоритъ мнѣ: «милая маменька, не въ богатствѣ счастье, все, говоритъ, это тлѣнь. Сходите, говоритъ, къ Аннѣ Петровнѣ: я ихъ уважаю; какое они обо мнѣ мнѣніе имѣють; душевное, говоритъ, мое есть желаніе поправиться Марьѣ Андревнѣ.

А Н Н А П Е Т Р О В Н А .

Покорно васъ благодарю, Арина Егоровна! Мнѣ самой вашъ сынъ очень нравится. Я все къ вамъ думала побывать, да памяти нѣтъ: совсѣмъ и забуду, какъ забуду. Вы знаете мое душевное желаніе видѣть Машеньку за мужемъ поскорѣе; все средства употребляю, чтобы ей хорошаго человѣка найти. Я, признаться вамъ сказать, съ молодости была женщина избалованная: при мужѣ, при покойникѣ, какъ за каменной стѣной жила, ни во что не входила, а теперь, сами видите, маюсь, маюсь — разломить всю. Какъ это безъ мужчины въ домѣ, посудите? Женщина я слабая, сырая, позабывчивая. Кабы мнѣ ее съ рукъ сбить, я бы была гораздо покойнѣе.

Х О Р Ъ К О В А .

Чего-жъ думать, Анна Петровна. Мишу моего вы знаете съ хорошей стороны; въ обществѣ онъ, по своему званію, превозвышенъ. Я, конечно, женщина простаго званія; но совсѣмъ не тѣхъ понятій: я довольно далека отъ этаго круга и довольно облагорожена въ своихъ чувствахъ.

А Н Н А П Е Т Р О В Н А .

Я принуждать Машеньку не могу — это ея воля. Вы скажите Михайлу Иванычу, чтобы онъ постарался поправиться Машенькѣ, — я буду очень рада.

Х О Р Ъ К О В А .

Онъ у меня такой застѣнчивый, всего боится. Странно, я говорю ему, Миша, ты человѣкъ образованный, а такой застѣнчивый; чего тебѣ, другъ мой, съ твоимъ умомъ и образованіемъ бояться: всякая дѣвушка съ радостію тебя полюбитъ. Такъ ужъ вы мнѣ позвольте его обнадежить, Анна Петровна.

А Н Н А П Е Т Р О В Н А .

Скажите ему, что я съ своей стороны согласна, и переговорю объ этомъ съ Машенькой.

ХОРЬКОВА.

Покорно васъ благодаримъ, мы будемъ надѣяться. (*Молчаніе.*)
Какой миленькій чепчикъ на васъ; почему вы брали ленточки?

АННА ПЕТРОВНА.

Ужъ и не спрашивайте — память вѣдь у меня плоха; кажется, по восьми, не то по семи гривенъ.

ХОРЬКОВА.

Миленькій, очень миленькій... Вы мнѣ одолжите выкроечку вашей визитки, хочется черной муаре сдѣлать. Вотъ, представьте себѣ, такъ и сщлю и вижу — непременно черной муаре.

АННА ПЕТРОВНА.

Куда это я ее засунула? спросить у Дарьи надобно. Вотъ кабы Машенька за-мужъ вышла, ужъ я къ свадьбѣ-то бы себѣ какую-нибудь на Кузнецкомъ Мосту заказала, понаряднѣй.

ХОРЬКОВА.

Не совѣтую, Анна Петровна, не совѣтую. У меня есть знакомая портниха, она вамъ сдѣлаетъ просто и благородно. Я женщина простаго званія, а люблю одѣваться со вкусомъ, и чтобы все было благородно. Мнѣ Миша всегда говоритъ: «вамъ, говоритъ, маменька, удивляться надобно, какой вы имѣете вкусъ и разумокъ. Я, говоритъ, васъ люблю и уважаю; мнѣ, говоритъ, нужды нѣтъ, что вы не получили никакого образованія». Прощайте, Анна Петровна; поищите мнѣ выкроечку.

АННА ПЕТРОВНА (*встаетъ*).

Пойдемте, — она, должно быть, у меня въ комнатѣ; поищемте вмѣстѣ. (*Идутъ къ двери. Милашинъ входитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢ-ЖЕ И МИЛАШИНЪ.

МИЛАШИНЪ.

Здравствуйте, Анна Петровна!

АННА ПЕТРОВНА.

Здравствуйте, Иванъ Ивановичъ! Машенька, должно быть, въ саду гуляетъ. (*Милашинъ подходитъ къ окну.*)

ХОРЬКОВА (*осматриваетъ Милашина*).

Кто это, Анна Петровна?

АННА ПЕТРОВНА.

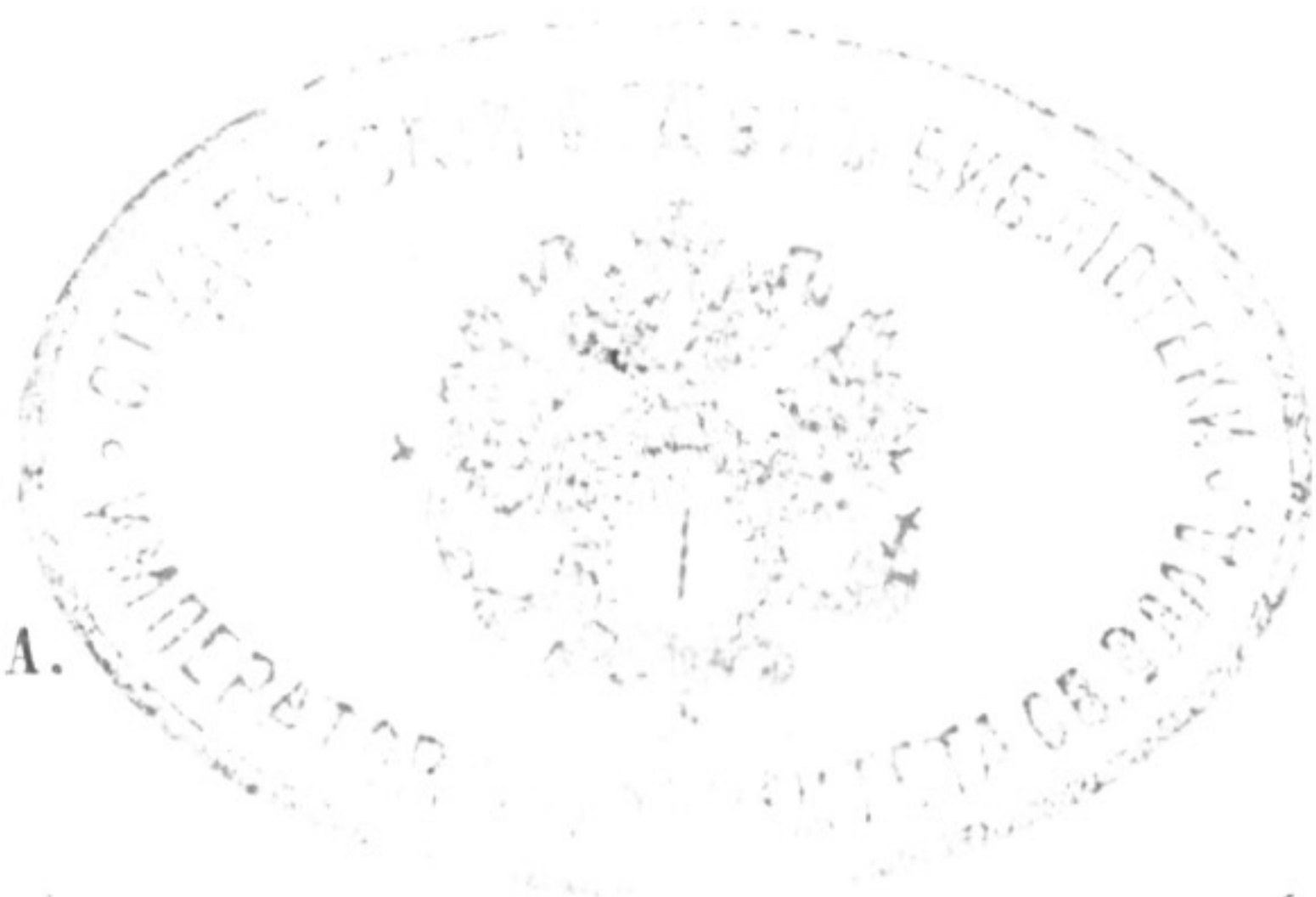
Милашинъ, Иванъ Ивановичъ.

ХОРЬКОВА.

Ну, это вашей дочкѣ не женихъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Какой женихъ! (*Уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XI.

МИЛАШИНЪ (*одинъ у окна*).

Что это! Меричъ опять здѣсь! Ну такъ и есть. Я этаго и ожидалъ. Чортъ возьми, это досадно! Нѣтъ, я этаго не позволю. (*Ходитъ по комнатѣ.*) Сколько времени я всѣ силы употребляю, чтобъ ей поправиться, бьюсь, бьюсь — и все ничего; а тутъ какой-нибудь... Я рѣшительно не могу видѣть, какъ она съ нимъ любезничаетъ. Какъ бы мнѣ его выжить отсюда! Жениться на ней? Такъ она за меня не пойдетъ, потому-что мнѣ жить нечѣмъ, да и, кажется, она не любитъ меня. Да изъ чего-жъ я бьюсь? Просто уйдти, бросить и не обращать вниманія. Но однакоже надобно ей дать почувствовать. Надобно ей сказать: «у васъ теперь, Марья Андреевна, есть новые знакомые, съ которыми вамъ веселѣй, чѣмъ съ старыми; но вы теряете друга, который былъ вамъ преданъ». Она, конечно, будетъ меня уговаривать, а я ей: «нѣтъ, скажу, коли у васъ лучше, такъ ужъ что-же мнѣ здѣсь дѣлать; можетъ быть, я вамъ ужъ надоѣлъ; прощайте, скажу... навсегда». — Но зачѣмъ же навсегда, Иванъ Ивановичъ? — «Нѣтъ скажу, если прощаться, такъ навсегда, у меня такой характеръ». Взять шляпу и уйдти... Ну, что-жъ потомъ! А, чортъ возьми! Она еще, пожалуй, будетъ рада, что я ушолъ, а Меричъ и подавно. — Такъ нѣтъ же, останусь, на зло имъ; буду ходить каждый день; буду въ глаза смѣяться надъ Меричемъ: ужъ какънибудь да я его выживу отсюда!... Я на всякое средство рѣшусь!... (*Ходитъ по комнатѣ. Входятъ Марья Андреевна и Меричъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XII.

Милашинъ, Меричъ и Марья Андреевна.

Марья Андреевна.

Здравствуйте, Иванъ Ивановичъ! Что, ушли свахи?

Милашинъ.

Кажется ушли; мнѣ навстрѣчу двѣ попались.

Марья Андреевна.

Какъ это скучно! (*Стоитъ задумавшись.*) Заходите къ намъ, Владиміръ Васильчъ, почаще. Обѣщайте.

Меричъ.

Смѣю-ли я послушаться, когда вы приказываете. Только я вамъ повторяю, Марья Андреевна, я васъ боюсь.

Марья Андреевна.

Полноте шутить-то! (*Милашинъ дѣлаетъ гримасы довольно замѣтно.*)

Марья Андреевна (*Милашину*).

Что съ вами: вы нынче какъ будто не въ-духѣ?

Милашинъ.

Такъ-съ, у меня что-то голова болитъ.

Меричъ.

Голова болитъ! это не хорошо. Вы лечитесь. Прощайте, Марья Андреевна, засвидѣтельствуйте мое почтеніе маменькѣ.

Марья Андреевна.

Когда-же вы къ намъ?

Меричъ,

Завтра, если можно.

Марья Андреевна

Очень можно! Такъ завтра. Я буду ждать.

Меричъ.

Непремѣнно. (*Уходитъ. Марья Андреевна подходитъ къ двери.*)

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Смотрите-же, не обманите.

МЕРИЧЬ (*за сценой*).

Честное слово!

ЯВЛЕНИЕ XIII.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА И МИЛАШИНЪ

МИЛАШИНЪ.

Что это онъ съ вами говорилъ въ саду, Марья Андревна?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

А вамъ какое дѣло? Вы очень любопытны.

МИЛАШИНЪ.

Извините, Марья Андревна, я думалъ, что у васъ съ Меричемъ нѣтъ особенныхъ секретовъ. Я не зналъ.... Можетъ быть, это что-нибудь такое, чего и сказать нельзя.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Можетъ быть.

МИЛАШИНЪ (*посль непродолжительнаго молчанія*).

Скажите, Марья Андревна, за что вы меня не любите?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Полноте, что вы! за что мнѣ васъ не любить?

МИЛАШИНЪ.

Конечно, я не такъ хорошъ, какъ Меричъ; не бываю въ обществѣ; не говорю по-французски. Нынче эти качества очень цѣнятъ. Будь глупъ, какъ пробка, только умѣй любезничать, болтать... Вотъ что нынче правится. — Это смерть досадно!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Вы очень любезны.

МИЛАШИНЪ.

Вы меня извините, Марья Андревна, а я говорю правду; я не виноватъ, если это вамъ не нравится.... Чѣмъ я хуже какого-нибудь

Мерича. Еслибъ я захотѣлъ, я бы могъ во сто разъ быть лучше его. Мальчишка! Нигдѣ не учился; выучился только болтать по французски въ какомъ-то пансіонѣ. — Я по крайней мѣрѣ въ гимназій курсъ кончилъ. Какъ онъ смѣетъ смѣяться надо мной! Ничего не дѣлаетъ, только числится на службѣ, чтобы первый чинъ получить. Что у него отецъ-то богатъ, такъ невелика важность!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что онъ вамъ мѣшаетъ?

МИЛАШИНЪ.

Да помилуйте, самый пустой человекъ! (*Молчаніе.*)

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Послушайте, Иванъ Ивановичъ, вы влюблены въ меня? (*Милашинъ въ смущеніи.*) Бѣдный, мнѣ васъ жаль! извините вы меня....

МИЛАШИНЪ.

Пожалуйста не жалѣйте! что-жъ дѣлать, насильно милъ не будешь. Осчастливьте того, кто достоинѣе меня!

ДАРЬЯ (*входитъ съ самоваромъ.*)

Матушка, барышня, Платонъ Маркычъ пришелъ.

МИЛАШИНЪ.

Очень кстати.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Отчего-жъ не кстати?

МИЛАШИНЪ.

Да такъ, я его не люблю что-то.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Вы, кажется, никого не любите. (*Входятъ Анна Петровна съ Добротворскимъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ТѢ-ЖЕ, Анна Петровна и Добротворскій.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Такъ вотъ, сударыня, дѣло-то какого роду.

Анна Петровна.

Понимаю, понимаю, Платонъ Маркычъ. (*Садится къ столу и наливаетъ чай.*)

Добротворскій.

Здравствуйте, матушка барышня, что это вы не веселы?

Марья Андреевна.

Да чему-же мнѣ радоваться-то, Платонъ Маркычъ?

Добротворскій.

Да, и то правда. Неурожай нынче, барышня, на жениховъ-то неурожай.

Анна Петровна.

Чаю не угодио-ли?

Добротворскій:

Выпью-съ. Не съ чего невѣстамъ веселымъ-то быть. Ну, да ужъ для васъ, матушка барышня, постараюсь отыскать хорошаго — будете благодарить. Я еще напеньку вашего зналъ покойнаго: благодѣтель для меня былъ. Такъ ужъ не извольте беспокоиться, постараюсь. Пожалуйста ручку.

Марья Андреевна.

Нѣтъ, зачѣмъ, Платонъ Маркычъ!

Добротворскій.

Ничего-съ, пожалуйте. (*Цѣлуетъ руку.*)

Анна Петровна.

Подвигайтесь, Платонъ Маркычъ, сюда поближе. (*Анна Петровна и Добротворскій садятся съ одной стороны стола, а Марья Андреевна и Милашинъ съ другой.*)

Добротворскій.

Слушаю, сударыня! Народъ-то нынче, я говорю, сударыня, поизвѣтреничался, жениховъ-то трудно искать. Въ наше-то время, когда мы-то были молоды, бывало чуть мальчикъ поперится, поступить на службу, глядишь — женится. Тогда, сударыня Анна Петровна, холостыхъ-то что-то мало было и видно, а у насъ въ судѣ, такъ, повѣ-

рите ли, ни одного холостаго чиновника не было. А нынче какъ живутъ молодые люди, такъ только дивиться надо. А ужъ это не порядокъ.

Анна Петровна.

Какой ужъ это порядокъ! Что хорошаго! Охъ, да никакъ я вамъ сахару-то забыла. Что, Маша, положила я сахару Платону Маркычу?

Марья Андреевна.

Положили, маменька.

Добротворскій.

Что вы, сударыня, изволите говорить?

Анна Петровна.

Говорю, что хорошаго, — не хорошо.

Добротворскій.

Нѣтъ, какъ можно, что хорошаго! Въ наше-то время совсѣмъ не такъ было. Вотъ оно и невѣстамъ-то веселѣй было: долго-то не заиживались; развѣ ужъ которая съ какимъ-нибудь недостаткомъ тѣлеснымъ, горбатая тамъ какая, да и тѣми не брезгали. Вотъ у моей у невѣстки, сударыня, шесть пальцевъ было на правой рукѣ, мать-то все ахала, что, говорить, не возьмутъ...

Анна Петровна.

Скажите!

Добротворскій.

Хорошій человѣкъ взять — и ничего. Такъ я и говорю, сударыня, что невѣстамъ-то веселѣй было, задумываться-то было не о чемъ

Марья Андреевна.

Да я совсѣмъ объ этомъ и не думаю.

Добротворскій.

Какъ, чай, не думать, барышня! не скажете только, а то какъ не думать! Конечно, дѣло дѣвичье: этаго не говорятъ, какъ будто отъ совѣсти; а то какъ не думать, всѣ думаютъ. Такъ-ли я, сударыня, говорю?

Анна Петровна.

Такъ, Платонъ Маркычъ, такъ, ужъ что толковать! Не хотите-ли еще чашечку?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Пожалуйте. Вотъ, матушка барышня, и ваша маменька то-же говоритъ. (*Говоритъ потихоньку съ Анной Петровной.*)

МИЛАШИНЪ.

Дуракъ!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

За что вы его браните?

МИЛАШИНЪ.

Онъ васъ совсѣмъ не понимаетъ! Онъ думаетъ, что вы такъ-же о женихахъ хлопчете, какъ невѣстка его, у которой было шесть пальцевъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

А пусть его думаетъ, что хочетъ; онъ очень добрыйи человекъ.

МИЛАШИНЪ.

Однако, что они тамъ шепчуть?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что-нибудь о своихъ дѣлахъ.

ДОБРОТВОРСКІЙ (*въ полголоса*).

Прекрасный, сударыня, человекъ, и молодой еще, очень молодой. Онъ секретарь.

АННА ПЕТРОВНА.

Что?

ДОБРОТВОРСКІЙ (*громче*).

Секретарь, говорю. Чинъ не большой — да мѣсто хорошее. Всего у него въ домѣ много, лошади свои.

АННА ПЕТРОВНА.

Что? не слышу.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Лошади свои.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что такое онъ говоритъ?

М П Л А Ш И Н Ъ .

Это что-то интересно.

А Н Н А П Е Т Р О В Н А .

Послушай-ка, Машенька, Платонъ Маркычъ какое намъ одолженіе дѣлаетъ: нашелъ человѣка, которыйи хочетъ взяться за наше дѣло. — Говорить, что очень хорошии молодой человѣкъ.

Д О Б Р О Т В О Р С К І Й .

Прекрасный, барышня, человѣкъ; а ужъ дѣлецъ какой — бѣда!

А Н Н А П Е Т Р О В Н А .

Никакъ я про васъ-то и забыла, Иванъ Иванычъ. (*Наливаетъ ему чай.*) А не пить онъ, Платонъ Маркычъ!

Д О Б Р О Т В О Р С К І Й .

Какъ, чай, не пить, да должно быть не много: кабы много пилъ, такъ бы слышно было.

А Н Н А П Е Т Р О В Н А .

Вотъ, Машенька, хорошо, кабы ты ему понравилась.

М А Р Ъ Я А Н Д Р Е Е В Н А .

Да вы, маменька, опять за свой разговоръ.

А Н Н А П Е Т Р О В Н А .

Ахъ, Боже мой! что-жъ такое за важность! Ты вѣдь его еще не видала, — посмотришь, можетъ быть, и самой понравится.

Д О Б Р О Т В О Р С К І Й .

Мы, сударыня, съ нимъ къ вамъ пріѣдемъ.

А Н Н А П Е Т Р О В Н А .

Ахъ, Платонъ Маркычъ, какъ я вамъ благодарна. Ужъ я право не знаю, какъ вамъ это и выразить. — Сами видите, наше дѣло женское, что мы знаемъ. Такъ только маешься.

Д О Б Р О Т В О Р С К І Й .

И, сударыня, что это вы говорите! Я вашему супругу покойному много обязанъ былъ.... По гробъ не забуду. — Благодаренъ мнѣ былъ,

дай ему Господи царство небесное, мѣсто покойное. Чѣмъ же мнѣ ему заплатить-то? Ну, старь сталь, не на все ума хватаетъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*встаетъ*).

Вы слышали, Ивацъ Ивацычъ?

МИЛАШИНЪ (*встаетъ*.)

Слышалъ. Это ужасно!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Вотъ это у насъ вѣчно такой разговоръ.

МИЛАШИНЪ.

Я не знаю. Я не могу придти въ себя. Одна мысль, что вы когда-нибудь будете принадлежать другому, убиваетъ меня. Я, кажется, этаго не перенесу.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Вы все о себѣ. Вы обо мнѣ-то подумайте хоть немножко.

МИЛАШИНЪ.

Что-же объ васъ-то! Вы посмотрите, можетъ быть, онъ вамъ понравится. Вы будете счастливы. — Что-жъ! я готовъ пожертвовать даже жизнью, чтобы вы были счастливы.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Это что такое! Полноте; перестаньте. Пойдемте въ садъ. (*Уходятъ*.)

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Такъ мы завтра приѣдемъ, сударыня. Объ дѣлѣ потолкуемъ, да онъ Марью Андревну посмотритъ. Можетъ, она ему и понравится. Вотъ два дѣла разомъ и сдѣлаемъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Хорошо-бы, Платонъ Маркычъ, очень хорошо. Тяжба-то эта у меня изъ головы нейдетъ, — ночи вѣдь не сплю. Ну, какъ домъ-то отнимутъ, куда я дѣнусь? Да и Машеньку-то ужъ пора выдавать, право пора.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Чего, матушка, ждуть! Самое время. Покорно благодарствуйте, сударыня! (*Перевертываетъ чашку.*) Прощенья просимъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Прощайте, Платонъ Маркычъ; такъ мы ждуть будемъ.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Хорошо-съ. (*Уходятъ.*)

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ III.

Сцена представляетъ небольшой, тѣнистый садъ; направо отъ зрителей скамейка, сзади которой большой кустъ. Хорьковъ сидитъ на скамейкѣ, повѣся голову.

ЯВЛЕНІЕ I.

ХОРЬКОВЪ.

Ушелъ, струсилъ! Какой я жалкій человѣкъ! Однако, что я дѣлаю наконецъ! за что-же я гублю себя? Вотъ ужъ три года, какъ я кончилъ курсъ; и въ эти три года я не сдѣлалъ ровно ничего для себя. Меня обдаетъ холодомъ, когда я вспомню, какъ я прожилъ эти три года! Лѣнь, праздность, грязная, холостая жизнь, — и никакихъ стремленій выйдти изъ этой жизни, ни капли самолюбія! Для себя я ни на что не рѣшусь, я это знаю. Въ ней мое единственное спасеніе, а я не смѣю сказать ей, что люблю ее. Нѣтъ, надобно кончить! Неужели она не сжадется надо мной? Для нея я бы сталъ работать, трудиться; она одна только способна привязать меня къ жизни. (*Садится.*) Боже мой, какъ я люблю эту дѣвушку! Какъ я люблю ее! (*Хорькова входитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

ХОРЬКОВЪ и ХОРЬКОВА.

ХОРЬКОВА (*садясь на скамейку*).

Какъ это тебѣ, Миша, не стыдно! Зачѣмъ ты ушелъ? Только-что я стала выражать Марьѣ Андревнѣ какъ ты ихъ любишь, и какъ ты объ нихъ относишься, ты сейчасъ и бѣжать.... Я необразованная женщина, да никогда не конфужусь, а ты всего конфузишься.

ХОРЬКОВЪ.

Ахъ, маменька! не говорите, сдѣлайте милость, обо мнѣ съ Марьей Андревной! я самъ поговорю. Вы и такъ про меня всегда Богъ знаетъ что рассказываете.

ХОРЬКОВА.

Да, дождешься тебя! Странно это, Миша, ты человѣкъ образованный....

ХОРЬКОВЪ.

Да, маменька, я образованъ: у меня сердце доброе; кромѣ этаго, я знаю, что со мной она будетъ счастлива, что только я одинъ могу оцѣнить ее, что она погибнетъ въ этомъ кругу жертвой разчета или невѣжества.... но я боюсь, что она мнѣ откажетъ.

ХОРЬКОВА.

Ахъ, Боже мой! свѣтъ-то не клиномъ сошелся—найдемъ другую.

ХОРЬКОВЪ.

Гдѣ я найду другую? Хорошо, что случай свелъ меня съ Марьей Андревной, я ее узналъ, полюбилъ.... Да повѣрьте же вы мнѣ, что я такъ люблю Марью Андревну, что никого не могу видѣть кромѣ ея.... Я и не думалъ, что такъ могу полюбить. Я измучился въ послѣднее время.... Вы видите, я плачу.... Я не могу жить безъ нея.

ХОРЬКОВА.

А коли любишь, такъ откройся—это всегда такъ дѣлають.

ХОРЬКОВЪ.

Я поговорю съ ней, непременно поговорю: надобно же чѣмъ-нибудь кончить.... А что, если она мнѣ откажетъ? Теперь, по крайней мѣрѣ, есть надежда, есть мечты, а тогда что?

ХОРЬКОВА.

Странно это, Миша: ты человѣкъ образованный, а что ты дѣлаешь, какъ погляжу я на тебя. Никакого ты знакомства не имѣешь, дѣломъ не занимаешься, валяешься дома въ халатѣ съ трубкой. Вотъ теперь влюбился, а сказать боишься. Ты посмотри, какъ другіе-то образованные люди живутъ: барышни за ними сами ухаживаютъ.... Вотъ, кажется, Марья Андревна сюда идетъ.

ХОРЬКОВЪ.

Маменька! Ради Бога не говорите ни слова!

ХОРЬКОВА.

Сдѣлай милость, не учи! я хоть женщина и необразованная, а умѣю себя вести. (*Марья Андреевна входитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢЖЕ И МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

ХОРЬКОВА (*встаетъ*).

Погулять вышли?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да, немножко освѣжиться. (*Къ Хорькову*). Вы что здѣсь дѣлаете?

ХОРЬКОВЪ.

Такъ-съ, мечтаю....

ХОРЬКОВА.

Онъ у меня все тоскуетъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Объ чемъ?

ХОРЬКОВА.

Влюбленъ, должно быть: я такъ замѣчаю по его словамъ.

ХОРЬКОВЪ.

Маменька!

ХОРЬКОВА.

Посмотрите, какъ страдаетъ: право, мнѣ на него даже тяжело смотрѣть.

ХОРЬКОВЪ.

Маменька! ахъ, Боже мой!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Право, мнѣ не вѣрится. Въ кого же влюбленъ Михайло Иванычъ?

ХОРЬКОВА.

Ужъ это извольте спросить сами. Миша! (*Дѣлаетъ ему знакъ и уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ IV.

ХОРЬКОВЪ И МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*сидясь подлѣ Хорькова*).

Что вы такіе скучные? Вы въ самомъ дѣлѣ влюблены?

ХОРЬКОВЪ.

Да, я не знаю, что со мной дѣлается.

МАТЬЯ АНДРЕЕВНА.

А я такъ плачу нынче цѣлое утро.

ХОРЬКОВЪ.

Объ чемъ же вы плачете?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Маменька все съ женихами пристасть. Какой-то купецъ старикъ, (а нынче еще чиновникъ пріѣдетъ. Какъ вамъ это покажется?

ХОРЬКОВЪ.

Это ужасно!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да и къ тому же, Михайло Иванычъ, — я съ вами буду говорить откровенно, потому что мы очень дружны съ вами. Не правда ли? (*Протягиваетъ ему руку.*)

ХОРЬКОВЪ (*беретъ ея руку*).

Говорите, говорите.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я сама влюблена немножко.

ХОРЬКОВЪ (*встаетъ быстро*).

Вы?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что вы такъ испугались? Не бойтесь, не въ васъ.

ХОРЬКОВЪ (*садится*).

Нѣтъ-съ. Я такъ, извините.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Какъ вы испугались! А вы думали, что въ васъ? Не бойтесь, не бойтесь: я не потревожу вашей солидности. (*Молчаніе.*) Вотъ какое мое положеніе, Михайло Ивановичъ. Что вы мнѣ посоветуете?

ХОРЬКОВЪ.

Я-съ? Я рѣшительно ничего.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я теперь не могу ни за кого идти.... недѣлю прежде, я бы пошла, если бы нашелся хорошій человѣкъ.

ХОРЬКОВЪ.

Неужели ни за кого?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Рѣшительно ни за кого.

ХОРЬКОВЪ.

А если бъ я за васъ посватался? (*Принужденно смѣется.*) Я шутя васъ спрашиваю.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

И за васъ бы не пошла. Я съ вами дружна, а любить васъ не могу.

ХОРЬКОВЪ (*съ возрастающимъ волненіемъ*).

А какъ бы я любилъ васъ! Какъ бы я старался угождать вамъ! Съ какой бы готовностью исполнялъ малѣйшее ваше желаніе! Съ какой бы благодарностью я принималъ каждую вашу ласку!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*взглянувъ на него*).

Вы шутите?... Впрочемъ, если бы вы посватались, мнѣ все-таки было бы не такъ тяжело: я вамъ могу откровенно сказать, что васъ не люблю, и вы не обидитесь, а другіе еще обижаются.

ХОРЬКОВЪ.

Да, да, конечно. (*Молчаніе.*)

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что, каковъ человѣкъ — Меричъ?

ХОРЬКОВЪ.

Меричъ?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да, Владиміръ Васильчъ.

ХОРЬКОВЪ.

Не знаю, Марья Андревна, что вамъ сказать; право, не знаю.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

То-есть, вы не хотите. Однако прощайте: мнѣ пора къ маменькѣ.
(Уходитъ.)

ХОРЬКОВЪ.

И я, дуракъ, мечталъ о счастіи!... Боже мой, Боже мой!... (Сидитъ,
закрывши лице руками; Милашинъ и Меричъ входятъ.)

ЯВЛЕНІЕ V.

ХОРЬКОВЪ, МИЛАШИНЪ И МЕРИЧЪ.

МЕРИЧЪ.

Что нынче здѣсь за праздникъ? Дарья такая нарядная; такъ разрядилась, что смотрѣть не хочетъ. Бѣгаетъ взадъ и впередъ съ крахмальными юбками.

МИЛАШИНЪ.

Гостей ждутъ.

МЕРИЧЪ.

Какихъ же это гостей?

МИЛАШИНЪ.

Пріѣдетъ какой-то чиновникъ по дѣлу Анны Петровны. Да его же, кажется, прочать въ женихи Марьѣ Андревнѣ. Это ужасно досадно!

МЕРИЧЪ.

Что же вы не женитесь на Марьѣ Андревнѣ?

МИЛАШИНЪ.

Я-съ? По самой простой причинѣ. Намъ будетъ жить нечѣмъ: у меня нѣтъ состоянія, у нея также.

МЕРИЧЪ.

А любовь? Съ милымъ рай и въ шалашѣ. Мнѣ кажется, что она васъ любитъ.

МИЛАШИНЪ.

Можетъ быть! да-съ, можетъ быть! Развѣ вы что-нибудь замѣтили?

МЕРИЧЪ.

Нѣтъ, я нарочно, Иванъ Ивановичъ: — она васъ не любитъ.

МИЛАШИНЪ.

Почему же вы такъ думаете?

МЕРИЧЪ.

Я не думаю, а навѣрное знаю. Она мнѣ сама сказывала.

МИЛАШИНЪ,

Это странно, что Марья Андревна такъ говоритъ. Это обидно даже. Мнѣ, конечно, все равно: любитъ ли она меня или нѣтъ, я на это никакого вниманія не обращаю. Я самъ къ ней совершенно равнодушень. Да зачѣмъ говорить? Этимъ она хочетъ показать, что я за ней ухаживаю. Нѣтъ, ужъ я предоставлю это другимъ.

МЕРИЧЪ.

И прекрасно! И я бы на вашемъ мѣстѣ тоже сдѣлалъ. Однако, это жалко, если она выйдетъ за-мужъ: она такая хорошенькая. Мнѣ всегда жаль, когда хорошенькія дѣвушки замужъ выходятъ. Вамъ не жаль?

МИЛАШИНЪ.

Нѣтъ, не жаль.

МЕРИЧЪ.

Софи Барашкова тоже недавно вышла замужъ. Вы ее не знали?

МИЛАШИНЪ.

Нѣтъ, не зналъ.

МЕРИЧЪ.

Мы были очень привязаны другъ къ другу. Вамъ я могу признаться, Иванъ Ивановичъ, вы, конечно, никому не скажете: она меня очень любила. Вотъ, посмотрите, какое она мнѣ письмо написала передъ свадьбой. (*Вынимаетъ.*) Хотите прочесть?

М и л а ш и н ъ.

Зачѣмъ же я буду читать чужія письма?

М е р и ч ъ.

Какъ хотите! (*Прячетъ опять.*) Я надѣюсь, что вы никому не скажете. Марья Андревна, вѣроятно, въ комнатахъ, — я пойду къ ней. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

М и л а ш и н ъ и Х о р ь к о в ъ.

Х о р ь к о в ъ.

Иванъ Ивановичъ!

М и л а ш и н ъ.

А, вы здѣсь! Я васъ и не замѣтилъ.

Х о р ь к о в ъ.

Что, этотъ Меричъ часто здѣсь бываетъ?

М и л а ш и н ъ.

Прежде рѣдко бывалъ, а теперь опять сталъ каждый день ходить.

Х о р ь к о в ъ.

Это дурно.

М и л а ш и н ъ.

Да вы представьте мое-то положеніе: каждый день ходить, чортъ знаетъ за чѣмъ!

Х о р ь к о в ъ.

Да вамъ-то что жъ?

М и л а ш и н ъ.

Нѣтъ, какъ хотите, Михайло Ивановичъ, это мнѣ ужасно непріятно.

Х о р ь к о в ъ.

Тутъ не объ васъ толкъ. Онъ можетъ имѣть очень дурное вліяніе на Марью Андревну. Я его давно знаю. Онъ еще мальчишкой былъ, самъ къ себѣ письма писывалъ, да хвастался товарищамъ въ пансіонѣ, что отъ барышень получаетъ. Если вы имѣете вліяніе на Марью Андревну, такъ вы ее предостерегите; мнѣ будетъ очень жаль, если она повѣритъ этому пустому человѣку.

М и л а ш и н ъ.

Хорошо, Михайло Ивановичъ. Покорно васъ благодарю, что вы мнѣ открыли глаза на счетъ этаго человѣка. Я ей непременно скажу.

Х о р ь к о в ъ.

Да повѣритъ ли она вамъ?

М и л а ш и н ъ.

Повѣритъ, непременно повѣритъ: она меня очень любитъ.

Х о р ь к о в ъ.

Едва ли, Иванъ Ивановичъ! Мнѣ кажется, что она васъ совсѣмъ не любитъ.

М и л а ш и н ъ.

Отчего вы такъ думаете? Развѣ я хуже другихъ? Нѣтъ, ужъ извините! Вы меня не знаете: меня тоже женщины очень любятъ.

Х о р ь к о в ъ.

Ну, положимъ, что такъ. Только надо сдѣлать поумиѣе, чтобы Марья Андревна не подумала, что мы изъ ревности хлопочемъ. Эхъ, не хочется мнѣ съ нимъ связываться-то только, а то бы я его съ-разу выгналъ отсюда.

М и л а ш и н ъ.

Хотите, я это сдѣлаю? Я буду въ глаза смѣяться надъ нимъ.

Х о р ь к о в ъ.

Изъ этаго ничего не выйдетъ; Марья Андревна на васъ разсердится и только. А впрочемъ, что намъ за дѣло, пусть ихъ какъ хотятъ! (*Молчаніе.*) Чудакъ этотъ Меричъ! Мнѣ случайно попалась тетрадка изъ его дневника, да нѣсколько писемъ, которыя онъ писалъ нашей сосѣдкѣ, а та отдавала мужу, — ужъ чего тамъ нѣтъ!

М и л а ш и н ъ.

Одолжите мнѣ этихъ писемъ на время.

Х о р ь к о в ъ.

На что онѣ вамъ? Пожалуй, возьмите.

М и л а ш и н ъ.

Покорно васъ благодарю! (*Беретъ его за руку.*) Вы меня очень обязали.

Хорьковъ.

Да за что вы меня благодарите: я стараюсь объ Марьѣ Андревнѣ, а не объ васъ; потому что очень люблю ее и принимаю въ ней большое участіе.

Милашинъ.

И я люблю....

Хорьковъ.

Я вѣрю. Меричъ можетъ очень много вреда сдѣлать Марьѣ Андревнѣ. Онъ человѣкъ совершенно безъ правилъ.

Милашинъ.

Да и мнѣ ужасно надоѣлъ: старается очернить меня въ глазахъ Марьи Андревны, мѣшаетъ мнѣ.

Хорьковъ.

Пойдемте домой, Иванъ Ивановичъ; намъ, кажется, нечего здѣсь дѣлать.

Милашинъ.

Нѣтъ, мнѣ нельзя уйдти; мнѣ надобно здѣсь остаться. Марья Андревна, пожалуй, разсердится, что я ушелъ.

Хорьковъ.

Не безпокойтесь, не разсердится; ей теперь не до васъ: нынче Анна Петровна ждетъ какого-то чиновника, котораго она хочетъ просить о своемъ дѣлѣ. Что вы будете здѣсь дѣлать?

Милашинъ.

Пожалуй, пойдемте. (*Уходятъ. Съ другой стороны выходятъ Меричъ и Марья Андреевна.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Марья Андреевна и Меричъ.

Меричъ.

Прощайте, Марья Андревна.

Марья Андреевна

Куда вы? Мнѣ будетъ скучно одной; посидимте здѣсь немножко. (*Садятся.*)

МЕРИЧЪ.

Я слышалъ отъ Милашина, Марья Андревна, что вамъ сватаютъ какого-то жениха.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да, Владиміръ Васильичъ, поминутно сватаютъ то одного, то другого.

МЕРИЧЪ.

И вы пойдете?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Не знаю; но что-же мнѣ дѣлать? Надо-же выйдти замужъ.

МЕРИЧЪ.

Ну, я съ своей стороны не вижу никакой необходимости; развѣ васъ что-нибудь заставляетъ?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Много причинъ. Вы не знаете нашихъ обстоятельствъ.

МЕРИЧЪ.

Но, Боже мой, неужели это такъ необходимо?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Маменька говоритъ, что необходимо.

МЕРИЧЪ.

Это ужасно! Пожертвовать собой! Что вы дѣлаете, Марья Андревна! Вы созданы для того, чтобы любить и быть любимой. Красотой должны любоваться всѣ. Вы не имѣете даже права отнять у насъ это наслажденіе и на всю жизнь отдаться одному человѣку.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Вы все шутите!

МЕРИЧЪ.

Нѣтъ, не шучу. Вы разсудите, Марья Андревна, что это за жизнь! Одна минута истинной любви дороже такой жизни.... Ну, въ дѣлѣ сердца, я бы не послушался маменьки. Для маменьки вы хотите губить свое счастье и счастье другихъ. Какой еще вы ребенокъ!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да, еслибъ это счастье было возможно для меня! А то мнѣ нечего жалѣть, нечего ждать! Меня никто не любитъ, я тоже никого не люблю.

МЕРИЧЪ.

Вы никого не любите?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Никого.

МЕРИЧЪ.

И васъ никто не любитъ?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Мнѣ кажется.

МЕРИЧЪ.

Въ такомъ случаѣ, другое дѣло. — Но все-таки страшно пожертвовать собой разсчетами другихъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что-жъ дѣлать-то! Я буду выбирать такого человѣка, который, имѣя состояніе, удовлетворялъ бы нѣсколько и моимъ требованіямъ.

МЕРИЧЪ.

Откуда въ васъ такая положительность, такія практическія правила?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Нужда научить.

МЕРИЧЪ.

Если вы рѣшились, я не хочу поколебать вашей рѣшимости; она дѣлаетъ вамъ честь. Но что, еслибъ вы полюбили кого-нибудь, еслибъ вамъ случилось встрѣтить человѣка, который васъ любитъ пламенно, со всѣмъ пыломъ юношеской страсти?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я не знаю, Владиміръ Васильичъ, но едва-ли это случится когда-нибудь.

МЕРИЧЪ (*меланхолическимъ тономъ*).

Теперь, когда ужъ дѣло кончено, когда вы соглашаетесь пожертвовать собой для вашей маменьки, что, разумѣется, очень похвально,

я могу вамъ сказать, что я васъ любилъ, Марья Андревна, любилъ страстно; я васъ до сихъ поръ люблю такъ, какъ никто васъ любить не будетъ!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Вы меня не обманываете, Владиміръ Васильчъ?

МЕРИЧЪ.

О нѣтъ, нѣтъ....

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Вы меня не обманываете?

МЕРИЧЪ.

Всѣ клятвы, какія я знаю....

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Не нужно, не нужно... Ахъ, Владиміръ Васильчъ! Не обманывайте меня, ради Бога! Вамъ такъ легко меня обмануть, — я сама васъ... люблю....

МЕРИЧЪ.

Ангель мой! я не вѣрю своему счастью.. Зачѣмъ же слезы! Марья Андревна! Машенька! Мери! (*Цѣлуетъ руку.*) Ну, взгляни на меня. Ты хороша! Ахъ, какъ ты хороша въ эту минуту! Я бы желалъ, чтобы теперь весь свѣтъ тебя видѣлъ съ этими слезами на глазахъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я, кажется, дурно сдѣлала, что призналась вамъ.

МЕРИЧЪ.

Отчего-же дурно? Тебѣ совѣстно, что у тебя есть сердце, что ты выше всѣхъ этихъ безчувственныхъ куколъ, которыя хвастаются тѣмъ, что не любили никогда. Я могу оцѣнить твою любовь.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я надѣюсь. (*Припадаетъ къ нему.*) Ахъ, не смотри на меня, я, право, такая глупая; я думала, что у меня достанетъ твердости скрыть мою любовь.

МЕРИЧЪ.

Да зачѣмъ-же скрывать ее?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да, теперь ужь конечно не-зачѣмъ. Напротивъ, теперь я хотѣла бы тебѣ вдругь открыть свою душу, чтобы ты зналъ, какъ много я люблю тебя.

МЕРИЧЪ.

Зачѣмъ? ты и такъ для меня дороже всего на свѣтѣ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Нѣтъ, Владиміръ, нѣтъ ты такъ меня не любишь, какъ я тебя люблю. Ты для меня все теперь, все, все! Ты вѣришь моимъ словамъ?

МЕРИЧЪ.

А ты моимъ вѣришь?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Не знаю: и хочется вѣрить, и боюсь.... Съ твоей стороны будетъ безжалостно обмануть меня.

МЕРИЧЪ.

Къ чему эти черныя мысли! Посмотри, вся природа намъ улыбается. (*Сидятъ нѣсколько времени молча.*)

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ахъ, Боже мой, я и забыла: нынче къ намъ хотѣлъ пріѣхать чиновникъ какой-то. Маменька тамъ хлопочетъ, велѣла мнѣ одѣваться хорошенько.

МЕРИЧЪ.

Ужъ не женихъ-ли-какой-нибудь?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Не знаю. Ты, впрочемъ не безпокойся. Я скажу маменькѣ, что не нравится.... Ужъ какъ-нибудь сдѣлаю.

МЕРИЧЪ.

И скоро будетъ?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я думаю, скоро.

МЕРИЧЪ.

Такъ я пойду, прощай. (*Встаютъ со скамейки.*)

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Прощай. Когда-же ты придешь? Приходи завтра поутру, — маменьки не будетъ дома.

МЕРИЧЪ (*цѣлуетъ ее*).

Приду, приду. Прощай! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*одна, прислонившись къ дереву*).

Онъ ушелъ! Хорошо ли я сдѣлала? Мнѣ и стыдно и весело. Что, если это только шалость съ его стороны? Боже мой, какъ мнѣ совѣстно за себя! (*Молчаніе.*) А если онъ любитъ въ самомъ дѣлѣ? Онъ всегда такой скучный, печальный. Онъ говоритъ, что до сихъ поръ постоянно обманывался въ женщинахъ. Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось знать, любитъ ли онъ меня... а я его очень люблю. Чего я для него не сдѣлаю!... все, все, все!... (*Стоитъ, закрывши лицо платкомъ; входитъ Дарья.*)

ЯВЛЕНІЕ IX.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА И ДАРЬЯ.

ДАРЬЯ.

О, чтобъ васъ! Сбилась съ ногъ нынче день-то деньской.... Барышня, а барышня! гдѣ вы тутъ?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

А! что?

ДАРЬЯ.

Ищу, матушка, засовалась совѣмъ, какъ угорѣлая кошка. Кто-то пріѣхалъ, маменька васъ спрашиваетъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Пріѣхалъ! Ахъ, Боже мой!

ДАРЬЯ.

Пойдемте, я вамъ головку причешу, да и платьеце-то бы другое надѣли.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Пойдемъ, пойдемъ. (*Уходятъ.*)

СЦЕНА II.

(Комната первого дѣйствія.)

ЯВЛЕНІЕ X.

Добротворскіи и Беневоленскіи *(входятъ)*.

Добротворскіи.

Пожалуйте, Максимъ Дорофенчъ, пожалуйста. Признаться сказать, васъ не ждали такъ рано. Поторопились, батюшка, рапенько пожаловали. Ну, извѣстно, женское дѣло. Повремените маленчко.

Беневоленскіи.

Ты говорилъ, что здѣсь есть барышня хорошенькая. — Ты смотри — я вѣдь разборчивъ.

Добротворскіи.

Нѣтъ, какъ-же можно, помилуйте, Максимъ Дорофенчъ. Такая барышня, что генералу взять не совѣстно. Я еще съ напенькой ихнимъ былъ знакомъ....

Беневоленскіи.

А хорошо-ли она образована?

Добротворскіи.

Отлично образована.

Беневоленскіи.

То-то-же. Ты вѣдь знаешь меня, Платонъ Маркычъ, у меня и состояніе есть, и мѣсто, ну, и знакомство. Миѣ такую невѣсту пужно, чтобы не стыдно было въ люди показать: ну, чтобы и хозяйка въ домѣ была, знаешь, въ этакое чепчикѣ, по нынѣшнему, чтобы принять кого-нибудь... Ну, чтобы и тонъ этакой свѣтской. Понялъ ты меня?

Добротворскіи.

Какъ не понять! Ужъ конечно, что вамъ за крайность на дурной жениться; сами-то вы ишь какой молодець! Ахъ, батюшка, голубчикъ! *(Треплетъ его по спинѣ и потомъ кланяется.)*

Беневоленскіи.

Ну, то-то-же. Что, маишка у меня тутъ вотъ сзади не выѣилась?

ДОБРОТВОРСКИМЪ.

Нѣтъ-съ, ничего, — въ несправности. Причесаться вамъ развѣ не угодно-ли — вотъ гребеночка.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ (*беретъ и причесывается передъ зеркаломъ*).

Ну такъ какъ-же, братецъ, ты говоришь, хороша барышня-то?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

А вотъ увидите, Максимъ Дорофенчъ. Что прежде времени говорить, сами посмотрите.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Посмотримъ, братецъ, посмотримъ. А отдадутъ за меня, коли мнѣ понравится?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Какъ, чай, не отдать. Да вѣдь что-жъ такое: попытка нешутка, а спросъ не бѣда.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Хорошо, братецъ, хорошо. (*Садится.*) Платонъ Маркычъ! Ты не видалъ у меня дрожки?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Нѣтъ, не видалъ-съ.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

А вороную, что на пристяжкѣ ходитъ, не видалъ? Вотъ посмотри! (*Показываетъ въ окно.*) Что, хороша?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Ахъ, проказникъ вы, проказникъ, Максимъ Дорофенчъ. Да вѣдь, чай, некупленная?

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Разумѣется.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Ну, такъ даровому коню въ зубы не смотрять. (*Молчаніе.*)

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Послушай, Платонъ Маркычъ, найди мнѣ гдѣ-нибудь органчикъ небольшой.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Извольте, батюшка! На что вамъ?

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Канареекъ учить.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Хорошо, пощу.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Пощи. (*Вынимаетъ табакерку, нюхаетъ.*) Хочешь?

ДОБРОТВОРСКІЙ (*нюхаетъ, потомъ беретъ табакерку и взвѣшиваетъ то на одной, то на другой рукѣ*).

Вещичка-то хорошая! Гдѣ изволили пріобрѣсть?

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Такъ, нечаянно хорошій человѣкъ набѣжалъ. Да не помнишь-ли ты, было у насъ дѣло купца Пересемкина съ малолѣтними наслѣдниками купеческой племянницы Акулины Незамайкиной, доходило до Правительствующаго Сената, и возвращено для справокъ... (*Анна Петровна входитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ-ЖЕ И АННА ПЕТРОВНА.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Честь имѣю представиться. Коллежскій секретарь Беневоленскій.

АННА ПЕТРОВНА.

Очень пріятно познакомиться. Милости просимъ садиться. Служить изволите-съ?

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Какъ-же, служу-съ съ 838 года. Я вамъ скажу, — я очень доволенъ своимъ мѣстомъ и своимъ начальствомъ. Къ службѣ я человѣкъ усердный, съ подчиненными строгъ.

А Н Н А П Е Т Р О В Н А .

И родство имѣете здѣсь въ Москвѣ?

Б Е Ц Е В О Л Е Н С К І Й .

Нѣтъ, совершенно никого-съ.

А Н Н А П Е Т Р О В Н А .

Я думаю вамъ (*къ Добротворскому*).... Какъ, бишь, Платонъ Маркычъ, я все забываю?

Д О Б Р О Т В О Р С К І Й .

Максимъ Дорофеичъ.

А Н Н А П Е Т Р О В Н А .

Памяти нѣтъ совсѣмъ, Максимъ Дорофеичъ! Вотъ что ты будешь дѣлать, право. Я думаю, вамъ, Максимъ Дорофеичъ, скучно. Я вотъ по себѣ сужу, дѣло женское, сами знаете.... Еще при покойникѣ-то было туда-сюда: ну знакомство все этакое, а теперь просто не знаю, что дѣлать.

Б Е Ц Е В О Л Е Н С К І Й .

Я съ вами, сударыня согласенъ.

А Н Н А П Е Т Р О В Н А .

Вотъ процессъ теперь. Какъ это безъ мущины; пожалуй проиграешь.

Б Е Ц Е В О Л Е Н С К І Й .

А позвольте узнать, въ чемъ состоитъ ваше дѣло?

А Н Н А П Е Т Р О В Н А .

Я ужъ и не запомню всего-то, еще пожалуй перевру, а вотъ ужъ вамъ Платонъ Маркычъ расскажетъ.

Д О Б Р О Т В О Р С К І Й .

Вникните, батюшка, Максимъ Дорофеичъ, вникните!

Б Е Ц Е В О Л Е Н С К І Й .

Хорошо, я посмотрю. Если можно что-нибудь, сударыня, сдѣлать, такъ сдѣлаемъ; а если нельзя, такъ не взыщите — наше дѣло такое. Конечно, кто Богу не грѣшенъ, Царю не виноватъ; но я вамъ доложу, нынче на счетъ этаго очень строго.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Точно, матушка, строго. Это они правду говорят. Строгости пошли. Это такъ точно.

АННА ПЕТРОВНА.

Скажите, пожалуйста!

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Нынче ужъ держи ухо востро. Я вамъ про себя скажу: въ постоянномъ страхѣ находишься. Нельзя, чтобы грѣшковъ не было; того гляди подь судъ отдадутъ, выгонятъ изъ службы, куда дѣнешься? Ну, хорошо, я холостой человѣкъ, а другой женатый.....

АННА ПЕТРОВНА.

А вы не намѣрены обзавестись семействомъ?

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Это вопросъ, сударыня, очень важный въ жизни, особенно въ моей. Я имѣю состояніе, всего у меня много, своихъ лошадей держу. Кабы посмотрѣли, какую я квартиру занимаю; вонъ Платонъ Маркычъ видѣлъ. Ты видѣлъ, Платонъ Маркычъ, квартиру?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Какъ-же, видѣлъ-съ: квартира отличная.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Слѣдовательно, чего-же я долженъ искать, я васъ спрашиваю?

АННА ПЕТРОВНА.

Подругу жизни, Максимъ Дорофеевичъ, я такъ думаю.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Я съ вами согласенъ, сударыня. Но, сколько мнѣ извѣстно, всякая жена есть подруга жизни. Я долженъ преимущественно искать хозяйку. Мое дѣло пріобрѣтать всѣми силами, а ея дѣло хозяйничать. У меня порядку нѣтъ въ домѣ; вѣдь пожалуй и растащатъ у холостаго человѣка. Все можетъ случиться.

АННА ПЕТРОВНА.

Что мудренаго, Максимъ Дорофеевичъ.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Мудрено-ли, долго-ли до грѣха. Это точно.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Я желалъ-бы, чтобъ недурна была собой и образована, чтобы не стыдно было въ люди показаться, выѣхать куда нибудь. Хотя у насъ знакомство и неважное, все больше мелкіе чиновники; но все-таки, знаете-ли, я вамъ скажу откровенно, пріятно имѣть красивую и образованную жену. А главное — мнѣ нужно хозяйку.

АННА ПЕТРОВНА.

Вы справедливо разсуждаете, Максимъ Дорофеевъ: но, можетъ быть, вы захотите также большаго приданаго?

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Я? Нѣтъ-съ, я не того ищу. Дѣвушку съ состояніемъ за меня не отдадутъ, по незначительности моего происхожденія и даже самаго положенія въ свѣтѣ. А есть невѣсты благородныя и образованныя, но бѣдныя, — и для нихъ-то, я вамъ безъ гордости скажу, такой женихъ, какъ я — находка.

АННА ПЕТРОВНА.

Я съ вами согласна, Максимъ Дорофеевъ.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Разумѣется, я красотой не могу похвалиться; образованіе я тоже получилъ, сказать вамъ по простонародному выраженію, на мѣдныя деньги: но я видѣлъ людей, не конфужусь въ обществѣ, и могу сказать, что очень развязенъ даже съ дамами. Теперь я васъ спрошу, что такое красота въ мужчинѣ? — послѣднее дѣло.

АННА ПЕТРОВНА.

Это одна глупость, Максимъ Дорофеевъ.... такъ; фантазіи.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Умная дѣвушка не обратитъ вниманія на красоту; для нея довольно, чтобы мужчина былъ уменъ, ну тамъ.... одѣтъ порядочно....

АННА ПЕТРОВНА.

Не пьющій...

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Конечно.... А знаете-ли вы, сударыня, я вамъ осмѣлюсь сказать, что въ мужчинѣ даже и это ничего. Какъ ты думаешь, Платонъ Маркычъ, объ этомъ?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Ничего, сударыня, Анна Петровна; мужчинѣ это не мѣшаетъ. Былъ-бы добрый человѣкъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Ну какъ-же, Платонъ Маркычъ? Развѣ ужъ изрѣдка, а то какъ-же?

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Въ женщинѣ это порокъ, я съ вами согласенъ; а для мужчины даже составляетъ иногда необходимую потребность. Особенно, если дѣловой человѣкъ: долженъ же онъ имѣть какое нибудь развлеченіе. Разумѣется, я самъ первый осуждаю тѣхъ, которые имѣютъ къ этому большое пристрастіе. (*Молчаніе.*) Такъ вотъ, сударыня, я какое мнѣніе имѣю на счетъ женитьбы. Впрочемъ, мнѣ еще торопиться некуда, я могу выбрать невѣсту совершенно по моему желанію.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Куда вамъ торопиться, что вамъ за крайность. (*Входитъ Марья Андреевна.*)

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТѢ-ЖЕ И МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

АННА ПЕТРОВНА.

Дочь моя, Машенька! Максимъ Дорофеичъ Беневоленской!

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Очень пріятно познакомиться. (*Подходитъ къ рукъ, потомъ садится рядомъ очень развязно.*) Вы, я слышалъ, очень любите музыку?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА!

Иногда, отъ скуки, играю.

АННА ПЕТРОВНА.

Неправда, неправда: все сидитъ за фортепьянами, никакъ не отгонишь. Что бишь ты, Маша, играешь-то такъ часто, я все позабываю?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Право, не знаю — я много играю.

АННА ПЕТРОВНА.

НѢТЬ. вотъ это, что ты еще нынче играла?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Изъ Роберта-Дьявола — Grace.

АННА ПЕТРОВНА.

Да, да. (*Тихо.*) Будь поразвязнѣе.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Вообразите, я никогда не видалъ этой оперы; говорятъ, очень хорошая музыка. Какъ-то разъ собрались компаніей, да и то не попали.

АННА ПЕТРОВНА.

Какъ-же это?

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Очень просто. Мы, прямо изъ присутствія, зашли обѣдать въ трактиръ, чтобы оттуда отправиться въ театръ. Ну, люди молодые, про театръ-то и позабыли; такъ и просидѣли въ трактирѣ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*тихо*).

Это ужасно!

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Я самъ тоже люблю музыку; но, къ несчастію, я не играю ни на одномъ инструментѣ, да дѣловому человѣку это и не нужно. Игралъ прежде на гитарѣ, да и то бросилъ — некогда, совершенно некогда.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*про себя*).

О Господи!

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Вы, можетъ быть, занимаетесь литературой? Барышни обыкновенно романы читаютъ; еще въ пенсіонахъ начинаютъ читать потихоньку отъ надзирательницы.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да, я читаю кой-что. А вы?

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Я совершенно отсталъ; прежде читалъ, а теперь, знаете-ли, дѣла, такъ рѣшительно ничего не читаю.

АННА ПЕТРОВНА.

Что это ты, Машенька! Когда читать Максиму Дорофенчу: у него и безъ того дѣла много, безъ этихъ глупостей.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Что-же нынче пишутъ, скажите?

АННА ПЕТРОВНА.

Богъ знаетъ, что пишутъ, чего никогда не бываетъ — одни фантазіи.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Именно, сударыня, фантазіи. Такъ, мечта.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Вѣроятно, больше все про любовь пишутъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Какая любовь! Все глупости, никогда этаго не бываетъ. Чайку, Максимъ Дорофенчъ, не угодно-ли?

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Нѣтъ-съ, покорно благодарю — я до него совсѣмъ не охотникъ.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Что, сударыня, за чай; не такіе мы гости, чтобъ чай пить. ▲ вы велите-ка закусочку подать, такъ мы съ Максимомъ Дорофенчемъ, по рюмочкѣ бы выпили.

АННА ПЕТРОВНА.

Сей-часъ, батюшка, сей-часъ. Извините меня, я васъ оставляю на минуточку. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТѢ-ЖЕ, БЕЗЪ АННЫ ПЕТРОВНЫ.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Это ты не душно выдумалъ, Платонъ Маркычъ. (*Вынимаетъ часы. Къ Марьѣ Андреевнѣ.*) Я обыкновенно въ это время водку пью, такую ужъ привычку сдѣлалъ.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Хе, хе, хе! А то что за чай! Что мы дѣти что-ль маленькія!

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Ваша маменька объ любви разсуждаетъ, какъ старійи челоѡкъ; я имъ не хотѣлъ противорѣчить, потому что понимаю уваженіе къ старшимъ. А я совсѣмъ противнаго мнѣнія объ любви; я самъ имѣю сердце нѣжное, способное къ любви; только у насъ дѣлъ очень много: вы не повѣрите, намъ подумать объ этомъ некогда. (*Смотритъ на нее нѣжно.*) Какія вы конфекты любите?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я никакихъ не люблю.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Не можетъ быть, вы меня обманываете. Вы хотите, чтобъ я угадалъ вашъ вкусъ. Позвольте мнѣ привезти вамъ въ слѣдующій разъ. Платонъ Маркычъ, какія Марья Андреевна конфекты любятъ, онѣ не сказываютъ?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Не знаю-съ; надо у маменьки спросить.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

А вотъ мы спросимъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Пожалуйста не беспокойтесь; я не хочу никакихъ конфектъ.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Ну, ужъ какъ вамъ угодно, а я все-таки привезу.—Позвольте васъ попросить сыграть что-нибудь.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я, право, ничего не играю.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Сдѣлайте одолженіе, я стану на колѣняхъ просить васъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ахъ цѣтъ, зачѣмъ-же! Извольте. (*Садится къ фортепьянамъ, беретъ нѣсколько аккордовъ и начинаетъ играть. Входитъ Анна Петровна, за ней Дарья вноситъ закуску, ставитъ на столъ и уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ XIV.

ТЪ-ЖЕ И АННА ПЕТРОВНА.

А Н Н А П Е Т Р О В Н А .

Не угодно-ли, Максимъ Дорофенчъ; пожалуйста, безъ церемоніи.

Б Е Н Е В О Л Е Н С К І Й .

Не беспокойтесь.

Д О Б Р О Т В О Р С К І Й .

Съ васъ начинать. *(Наливаетъ.)* Пожалуйста.

Б Е Н Е В О Л Е Н С К І Й .

(Пьетъ, потомъ закусываетъ, и, еще не прожевавши, подходитъ къ фортепянамъ и начинаетъ подпывать. Марья Андреевна оборачивается и взглядываетъ на него вопросительно.)
Не въ тонъ взялъ... Сдѣлайте милость, продолжайте.

А Н Н А П Е Т Р О В Н А .

Играй, Машенька.

Д О Б Р О Т В О Р С К І Й .

Марья Андреевна отменно играютъ.

Б Е Н Е В О Л Е Н С К І Й .

Очень проворно. У меня былъ товарищъ, онъ былъ регентомъ въ пѣвчихъ, такъ онъ на фортепянахъ все, что вамъ угодно, самоучкой игралъ, по слуху; только проворства въ пальцахъ нѣтъ; ну вотъ, что вы хотите, нѣтъ проворства.

Д О Б Р О Т В О Р С К І Й .

Не повторить-ли, Максимъ Дорофенчъ? Какъ это говорится-то: ренетиція....

Б Е Н Е В О Л Е Н С К І Й .

Est mater studiorum. Да, это правда. Налей.

Д О Б Р О Т В О Р С К І Й *(наливаетъ)*.

Пожалуйте—готово-съ.

Б Е Н Е В О Л Е Н С К І Й *(пьетъ и закусываетъ)*.

Прекрасный балыкъ.

А Н Н А П Е Т Р О В Н А .

Ужъ не знаю, Максимъ Дорофеичъ, коли не обманулъ купецъ, такъ хорошъ. Вездѣ все сама. Дѣло женское, сами знаете, долго-ли обмануть? Безъ мужчины въ этомъ дѣлѣ никакъ нельзя. Какъ это безъ мужчины, посудите сами!

Д О Б Р О Т В О Р С К І Й (*отводитъ къ сторонѣ Беневоленскаго и говоритъ тихо*).

Ну, батюшка, Максимъ Дорофеичъ, какъ вамъ наша барышня показалась?

Б Е Н Е В О Л Е Н С К І Й .

Послушай ты, Платонъ Маркычъ, довольно съ тебя этаго: я влюбленъ. Я дѣловой человѣкъ, ты меня знаешь, я пустяками заниматься не охотникъ; но я тебѣ говорю: я влюбленъ. Кажется, этаго довольно. (*Подходитъ къ Марьѣ Андреевнѣ и опять подпльваетъ.*)

А Н Н А П Е Т Р О В Н А (*Добротворскому*).

Что онъ вамъ говорилъ?

Д О Б Р О Т В О Р С К І Й .

Говорить: влюбленъ.

А Н Н А П Е Т Р О В Н А .

Что?

Д О Б Р О Т В О Р С К І Й .

Влюбленъ, говоритъ.

А Н Н А П Е Т Р О В Н А .

Ну и слава Богу. Подчуйте его, отецъ мой, хорошенько.

Д О Б Р О Т В О Р С К І Й .

Хорошо, сударыня, хорошо. Максимъ Дорофеичъ, вища не угодно-ли?

Б Е Н Е В О Л Е Н С К І Й .

Налей.

М А Р Ъ Я А Н Д Р Е Е В Н А (*перестаетъ играть и остается на стулѣ*).

Я устала.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Чувствительно вамъ благодаренъ. Вы прекрасно играете, главное—нигдѣ не сбиваетесь; а то барышни обыкновенно сбиваются. (*Смотритъ на часы.*) Извините меня, Анна Петровна, мнѣ пора, у меня дѣла много, я вѣдь человѣкъ дѣловой. Позвольте мнѣ выпить рюмку вина и проститься съ вами. (*Подходитъ къ столу и пьетъ.*) Ты со мной, что-ли, Платонъ Маркычъ?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Съ вами, Максимъ Дорофенчъ.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Ну поѣдемъ, я тебя довезу.

АННА ПЕТРОВНА.

Да вы бы, Максимъ Дорофенчъ, закусили чего-нибудь.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Нѣтъ-съ, покорно благодарю. Я выпью еще рюмку вина, и имѣю честь откланяться. (*Пьетъ и раскланивается, подходитъ къ Марьѣ Андреевнѣ и цѣлуетъ руку.*) До пріятнаго свиданія! Вы мнѣ, вѣроятно, позвольте еще разъ посѣтить васъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Сдѣлайте милость, мы очень будемъ рады.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

А ужъ конфетъ привезу, непременно привезу.
(*Уходитъ съ Добротворскимъ.*)

АННА ПЕТРОВНА.

Какой человѣкъ-то, Машенька, чудо просто!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Господи! Что это за мука! (*Убегаетъ.*)

АННА ПЕТРОВНА.

Машенька! Машенька! куда ты? постой! Ну вотъ, теперь поди разговаривай съ ней. Эко наказаніе!

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ III.

Комната 1-го дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ I.

Анна Петровна *входитъ въ салонъ, съ большимъ ридикюлемъ; за ней Марья Андреевна.*

Анна Петровна (*садится на стулъ подлѣ двери*).

Не забыть бы чего! Сначала въ городъ.... ты все записала, что купить-то надо?

Марья Андреевна.

Все, маменька.

Анна Петровна.

Гдѣ, бишь, записочка-то? постои! да, въ ридикюль. Такъ сначала въ городъ; потомъ въ судъ зайти, объ дѣлѣ справиться. Еще чего не надо ли?

Марья Андреевна.

Нѣтъ, ничего. Ступайте, маменька, скорѣй, а то опоздаете.

Анна Петровна.

Прощай, Богъ съ тобой! (*Идетъ, потомъ возвращается*). Скажи Дарьѣ, чтобы безъ меня никого не принимать, особенно изъ молодежи: ты теперь невѣста, за тебя женихи сватаются. Что хорошаго, еще какой-нибудь разговоръ поидеть.

Марья Андреевна.

Хорошо, маменька, хорошо. Ступайте скорѣй.

Анна Петровна.

Ну, прощай! Я скоро буду. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ II.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА *(одна)*.

Наслу-то ушла. А ужъ я боялась, что Владиміръ придетъ при ней... Знаеть ли Владиміръ, съ какимъ нетерпѣніемъ я жду его?... *(Садится къ столу.)* Я только теперь узнала, какое блаженство любить и быть любимой!... Что же это онъ неидеть?... Я измучаюсь отъ нетерпѣнія... Однако, хорошо ли я сдѣлала, что велѣла ему сегодня придти?... Мы будемъ одни.... *(Молчаніе.)* Если бъ можно было знать будущее, какъ бы я желала узнать, чѣмъ кончится наша любовь. А впрочемъ, что мнѣ за дѣло, чѣмъ это кончится — мнѣ теперь хорошо: я люблю его, онъ меня любитъ, а тамъ будь что будетъ. Кто-то идетъ! Не онъ ли? *(Бѣжитъ къ двери. Милашинъ входитъ.)*

ЯВЛЕНИЕ III.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА И МИЛАШИНЪ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Вы зачѣмъ?

МИЛАШИНЪ.

Какъ зачѣмъ? Я къ вамъ пришелъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Маменьки нѣтъ дома; она не велѣла никого принимать безъ себя.

МИЛАШИНЪ.

Полноте шутить-то!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я совсѣмъ не шучу! Право, маменька не велѣла никого пускать.

МИЛАШИНЪ.

Ну, я вашей маменьки не слушаюсь... Но, можетъ быть, вамъ самимъ не угодно, чтобы я здѣсь оставался.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ну, а если мнѣ не угодно?

МИЛАШИНЪ.

Въ такомъ случаѣ я уйду.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ну, и прощайте!

МИЛАШИНЪ.

Прощайте! Однако, позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, узнать, отчего вы меня гоните?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ахъ, Боже мой! Ну, да такъ, изъ капризу. Неужели вы не хотите исполнить ни одной моей просьбы?

МИЛАШИНЪ.

Какъ же я смѣю не исполнить!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Такъ ступайте!

МИЛАШИНЪ.

Я пойду, что вы беспокоитесь.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

А сами ни съ мѣста.

МИЛАШИНЪ.

Да вѣдь это странно: вдругъ ни съ того, ни съ сего, вы меня гоните, не хотите даже сказать причины. Это вѣдь досадно!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ну, оставайтесь, пожалуй; я уйду въ свою комнату, а вы сидите здѣсь одни. (*Молчаніе.*) Такъ вы не уйдете?

МИЛАШИНЪ.

Уйду-съ.... Я вѣдь къ вамъ нынче за дѣломъ пришелъ. (*Марья Андреевна сидитъ, отвернувшись къ окну.*) Вы меня не слушаете, а это дѣло касается васъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что еще такое?

МИЛАШИНЪ.

Я хотѣлъ вамъ открыть глаза на счетъ одного человѣка.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

То есть, вы сплетничать пришли. Такъ это можно сдѣлать въ другой разъ, когда нибудь на досугѣ.

МИЛАШИНЪ.

Нѣтъ, не сплетничать, а я хотѣлъ только предостеречь васъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Въ другой разъ, Иванъ Ивановичъ, пожалуйста, въ другой разъ! Ужо приходите.

МИЛАШИНЪ.

Да вѣдь только десять словъ, Марья Андревна. Я узналъ про одного человѣка очень хорошія вещи.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*въ сторону*).

Это наказаніе! (*Милашину.*) Про кого же?

МИЛАШИНЪ.

Про Мерича....

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Не рассказывайте мнѣ, пожалуйста: я все знаю. (*Въ сторону.*) Мерзавецъ, выдумалъ что нибудь про него.

МИЛАШИНЪ.

И прекрасно, что вы знаете; мнѣ только этаго и хотѣлось. Каковъ! Какимъ прикидывается!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да, да, ужасный человѣкъ!

МИЛАШИНЪ.

Ничего нѣтъ ужаснаго. Просто смѣшонъ! Мальчишка! Надъ всѣми его шутками смѣяться нужно.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ну, да, смѣшонъ! Иванъ Ивановичъ, вы меня любите?

МИЛАШИНЪ.

Люблю, Марья Андревна, ей-Богу, люблю!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Сдѣлайте для меня одно одолженіе.

МИЛАШИНЪ.

Все, что вамъ угодно; я для васъ готовъ жизнью пожертвовать.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Должно быть на словахъ только? Я цѣлый часъ прошу васъ уйдти, а вы все ни съ мѣста.

МИЛАШИНЪ.

Сейчасъ, сеіічасъ! (*Беретъ шляпу.*) Прощайте! (*Идетъ, потомъ возвращается.*) Марья Андреевна! умоляю васъ, скажите, зачѣмъ вамъ хочется одной остаться?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Иванъ Ивановичъ, мы поссоримся!

МИЛАШИНЪ.

Виновать, виновать! (*Нѣсколько времени стоитъ.*) Позвольте вашу ручку поцѣловать на прощанье.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Съ удовольствіемъ! (*Милашинъ цѣлуетъ, потомъ уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*одна*).

Наконецъ-то ушелъ. Бѣдный Владиміръ! Какой-нибудь Милашинъ смѣетъ рассказывать про него, разсуждать объ его поступкахъ.... Это ужасно! Онъ, бѣдный, нигдѣ не находитъ сочувствія. Оттого, что онъ выше всѣхъ стоитъ, ему душно въ этомъ обществѣ — ему всѣ завидуютъ. Я такъ его люблю въ эту минуту, что, кажется, всѣмъ бы для него пожертвовала. (*Задумывается.*) Однако, что же онъ нейдетъ? (*Садится у окна и смотритъ.*) Это, кажется, онъ! Брошусь ему на шею прямо, ни объ чемъ не думая! (*Отходитъ на средину комнаты. Входитъ Меричъ. Она робко подходитъ къ нему.*)

ЯВЛЕНИЕ V.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА И МЕРИЧЪ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Какъ я рада! Какъ я ждала тебя, Владиміръ!

МЕРИЧЪ.

Мы одни?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Одни. (*Меричъ цѣлуетъ ее.*) Ахъ, сколько передумала я, пере-чувствовала со вчерашнаго дня — ты не повѣришь. Мнѣ хочется пере-сказать тебѣ это поскорѣй, поскорѣй — я боюсь забыть.

МЕРИЧЪ.

Что-же такое ты перечувствовала?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ты, можетъ быть, будешь смѣяться, — смѣйся пожалуй. Пойдемъ, сядемъ къ окну, оттуда видно будетъ, какъ маменька пойдетъ.

МЕРИЧЪ.

А ты меня поцѣлуешь еще разикъ?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Хоть десять разъ, только поговоримъ немножко о моемъ положеніи.

МЕРИЧЪ.

Ну поговоримъ. Что-же ты мнѣ будешь рассказывать?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я тебѣ хотѣла много, много сказать. Вчерашнее наше свиданіе такъ было коротко, такъ много я думала о тебѣ вчера вечеромъ, ночью, нынче поутру... а теперь я такъ взволнована: мнѣ кажется, я ужъ все позабыла.

МЕРИЧЪ.

Ну и хорошо, что позабыла.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ахъ, вообрази, Владиміръ! Вчера вдругъ явился какой-то уродъ, говорилъ объ музыкѣ, объ литературѣ, хотѣлъ мнѣ конфетъ при-

везть. Каково было мое положеніе! Препротивный! Маменька за нимъ ухаживаетъ... Да ты меня не слушаешь! ..

МЕРИЧЪ.

Я гляжу на твои глазки. Какіе они у тебя хорошенькіе. Такъ и хочется поцѣловать. Я помню другіе такіе глазки.... Она умерла... Бѣдная женщина! Ну да что толковать о прошедшемъ: будемъ пользоваться настоящимъ. Ахъ, Мери, много я пережилъ.... я боюсь, хватить-ли у меня силъ, чтобъ отвѣчать твоей дѣтской любви. Еслибъ я встрѣтилъ тебя, Мери, года два тому назадъ!...

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да ты выслушай, ради Бога.

МЕРИЧЪ.

Хорошо, хорошо — слушаю.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Пріѣхалъ этотъ Беневоленскій. Онъ грубъ, необразованъ — просто ужасъ!

МЕРИЧЪ.

Мери! вѣдь это скучная матерія. Зачѣмъ намъ на эти пустяки терять драгоценное время?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да какъ-же мнѣ быть съ этимъ Беневоленскимъ? Я просто его боюсь.

МЕРИЧЪ.

Стоитъ объ этомъ думать! Тебѣ что за дѣло до этаго Беневоленскаго?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

А маменька-то? Какъ-же мнѣ быть съ маменькой-то? Ахъ, Владиміръ, ты многого не знаешь и не хочешь слушать.

МЕРИЧЪ.

Что мнѣ знать! Я знаю только одно, что ты меня любишь: а если ты меня любишь, то я не думаю, чтобъ ты пошла за Беневоленскаго.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Но все-таки я въ очень неловкомъ положеніи. Посоветуй, что мнѣ дѣлать. (*Меричъ цѣлуетъ ее въ плечо.*) Ахъ, Владиміръ, кабы ты зналъ, какъ мнѣ тяжело, а ты все съ нѣжностями!

МЕРИЧЪ.

Ахъ, Боже мой, Мери, я люблю тебя! Я радъ случаю, что засталъ тебя одну, а ты мнѣ рассказываешь про маменьку, про жениховъ какихъ-то; да какое мнѣ дѣло до нихъ? (*Цѣлуетъ опять въ плечо.*)

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*уклоняется отъ него*).

Тебѣ, кажется, и до меня нѣтъ никакого дѣла, потому что ты не хочешь войти въ мое положеніе. Богъ съ тобой!

МЕРИЧЪ.

Ты сердишься!... И это любовь!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

А это любовь, что ты меня слушать не хочешь? (*Плачетъ.*)

МЕРИЧЪ.

Вотъ и слезы! Раненько! (*Садится на стулъ.*) Впрочемъ, я такъ и думалъ! Это ужъ обыкновенная исторія! Вотъ любовь-то ваша. Сначала признанія, страстность, а потомъ — либо папенька, либо маменька, или тамъ женихъ какой-нибудь. (*Молчаніе.*)

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Владиміръ! ты сердишься?

МЕРИЧЪ.

Нѣтъ, я ужъ привыкъ къ этому. И тебѣ не жаль меня, Мери? Я ужъ и такъ измученъ жизнью, а ты мнѣ не хочешь доставить ни одной минуты неотравленного удовольствія.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Не сердись, Владиміръ... Помиримся. (*Цѣлуетъ его.*) Мало тебѣ этаго?

МЕРИЧЪ.

Очень мало. (*Марья Андреевна цѣлуетъ его еще нѣсколько разъ.*) Смѣлѣй, Мери, смѣлѣй! Вотъ теперь я вижу, что ты умная дѣвушка. Ахъ, Мери, я вспомнилъ одну женщину: вотъ эта была любовь!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Зачѣмъ же ты мнѣ это говоришь? Ты думаешь, мнѣ это пріятно слышать?

МЕРИЧЪ.

Что-жъ это? Ревность! Ты развѣ ревнива? Я очень люблю дразнить ревнивыхъ женщинъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Нѣтъ, это не ревность; а мнѣ обидно, что ты говоришь о другихъ женщинахъ въ то время, когда я къ тебѣ ласкаюсь. Ты и про меня также станешь рассказывать...

МЕРИЧЪ.

За кого-же ты меня принимаешь! Нѣтъ, Мери, мнѣ ужъ некого больше любить. Поцѣлуй меня, Мери!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Довольно, Владиміръ, довольно. Лучше поговоримъ о чемъ-нибудь.

МЕРИЧЪ (*садится рядомъ съ ней и обнимаетъ ее*).

О чемъ говорить, о чемъ говорить?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*проворно взглядываетъ въ окно*).

Ахъ! маменька!...

МЕРИЧЪ (*вставая со стула*).

Въ самомъ дѣлѣ?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*смѣется*).

Нѣтъ, я нарочно, только чтобы ты сѣлъ подальше. Въ самомъ дѣлѣ, Владиміръ, сядь подальше, да поговоримъ. Мнѣ такъ хочется поговорить съ тобой.

МЕРИЧЪ (*разсѣянно*).

Въ слѣдующій разъ, я тебѣ принесу свой дневникъ, мы его прочитаемъ вмѣстѣ, а теперь, знаешь-ли что? — Пойдемъ въ садъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Какъ можно; того и гляди, маменька придетъ.

МЕРИЧЪ.

А скоро она придетъ?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я думаю, скоро.

МЕРИЧЪ.

Такъ прощай.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Тебѣ ужъ скучно стало, не правда ли? Тебѣ скучно? Какой ты, Владиміръ! Кабы ты зналъ, съ какимъ нетерпѣніемъ я ждала тебя! Какое мнѣ наслажденіе тебя видѣть! А ты десяти минутъ не хочешь посидѣть со мной.

МЕРИЧЪ.

Я боюсь, что Анна Петровна меня здѣсь застанетъ; тебѣ же будутъ непріятности.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ну что-жъ, она побранить меня, да и все тутъ.

МЕРИЧЪ.

Вѣдь и мнѣ тоже достанется. А впрочемъ, у меня есть дѣло необходимое; я, пожалуй, минутъ десять побуду, а больше нельзя. (*Садится подлѣ нея.*) Я готовъ всю жизнь сидѣть съ тобой и любоваться на тебя.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ты, кажется, опять близко ко мнѣ.

МЕРИЧЪ.

Какіе вы всѣ странныя: уйди отъ васъ—вы сердитесь; очень близко къ вамъ—вамъ тоже непріятно. Выбери изъ двухъ: или уйди, или сидѣть подлѣ тебя.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Останься, только съ уговоромъ: посиди подольше.

МЕРИЧЬ.

Изволь, изволь. (*Обнимаетъ ее. Сидятъ нѣсколько времени молча.*) погоди, мой другъ, Мери, придетъ время, когда я назову тебя своей торжественно, публично. Ты пойдешь за меня?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Зачѣмъ же ты спрашиваешь?

МЕРИЧЬ.

А можетъ быть тебя не отдадутъ за меня?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Вотъ вздоръ какой!

МЕРИЧЬ.

Впрочемъ, мнѣ надобно устроить кой-какія дѣла свои — и тогда, Мери, тогда... мы съ тобой заживемъ славно.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да только сбудется-ли это?

МЕРИЧЬ.

Сбудется, Мери, сбудется. Я не посмотрю ни на какія обстоятельства... не отдадутъ тебя — я увезу.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Маменька идетъ!

МЕРИЧЬ.

Куда-жъ мнѣ теперь дѣться? Вѣдь я ей навстрѣчу попадусь. Мнѣ бы этаго не хотѣлось.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ступай черезъ садъ.

МЕРИЧЬ.

Прощай. (*Цѣлуетъ ее.*)

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Прощай! Когда-же?

МЕРИЧЪ.

Скоро, скоро.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Приходи поскорѣи! (*Меричъ уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*одна, садится за работу*).

Боже мой, какъ я счастлива! Я не могу опомниться!... Теперь для меня не страшна жизнь. Что-бъ не дѣлалось вокругъ меня, — у меня есть надежда. (*Сидитъ задумавшись. Входятъ Добротворскій и Анна Петровна, Дарья снимаетъ съ нея салонъ и уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА, ДОБРОТВОРСКІЙ и АННА ПЕТРОВНА.

АННА ПЕТРОВНА (*садится*).

Что-же намъ теперь дѣлать-то, Платонъ Маркычъ?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Что дѣлать-то, сударыня, — Божья воля! Въ отчаяніе только приходитъ не надо.

АННА ПЕТРОВНА.

Куда я теперь дѣнусь съ дочерью-то? Посудите, Платонъ Маркычъ! Что я знаю, что я умѣю? Ужъ и до этаго-то горя я не знала, что дѣлать, а теперь вовсе дура сдѣлалась. Посоветуйте.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что такое, маменька, сдѣлалось?

АННА ПЕТРОВНА.

А то, что вотъ мы съ тобой нищія теперь. Дѣло-то наше проиграно, домъ-то отнимутъ, да еще взысканіе положено.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ахъ, какое несчастіе!

Анна Петровна.

Что дѣлать-то, Платонъ Маркычъ? Посовѣтуйте.

Добротворскій.

Что я вамъ могу, сударыня, посовѣтовать?—ничего не могу. Вотъ хоть теперича прикажите меня казнить — ничего не выдумаю. Состарѣлся, поглупѣлъ. Дѣлецъ былъ, Анна Петровна!... Что-жъ дѣлать-то?... Вотъ ужъ и оглохъ совсѣмъ...

Анна Петровна.

Да вы все-таки мужчина; а я и ума не приложу; женщина я слабая, сырая,—да и памяти совсѣмъ нѣтъ.

Добротворскій.

Какой ужъ я мужчина! Эхъ, эхъ! Вотъ такъ-то и всегда бываетъ: не ждали, не чаяли, а тутъ вдругъ этакое несчастіе. Ахъ ты Господи Боже мой! (*Качаетъ головой.*)

Анна Петровна.

Эко горе-то, Платонъ Маркычъ, мнѣ на старости лѣтъ-то! Одна-то-одиношенька, безъ мужчины.... Вошь еще обуза-то; не знаю, какъ съ рукъ сбить.

Добротворскій.

Точно, сударыня, точно... ужъ что говорить.

Анна Петровна.

Да ужъ горюй не горюй — этимъ не поможешь.

Добротворскій.

Не поможешь.

Анна Петровна.

Хлопотать надо какъ-нибудь; говорятъ, въ Сенатъ надо жалобу подавать.

Добротворскій.

Надо, сударыня, непременно надо; какъ-же можно не хлопотать...

Анна Петровна.

Знакомыхъ-то у меня нѣтъ, попросить-то некого.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Кого, сударыня, просить! Кто хлопотать станетъ! Попросить, такъ надо денегъ дать.

АННА ПЕТРОВНА.

Поищите. Платонъ Маркычъ, нѣтъ-ли у васъ кого изъ знакомыхъ, чтобы дѣлами-то занимался.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Да ужъ кромѣ Максима Дорофенча некого просить.

АННА ПЕТРОВНА.

Вотъ и прекрасно! Онъ вчера съ вами говорилъ что-нибудь, какъ отъ насъ-то поѣхалъ?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Какъ-же, говорилъ-съ. Онъ говоритъ: коли отдадутъ Марью Андревну, такъ я хлопотать стану. Это дѣло еще можно исправить. Миѣ, говоритъ, Марья Андревна очень правится; миѣ, говоритъ, лучше и не надо; узнай, какъ ихъ расположеніе, а я, говоритъ, хоть сейчасъ готовъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Что-жъ вы до сихъ поръ молчали?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Извините, сударыня, совсѣмъ изъ ума вонъ, а теперь вотъ къ слову пришлось, и сказалъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Слышишь, Машенька!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что такое?

АННА ПЕТРОВНА.

Ты Максиму Дорофенчу очень поправилась.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Очень рада.

Анна Петровна.

Ну и слава Богу, что рада; онъ предложеніе дѣлаетъ.

Марья Андреевна.

Ни за что на свѣтѣ!

Анна Петровна.

Ты никакъ съ ума сошла, какъ я погляжу на тебя. Развѣ ты не видишь, что намъ теперь больше дѣлать нечего; не по міру же намъ идти.

Марья Андреевна.

Лучше, маменька, и не говорите про Беневоленскаго, я про него и слышать не хочу.

Анна Петровна.

Что ты! что ты! Ты опомнись—вѣдь не десятки жениховъ-то у тебя, выбирать-то не изъ кого; не сотни тысячъ за тобой, чтобъ такими женихами брезгать: такого-то жениха намъ съ тобою и не дожидаться.

Марья Андреевна.

Ради Бога; маменька, не говорите мнѣ про Беневоленскаго.

Анна Петровна.

Ты дура совсѣмъ, я вижу. Да что съ ней толковать, у нее еще все вѣтеръ въ головѣ; она и сама не знаетъ, что говорить... Неужто ея глупости слушать? Скажите, Платонъ Маркычъ, Максиму Дорофеечу, что мы очень рады, чтобы онъ формальное предложеніе сдѣлалъ.

Добротворскій.

Хорошо, сударыня, нынче же скажу.

Марья Андреевна (*быстро встаетъ со стула*).

Что вы дѣлаете! Платонъ Маркычъ, не ходите къ Беневоленскому! Онъ мнѣ не нравится, онъ мнѣ противенъ!... Я не пойду за него ни за какія сокровища!

Анна Петровна.

Что вы ее слушаете, все вздоръ болтаетъ! Я ужъ и не знаю, какой дрянью у ней голова-то набита. Дѣлайте, какъ я вамъ говорю, что ее слушать; она еще одумается двадцать разъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я не стану ничего говорить; дѣлайте, что хотите, только я не пойду за Беневоленскаго.

АННА ПЕТРОВНА.

Ты не пойдешь?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Не пойду.

АННА ПЕТРОВНА.

А мнѣ кажется, что это только капризъ у тебя; только чтобъ матери напротивъ что-нибудь сдѣлать. Тебѣ меня только разстроить хочется. А ты пожалѣй меня, на старости лѣтъ; ты видишь, я и такъ насилу ноги таскаю. Я женщина сырая, а тутъ этакой ударъ— последнее состояніе отнимаютъ! Вотъ, говорятъ, въ Сенатъ надо жалобу подать, а кто напишетъ-то... мы что-ли съ тобой? Такъ мы и аза въ глаза не знаемъ. Коли Максимъ Дорофенчъ не возметъ, такъ вѣдь мы нищіе будемъ, понимаешь-ли ты это? А что ему за радость браться за дѣло, коли ты отъ него свою фізіономію-то отворачиваешь. Коли ты объ себѣ-то не хочешь подумать, такъ ты хоть мать-то пожалѣй. Куда я дѣнусь, на старости лѣтъ — я женщина слабая, сырая, ужъ и теперь насилу ноги таскаю. Въ кухарки мнѣ, что-ли, идти?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Господи! Что-жъ мнѣ дѣлать!

АННА ПЕТРОВНА.

Матери послушайся.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Маменьки надо послушаться, матушка барышня.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Нѣтъ, что хотите со мною дѣлайте, я не могу!

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Переломите себя какъ-нибудь.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Не могу, не могу, не могу!...

Анна Петровна.

Оставьте ее, Платонъ Маркычъ! Богъ съ ней!... Каково мнѣ, Платонъ Маркычъ, это видѣть, матери-то, старухѣ-то! (*Плачетъ.*) Батюшки! гдѣ платокъ-то! Такъ и есть—потеряла въ городѣ, еще и съ деньгами.... Одно къ одному. А! да гори все прахомъ—ничего мнѣ не нужно, коли ужъ дочь родная объ моемъ горѣ и подумать не хочетъ. Живи, какъ знаешь, Богъ съ тобой! Вотъ, выростила на свою голову!...

Марья Андреевна.

Маменька, что вы говорите! За что вы меня терзаете!...

Анна Петровна.

А ты слушайся матери! Ты думаешь мнѣ легко съ тобой разговаривать.... Иногда что и скажешь... у меня сердце слабое, женское.

Марья Андреевна.

Маменька! онъ мнѣ очень не нравится. Я все для васъ готова, все, что вамъ угодно; только не принуждайте меня за-мужъ идти; я не хочу за-мужъ. Я не пойду ни за кого.

Анна Петровна.

Скажите, пожалуйста, Платонъ Маркычъ, она совсѣмъ сумасшедшая! Вѣдь ты не понимаешь, что говоришь! Ну можно-ли такую вещь сказать: не пойду за-мужъ! Это все только фантазія. Очень интересно быть старой дѣвкой! А мнѣ-то что-жъ, въ богадѣльню что-ль идти!—Во первыхъ ты, коли любишь мать, должна выйдти за-мужъ, а во вторыхъ, потому что такъ нужно. Что такое не замужняя женщина? —ничего! что она значитъ? Ужъ и вдовье-то дѣло плохо, а дѣвичье-то ужъ и совсѣмъ нехорошо! Женщина должна жить съ мужемъ, хозяйничать, воспитывать дѣтей, а ты что-жъ будешь дѣлать-то старой дѣвкой? чулокъ вязать! Подумала-ли ты объ этомъ?

Марья Андреевна.

Нѣтъ, маменька, я объ этомъ не думала.

Анна Петровна.

Ну, поди сюда, сядь подлѣ меня! Поговоримъ съ тобой хорошенько. Я сердиться не буду. (*Марья Андреевна садится подлѣ нея.*) Выслушай ты меня хладнокровно. Я вѣдь знаю, у васъ одинъ раз-

говоръ: по любви выдти за-мужъ. Влюбляются-то, Машенька, только тѣ, которымъ жениться нельзя, либо рано, потому что еще въ курточкахъ ходятъ, либо нечѣмъ жить съ женой: такъ вотъ они и влюбляются. Порядочный человѣкъ не станетъ вамъ въ любви открываться, да влюбленія-то свои высказывать, а просто придетъ къ матери да скажетъ: «миѣ ваша дочка нравится», да и тебѣ-то тоже, прямо, безъ разныхъ тамъ фарсовъ дурацкихъ: «сударыня, маменька ваша согласны, вы миѣ нравитесь, угодно вамъ меня осчастливить?» И все это честно и благородно.—Вотъ какъ это бываетъ, Машенька.— Ты вотъ съ Беневоленскимъ и десяти словъ не сказала, а ужъ и слышать про него не хочешь.—А будетъ ѣздить, познакомишься, можетъ быть, и увидишь, что хорошій человѣкъ. Вѣдь вертопрахи-то ваши только мастера разговаривать, а что отъ нихъ толку,—только слава дурная.

Добротворскій.

Это правда, сударыня. (*Молчаніе.*)

Анна Петровна.

Машенька, потѣшь ты меня на старости лѣтъ, послушайся матери.

Марья Андреевна (*встаетъ*).

Маменька! я не могу теперь идти ни за Беневоленскаго, ни за кого. Сдѣлайте милость—не принуждайте меня. Я одного у васъ прошу—не говорите миѣ про замужство, подождите немного. Ради Бога, дайте миѣ пожить на свободѣ.

Анна Петровна.

Эка невидаль дѣвичье житье! жаль разстаться!

Марья Андреевна.

Пусть Беневоленскій къ намъ ѣздитъ, я буду съ нимъ ласкова, все, что вамъ угодно; только пусть онъ подождетъ.... ну, мѣсяць, одинъ мѣсяць. Я посмотрю на него хорошенько, узнаю его.—Согласны?

Анна Петровна (*цѣлуетъ Марью Андреевну*).

Ну, что съ тобой дѣлать, такъ и быть.—Что, утѣшилась теперь? Вотъ вѣдь ты какая глупая! (*Марья Андреевна уходитъ.*)

Анна Петровна.

Что дѣлать-то, Платонъ Маркычъ! Скажите Максиму Дорофенчу, что я очень рада; но чтобъ онъ мѣсяцъ погодилъ дѣлать предложеніе... Да и объ дѣлѣ-то попросите.

Добротворскій.

Очень хорошо-съ. *(Хорькова входитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ-же и Хорькова.

Хорькова.

Покорно благодарю, матушка Анна Петровна, покорно благодарю! Одолжили, нечего сказать!

Анна Петровна.

Что такое? Что я вамъ сдѣлала?

Хорькова.

Я хоть необразованная женщина, а надъ собой смѣяться не позволю. Вы тогда меня обнадежили. Я, разумѣется, прихожу домой, говорю: «Миша, другъ мой, Анна Петровна согласна; открой, говорю, другъ мой, свои мысли Марьѣ Андревнѣ», — а та ему напрямки отказала! Приходитъ такой разстроенный. «Нѣтъ, говоритъ, мнѣ, маменька, счастья въ моей жизни; вы, говоритъ, меня обманули.» — «Я, говорю, мой другъ, никогда обманщицей не была, а если нами пренебрегаютъ, такъ нечего тебѣ, говорю, безпокоиться: ты, съ твоимъ образованіемъ, всегда найдешь себѣ невесту не хуже Марьи Андревны.... А ужъ я не утерплю, пусть меня ругаютъ, я все-таки пойду отчитаю Аннѣ Петровнѣ.»

Анна Петровна.

Что-жъ дѣлать-то мнѣ? Ея воля, я ее принуждать не могу.

Хорькова.

Это, Анна Петровна, просто насмѣшка; я такъ это за насмѣшку и принимаю.

Анна Петровна.

Да помилуйте, матушка, какая-же это насмѣшка?

ХОРЬКОВА.

Насмѣшка, насмѣшка! Вамъ просто хотѣлось изъ меня передъ сыномъ дуру сдѣлать. Я хоть и необразованная женщина, а понимаю...

АННА ПЕТРОВНА.

Что вы тутъ понимаете! Нечего вамъ тутъ понимать-то.

ХОРЬКОВА.

Ну ужъ не говорите пожалуйста... знаемъ мы кой-что. У васъ теперь какой то богатый женихъ на примѣтъ, такъ вы другими-то и брезгаете. Только вы поторопитесь, Анна Петровна, я вамъ совѣтую, а то чтобы разговору какого не было.

АННА ПЕТРОВНА.

Какого разговору? Что вы, ссориться что-ли со мной пришли, Арина Егоровна?

ХОРЬКОВА.

Ужъ тамъ, матушка, какъ хотите принимайте: я сама вами кругомъ обижена. Что я не знаю, про то говорить не стану; а что знаю, про то напрямки отпечатаю. Люди ложь, и мы то-жъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Языкъ-то безъ костей, говорить все можно, только слушать-то нечего.

ХОРЬКОВА.

Слушай не слушай, какъ кому угодно; а ужъ коли говорятъ, такъ значить, что-нибудь есть.

АННА ПЕТРОВНА.

Кто говорить и что говорить? Кому нужно про меня говорить что-нибудь?

ХОРЬКОВА.

Не про васъ и рѣчь, а про Марью Андревну; а то горда ужъ очень она у васъ, вотъ теперь гордости-то поубудетъ. Намъ-то отказали, а этотъ-то вашъ богатый женихъ какъ бы самъ не отказался, коли прослышитъ что-нибудь.

АННА ПЕТРОВНА.

Да что вы, Арина Егоровна, рехнулись, должно быть! Да кто же смѣетъ что-нибудь сказать про мою Машеньку?

ХОРЬКОВА.

Ахъ, матушка, никому рта не зажмешь; всякій воленъ говорить, на то языкъ данъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Что-жь это такое! Вотъ послушайте, Платонъ Маркычъ, еще тутъ сплетни какія-то распустили про Машеньку! На что это похоже!

ДОБРОТВОРСКІЙ.

На всякое чиханье, сударыня, не наздравствуешься. Слушать-то не приходится.

АННА ПЕТРОВНА (*Добротворскому*).

Да что-же можно сказать про мою Машеньку, скажите на милость.

ХОРЬКОВА.

Ужь извѣстно что! Зачѣмъ къ вамъ Меричъ каждый день ходитъ? Вѣдь сосѣди видятъ — скрыть нельзя. И при васъ и безъ васъ бываетъ. Вы-то, можетъ быть, еще и сами всего не знаете. Я необразованная женщина, да не позволила бы этаго своей дочери. Мишъ сынъ говоритъ, что его ни въ одинъ порядочный домъ не пускаютъ за его пошлости. Своими глазами видѣла, какъ онъ отъ васъ изъ саду крадется, точно воръ какой.

АННА ПЕТРОВНА.

Что же это, Господи! Вотъ что значитъ безъ мужчины-то въ домѣ, — всякій и сочиняетъ, что ему въ голову придетъ. Вотъ дѣло-то женское какое. Пожалѣйте вы меня, Арина Егоровна! Я женщина слабая, сырая, что вы меня растроиваете, какъ вамъ не грѣхъ!

ХОРЬКОВА.

Снявши-то голову, по волосамъ не плачутъ. Сами виноваты, что допустили до этаго. Теперь вотъ ищите-ка жениховъ: не всякій-то польстится. Хоть бы вы и согласны были, а ужъ я теперь своему Мишѣ не позволю. Нѣтъ, покорно васъ благодарю!

АННА ПЕТРОВНА.

Да мы ни въ Мишѣ, ни въ васъ не нуждаемся! Эка важная партія! Невидаль какая! Вамъ бы только сплетничать!...

ХОРЬКОВА (*встаетъ*).

Да ужъ, матушка, не взыщите, что слышала, того отъ другихъ не потаю.

АННА ПЕТРОВНА.

Гдѣ утаить! Еще своего прибавите. Вы ужъ обрадовались, что вамъ случай есть. Отъ васъ только этаго и ждать можно.

ХОРЬКОВА.

Я сама отъ васъ, кромѣ обиды да насмѣшки, ничего не видала. Только вотъ не могла вытерпѣть, чтобы не выговорить вамъ за Мишу, а то бы и нога моя въ вашемъ домѣ не была. А Мишѣ я и думать не позволю о вашей дочери: съ его умомъ и образоваціемъ мы и почище найдемъ. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ-ЖЕ, БЕЗЪ ХОРЬКОВОЙ

АННА ПЕТРОВНА.

Что-жъ это такое, Платонъ Маркычъ, посудите вы сами? Опомниться-то вѣдь я не успѣла, а то бы ужъ я напѣла ей. Вѣдь теперь, чего добраго, разславить вездѣ... погубить она мою голову! Вотъ какъ безъ мужичины-то, Платонъ Маркычъ! И туды и сюды—все сама, да еще и за дочерью смотри; отлучиться изъ дому нельзя; а я женщина сырая. Маша! Маша! Дарья! Дарья! (*Входитъ Дарья.*) Что ты, оглохла, что-ли? Не докличешься тебя!... Позови барышню.

ДАРЬЯ.

У меня вѣдь не одно дѣло-то; сложа руки не сижу. (*Уходитъ.*)

АННА ПЕТРОВНА.

Охъ, измаялась я нынче день-то, а тутъ еще напасть этакая. И руки и ноги дрожать. Что-жъ это Маша со мной дѣлаетъ! Чувствую, что слабая мать. Поддержите меня, Платонъ Маркычъ! (*Входитъ Марья Андреевна.*)

ЯВЛЕНИЕ X.

ТѢ-ЖЕ И МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Вы меня кликали, маменька?

АННА ПЕТРОВНА.

Что ты, въ гробъ что-ли хочешь меня вогнать прежде времени!
Что ты еще затѣяла!...

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что такое?

АННА ПЕТРОВНА.

Быль здѣсь Меричъ безъ меня? (*Молчаніе.*) Что-жъ ты молчишь?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Быль не на долго. Я ему сказала, что васъ дома нѣтъ, онъ и ушелъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Не обманывай ты меня; что у тебя съ нимъ за шашни? Говори!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да какія шашни, кто вамъ сказалъ, маменька?

АННА ПЕТРОВНА.

Кто сказалъ? Всѣ говорятъ. Миѣ теперь глаза показать никому нельзя. Сей-часъ Хорькова приходила — ужъ и она знаетъ. Чтобъ его у насъ и духу не было, я его и пускать не велю. Слышишь, сударыня?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Нѣтъ, маменька, этаго нельзя.

АННА ПЕТРОВНА.

Отчего это нельзя? Что съ нимъ церемониться что-ли? Не великъ баринъ! Прогоню, да и все тутъ. Тебѣ надо за-мужъ идти, а съ этими-то разговорами не скоро жениха съищешь! Осрамила ты

меня совсѣмъ. Или сей-часъ же Максиму Дорофеичу надо слово дать, или завтра же скажу Меричу, чтобъ онъ и глазъ къ намъ не показывалъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Не дѣлайте этаго, ради Бога. Я васъ умоляю, маменька. Какъ это можно!

АННА ПЕТРОВНА.

Такъ ступай за-мужъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Маменька, дайте мнѣ подумать. Я совершенно растерялась, у меня голова кругомъ идетъ. Дайте мнѣ подумать.

АННА ПЕТРОВНА.

Объ чемъ тутъ думать! Надо сей-часъ что-нибудь дѣлать, а то услышитъ Максимъ Дорофеичъ эти слетни, пожалуй, откажется. Что ты тогда съ моей головой сдѣлаешь? Какой тогда срамъ-то будетъ! Завтра надо сказать Максиму Дорофеичу, что мы согласны.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Нѣтъ, маменька, это выше силъ моихъ!

АННА ПЕТРОВНА.

Ну такъ живи, какъ знаешь! Мнѣ теперь до тебя и дѣла нѣтъ. Я тебя растила, я тебя воспитывала, хлопочу, ни дня, ни ночи покою себѣ не имѣю, а ты меня знать не хочешь! Для тебя мать-то дешевле всякаго, прости Господи! Я теперь слова тебѣ не скажу, повѣсничай съ кѣмъ хочешь! Ты мать позабыла, ты для матери ничего не хочешь сдѣлать; авось добрые люди найдутся, не оставятъ старуху. Поидемте, Платонъ Маркычъ, ко мнѣ въ комнату. (*Встаетъ и идетъ.*) Видно, ужъ мнѣ старухѣ вѣкъ горе мыкать.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*за ней.*)

Маменька!...

АННА ПЕТРОВНА.

Ты не ходи за мной! Я теперь тебя и видѣть не хочу. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XI.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА И ДОБРОТВОРСКІЙ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*садится на стулъ и закрываетъ лицо платкомъ. Добротворскій стоитъ противъ нея*).

Это мученье!

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Что, побранила васъ маменька-то! Ну нечего! Не плачьте, барышня! Помиритесь какъ-нибудь.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ахъ, Платонъ Маркычъ! быть можетъ маменька и права; но она требуетъ отъ меня невозможнаго.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Отчего-жъ, матушка барышня, невозможно? Ей-Богу, возможно! Утѣшите старуху. Вѣдь ужъ лучше Максима Дорофеича жениха не найдти вамъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Послушайте, Платонъ Маркычъ, — вы человѣкъ добрый, я съ вами буду говорить откровенно. Я люблю другаго; онъ хорошъ, уменъ, образованъ; посудите сами, какъ же мнѣ промѣнять его на Беневоленскаго.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Да онъ молодой человѣкъ, барышня?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Очень молодой....

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Свистуны вѣдь они, матушка, никакой основательности нѣтъ. Не вѣрьте вы имъ. Нынче любятъ, а завтра разлюбятъ. Имъ потѣха, а бѣдныя дѣвушки плачутъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я не знаю, разлюбить онъ меня или нѣтъ, только я его люблю.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Матушка барышня, я васъ еще вотъ какую зналъ: ребенокъ были несмысленочекъ, на рукахъ носилъ. Вашъ паненька покойникъ мнѣ благодѣтель, въ люди меня вывелъ, я прежде очень маленькій человекъ былъ. Какъ умиралъ покойникъ, — ты, говоритъ, Платонъ, жену съ дочерью не оставь! Слушаю, говорю, батюшка Андрей Петровичъ, служить буду, пока силъ хватить. Я васъ, барышня, больше родной люблю, такъ горько мнѣ будетъ, какъ вертопрахъ какой-нибудь посмѣется надъ вами. Плюньте вы на нихъ! А вѣдь и то сказать, барышня, вы лучше насъ знаете, мы люди старые, изъ ума выжили! Совѣтовать не смѣю, разсудите сами. Вотъ на старости лѣтъ для васъ, сударыня, за сватовство принялся. Нашелъ человекъ, кажется, хорошъ, а вѣдь Богъ его знаетъ, гдѣ мнѣ разобратъ, посмотрите сами; какъ бы грѣха на душу не взять. А все мой совѣтъ—лучше маменьки послушаться, меньше грѣха будетъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Платонъ Маркычъ, помирите меня съ маменькой, она васъ любитъ.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Не беспокойтесь, матушка, помирю, объ этомъ не беспокойтесь.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Подите, скажите ей, что я черезъ три дня ей дамъ отвѣтъ. Мнѣ нужно подумать, поговорить съ нимъ, онъ обѣщалъ жениться на мнѣ.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Хорошо, барышня. Сей-часъ прикажете къ маменькѣ сходить?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да, пожалуйста, сей-часъ. Мнѣ всегда тяжело, когда она сердится, за дѣло-ли, не за дѣло-ли.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Какъ-же, матушка, не тяжело, — вѣдь мать. Хорошо-съ. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ XII.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*одна, и потомъ*) ДАРЬЯ.

Что мнѣ дѣлать, я рѣшительно не знаю! Я чувствую, что дурно дѣлаю, что ссорюсь съ маменькой; но идти за Беневоленскаго я не могу, — я люблю Владиміра. Да еслибъ я и рѣшилась пожертвовать собой, я теперь не имѣю права. За что же я обману бѣднаго Владиміра: онъ такъ меня любитъ.

ДАРЬЯ (*входитъ*).

О! чтобъ васъ!... Вѣчно все растеряетъ! (*Беретъ платокъ Анны Петровны.*)

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Даша, что маменька дѣлаетъ?

ДАРЬЯ.

Разговариваетъ съ Платономъ Маркычемъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Сердита она?

ДАРЬЯ.

Приступу нѣтъ! (*Уходитъ.*)

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Жаль мнѣ маменьку, ей-Богу жаль! Еслибъ я не надѣлала глупостей, я-бы теперь съ ней поговорила откровенно, что Беневоленскій мнѣ не нравится; а теперь не могу, — теперь мнѣ одно средство: поговорить съ Владиміромъ, потомъ скажемъ маменькѣ — и не объ чемъ думать. Ахъ, дура, да объ чемъ-же я плачу? Человѣкъ говоритъ мнѣ прямо, что онъ женится на мнѣ, а я плачу да выдумываю разныя несчастія (*Смѣется, потомъ задумывается.*) А если нѣтъ? Если нѣтъ? Что жъ тогда? Впрочемъ, какое-же я имѣю право такъ дурно думать о немъ: я его еще не знаю. Да что это, Господи! Что я говорю! Я помѣшалась совсѣмъ. Другая бы на моемъ мѣстѣ прыгала отъ радости, а мнѣ всякій вздоръ въ голову лѣзетъ. Нѣтъ, нѣтъ, не хочу ни о чемъ думать! Владиміръ на мнѣ женится. О, кабы мнѣ его увидать поскорѣй! (*Входитъ Добротворскій.*)

ЯВЛЕНІЕ XIII.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА И ДОБРОТВОРСКІЙ.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Пожалуйте къ маменькѣ, барышня. Я ее уговорилъ немножко. Не бойтесь ничего, теперь браниться не станетъ, поговорить хочетъ. Пусть, говоритъ, она увидитъ, что мать ей зла не желаетъ. Вотъ сей-часъ и поговоримъ все въ вмѣстѣ, авось, барышня, какъ-нибудь и уладимъ. (*Уходятъ.*)

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ IV.

(Комната 1-го дѣйствія.)

ЯВЛЕНІЕ I.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (одна).

Вотъ ужъ третій день его нѣтъ. Что это значитъ? третій день ужасныхъ мученій! Онъ, должно быть, нездоровъ! Что, если онъ и нынче не придетъ, — я, кажется, сойду съ ума. Какъ незамѣтно подкралось ко мнѣ это горе. Недѣлю тому назадъ, я была весела и ни объ чемъ не думала. Я такъ и жду, что придетъ Беневоленскій и сдѣлаетъ предложеніе. Что я буду дѣлать? Маменька такъ увѣрена во мнѣ, такъ меня любитъ.... Теперь, ея спокойствіе зависить отъ меня. Неужели у меня хватитъ силъ противиться ей.
(Дарья входитъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА и ДАРЬЯ.

ДАРЬЯ.

О, чтобъ!... Вотъ вездѣ одна, поспѣвай тутъ... Что это вы, барышня, какія скучныя?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Съ чего-же мнѣ веселой-то быть. Погадай-ка мнѣ, Даша, на картахъ.

ДАРЬЯ.

Извольте, барышня, сей-часъ разложу. (Раскладываетъ карты.)

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что, Даша, выходитъ что-нибудь? Чай все вздоръ.

ДАРЬЯ.

Нѣтъ, матушка, не говорите этаго. Вотъ недавно кумъ Аксиньѣ гадала: все виновный тузь выходить. Смотри, говорю, будетъ тебѣ горе какое-нибудь. Что-жъ, барышня, такъ и есть: шубку новенькую украли, съ иглочки. (*Разводитъ руками.*) При своемъ антиресѣ отъ трефъ!... въ собственномъ домѣ... исполненіе желанія... бубновый король марьяжный....

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Кто же это бубновый король?

ДАРЬЯ.

Ужъ извѣстно Владиміръ Васильевичъ, кому-жъ быть! (*Входитъ Анна Петровна.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ-ЖЕ И АННА ПЕТРОВНА

АННА ПЕТРОВНА.

Что это вы, никакъ гадаете? Погадай-ка, Дарья, и мнѣ.

ДАРЬЯ.

Извольте, матушка, сей-часъ.

АННА ПЕТРОВНА.

На какую, бишь, я даму-то гадаю? Не помнишь-ли, Машенька?

ДАРЬЯ.

Я васъ червонной, матушка, положу. Ахъ, барышня, почтальонъ идетъ. (*Идетъ за письмомъ.*)

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Отъ кого это? Боже мой, какъ у меня сердце забилося! (*Дарья возвращается съ письмомъ.*)

АННА ПЕТРОВНА.

Поищи-ка, Даша, очки. (*Распечатываетъ письмо.*)

ДАРЬЯ.

Вотъ онъ, матушка.

Анна Петровна (*смотритъ на подпись*).

Отъ Беневоленскаго.

Марья Андреевна.

Отъ Беневоленскаго? Что-жъ онъ пишетъ?

Анна Петровна (*читаетъ*).

«Милостивая государыня, многоуважаемая Анна Петровна! Принимая въ уваженіе ваше расположеніе и радушный приѣмъ, оказанные мнѣ въ прошедшій четвертокъ, я беру на себя смѣлость предложить свою руку и сердце вашей безподобнѣйшей дочкѣ Марьѣ Андреевнѣ, коей достоинствами и красотою я очарованъ. При чемъ честь имѣю присовокупить, что я слышалъ отъ Платона Марковича о вашемъ дѣлѣ, въ которомъ, какъ знающій человѣкъ, могу быть ходатаемъ, конечно, только въ томъ случаѣ, когда вы согласитесь принять мое предложеніе. Я человѣкъ дѣловой, и мнѣ терять время понапрасну на чужія хлопоты нельзя. Состояніе мое вы знаете, и я неусыпно стараюсь о приращеніи онаго, употребляя на это все свои способности; ибо, какъ вамъ извѣстно, состояніе даетъ вѣсь въ обществѣ. Принимая въ соображеніе все оное, а равно положеніе, въ которомъ вы находитесь, я не думаю, чтобы вы отказались породниться со мной. Ожидаю вашего отвѣта сегодня же, или, въ крайнемъ случаѣ, завтра, чтобы не оставаться въ неизвѣстности. За свидѣтельство мое нижайшее почтеніе Марьѣ Андреевнѣ, и передайте имъ, что я, какъ страстный ихъ обожатель, съ душевнымъ трепетомъ ожидаю ихъ отвѣта. Съ истиннымъ почтеніемъ и таковою-же преданностію честь имѣю пребыть Максимъ Беневоленскій.» Ну что-же, Машенька, надобно писать.

Марья Андреевна (*въ волненіи*).

Погодите, маменька, погодите....

Анна Петровна.

Чего-же годить то? Маша! послушай ты меня,—вѣдь ужъ такой партіи намъ съ тобою не дождаться. Максимъ Дорофеечъ человѣкъ деликатный, надо-же ему что-нибудь написать, чтобъ не сомнѣвался, по крайней мѣрѣ.

Марья Андреевна.

Погодите, маменька, ради Бога, погодите, завтра...завтра...

А Н Н А П Е Т Р О В Н А .

Да отчего-жъ не теперь?

М А Р Ъ Я А Н Д Р Е Е В Н А .

Теперь я не могу. Я не знаю, что отвѣчать; я такъ взволнована.... Мнѣ нездоровится что-то, у меня голова болитъ. Я рѣшительно не могу!...

А Н Н А П Е Т Р О В Н А .

Ну, какъ хочешь! Завтра, такъ завтра. А я все-таки пойду подумаю какъ написать поскладнѣй. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

М А Р Ъ Я А Н Д Р Е Е В Н А И Д А Р Ъ Я .

М А Р Ъ Я А Н Д Р Е Е В Н А .

Даша, ты знаешь, гдѣ Владиміръ Васильичъ живетъ?

Д А Р Ъ Я .

Знаю, матушка.

М А Р Ъ Я А Н Д Р Е Е В Н А .

Бѣги къ нему, Даша, голубушка, бѣги поскорѣй.

Д А Р Ъ Я .

Что вы, матушка! Ну какъ маменька узнаетъ!

М А Р Ъ Я А Н Д Р Е Е В Н А .

Ступай, ничего, ступай. Я какъ-нибудь скажу маменькѣ. Только, ради Бога, поскорѣй. Скажи ему, чтобъ онъ сей-часъ же пришелъ сюда, сію минуту.

Д А Р Ъ Я .

Ну, видно нечего съ вами дѣлать.

М А Р Ъ Я А Н Д Р Е Е В Н А .

Проворнѣй, Даша, проворнѣй! (*Дарья уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ V.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА *(одна)*.

Нѣтъ, этаго не будетъ! Владиміръ спасетъ меня.... Ну, какъ она его дома не застанетъ! Ну, а если.... нѣтъ, этаго не можетъ быть, онъ меня любитъ. Ну, ужъ я теперь и сама не разберу, что я думаю, что я чувствую.... мнѣ только страшно чего-то. Ахъ, кабы она поскорѣй воротилась. Кто-то идетъ, не онъ-ли? Нѣтъ, это Милашинъ. *(Милашинъ входитъ.)*

ЯВЛЕНИЕ VI.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА И МИЛАШИНЪ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Скажите, Иванъ Ивановичъ, не видали-ли вы Владиміра Васильича?

МИЛАШИНЪ.

На что онъ вамъ?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ахъ, Боже мой, когда я спрашиваю, значитъ, что нужно.

МИЛАШИНЪ.

Кто-жъ его знаетъ. Помилуйте, развѣ можно знать, гдѣ подобные люди бываютъ! *(Марья Андреевна отворачивается и плачетъ.)*

МИЛАШИНЪ.

Вы думаете, я это говорю изъ ревности. Вы глубоко ошибаетесь. Мнѣ васъ жаль, и больше ничего.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Сдѣлайте милость, не жалѣйте. Да какое право вы имѣете жалѣть меня?

МИЛАШИНЪ.

Какъ вамъ угодно! Я изъ привязанности къ вамъ, къ вашей маменькѣ, говорю это. Я опять-таки повторяю, что такого человѣка, какъ Меричъ, я бы, на мѣстѣ Анны Петровны, къ воротамъ бы не подпустилъ. Если Аннѣ Петровнѣ угодно, чтобъ онъ разславлялъ вездѣ, хвастался, что вы влюблены въ него, такъ пускай принимаетъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Вы лжете!

МИЛАШИНЪ.

Я лгу? Нѣтъ, я никогда не лгу-съ. Лжетъ кто-нибудь другой, только не я.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Зачѣмъ вы мнѣ говорите про него: вы знаете, что я не повѣрю вамъ. Я его люблю, слышите ли, люблю, люблю! Не смѣйте при мнѣ говорить про него дурно.

МИЛАШИНЪ.

Вы его любите? А онъ васъ любить, вы думаете?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Послушайте, я начинаю терять терпѣніе! Или замолчите, или уберите прочь отъ меня!

МИЛАШИНЪ (*садится на другой сторонѣ комнаты; молчаніе*).

Вы меня обидѣли, Марья Андреевна, жестоко обидѣли. Я желалъ вамъ добра, я съ малолѣтства съ вами знакомъ, а вы меня отъ себя гоните. Скажите пожалуйста, чѣмъ я это заслужилъ? (*Молчаніе.*) Я только, по правамъ дружбы, хотѣлъ предостеречь васъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Отъ кого предостеречь? Ненужно мнѣ вашихъ предостереженій.

МИЛАШИНЪ.

Теперь ужъ я вижу, что ненужно, — вы такъ ему слѣпо вѣрите, что никого слушать не хотите. Я и не стану васъ разувѣрять; а все-таки это не мѣшаетъ мнѣ знать про него кой-какія вещи, не очень хорошія.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Вы можете знать, и можете говорить кому угодно, а все-таки вамъ никто не повѣритъ.

МИЛАШИНЪ.

Что я, подлець что-ли, по вашему? Вотъ чего я дождался отъ васъ за мою привязанность.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что-жъ вы узнали, говорите.

МИЛАШИНЪ.

Много узналъ, всего не перескажешь.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

И есть у васъ доказательства?

МИЛАШИНЪ.

Какія-же доказательства? Его поведеніе и безъ доказательствъ ясно.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ну, а если у васъ нѣтъ доказательствъ, такъ я вамъ говорю: не вѣрю, не вѣрю, не вѣрю!

МИЛАШИНЪ.

Можетъ быть, когда-нибудь я и докажу вамъ мои слова на самомъ дѣлѣ; только не будетъ-ли поздно.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Это ужъ не ваше дѣло. Когда будете имѣть доказательства, тогда и говорите, а до тѣхъ поръ молчите. (*Молчаніе.*) Что-жъ это такъ долго? (*Смотритъ въ окно. Молчаніе.*) Наконецъ-то!

МИЛАШИНЪ.

Что такое?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Владиміръ Васильчъ. Ну ужъ достанется ему отъ меня. (*Меричъ входитъ*)...

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ-ЖЕ И МЕРИЧЪ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что это вы пропали? Какъ вамъ не совѣстно!

МЕРИЧЪ (*цѣлуетъ руку*).

Виноватъ, Марья Андревна, виноватъ! И оправдываться не стану. Здравствуйте, Иванъ Ивановичъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Мнѣ нужно рассказать вамъ кой-какія новости, не совсѣмъ пріятныя.

МЕРИЧЪ.

Непріятныя! Это дурно. Вы меня пугаете.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да, для меня — очень непріятныя.

МЕРИЧЪ.

А если для васъ они непріятны, такъ ужъ и для меня также.

МИЛАШИНЪ.

Отчего-же это такъ? Позвольте васъ спросить.

МЕРИЧЪ.

По очень простой причинѣ, Иванъ Ивановичъ: я принимаю очень близко къ сердцу все, что касается до Марьи Андревны. Теперь вы поняли?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да, Иванъ Ивановичъ, это дѣло касается насъ обоихъ.

МИЛАШИНЪ.

Въ такомъ случаѣ, извините.

МЕРИЧЪ.

Что это вы похудѣли, поблѣднѣли, Марья Андревна?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я вамъ говорю, что у меня есть много непріятнаго; да ужъ и того довольно — я три дни васъ не видала. Чего я не передумала въ это время!...

МЕРИЧЪ.

Если я былъ хоть сколько-нибудь причиной вашего горя, то я считаю себя такъ виноватымъ, что не смѣю и оправдываться. Сердце у васъ доброе. А я постараюсь загладить свой проступокъ. Дайте ручку, въ знакъ перемирія. (*Цѣлуетъ у Марьи Андревны руку.*)

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да ужь конечно виноваты. Какъ это не заглянуть почти недѣлю!
Богъ съ вами! Я ужь къ вамъ посылала Дарью.

МЕРИЧЪ.

Она, вѣроятно, меня не застала дома; мы съ ней разошлись.

МИЛАШИНЪ (*въ сторону*)

Это невыносимо!

МЕРИЧЪ.

Зачѣмъ-же вы присылали Дарью ко мнѣ?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

За вами. Мнѣ очень нужно съ вами поговорить объ одномъ весьма
важномъ дѣлѣ.

МИЛАШИНЪ.

Прощайте, Марья Андревна.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Куда вы?

МИЛАШИНЪ.

За доказательствами.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Желаю вамъ успѣха. (*Милашинъ уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА И МЕРИЧЪ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Владиміръ, Владиміръ! Что ты со мной дѣлаешь! Я жду тебя,
не дождусь!

МЕРИЧЪ.

Что такое, что такое! Объ чемъ ты плачешь?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Владиміръ, у насъ страшное горе: мы проиграли дѣло... у насъ
отнимаютъ все.

МЕРИЧЪ.

Ахъ, Боже мой!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что теперь дѣлать? Маменька говоритъ, что намъ будетъ жить нечѣмъ. Единственное средство мнѣ, пожертвовать собой, выйти за Беневоленскаго. Я не могу опомниться, нынче я должна дать отвѣтъ.

МЕРИЧЪ.

Какъ это скверно!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*обнимаетъ его*).

Владиміръ, спаси меня!

МЕРИЧЪ (*освобождаясь*).

Погоди, погоди. Поговоримъ хладнокровно.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Какъ-же я могу говорить объ этомъ хладнокровно! Владиміръ, что мнѣ дѣлать!.. Жизнь и смерть моя отъ этаго зависятъ. (*Обнимаетъ его.*)

МЕРИЧЪ.

Какъ ты, Мери, неосторожна! Ну какъ кто увидитъ, что скажутъ?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Мнѣ теперь ужъ все равно, что бы ни говорили.

МЕРИЧЪ.

А я-то чѣмъ же виновать! Вѣдь все на меня падетъ; скажутъ, что я тутъ Богъ знаетъ что. Ты знаешь, у меня и безъ того какая репутація.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ты боишься? Ты, кажется, прежде не боялся.

МЕРИЧЪ.

Ты не понимаешь, теперь совсѣмъ другое дѣло; тогда не было твоей маменьки.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что-же мнѣ дѣлать! Я, ей-Богу, не знаю.

МЕРИЧЪ.

Ахъ, какъ это нехорошо, я совсѣмъ этаго не ожидалъ

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Владиміръ! пока я не видала тебя, я бы пошла, за кого угодно маменькѣ. Я полюбила тебя; ты мнѣ говорилъ, что меня любишь— какъ же мнѣ теперь разстаться съ тобой?

МЕРИЧЪ.

Скажи-же мнѣ, Мери, сдѣлай милость, чего тебѣ отъ меня хочется?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Владиміръ, опомнись, что ты говоришь! Въ какое ты меня ставишь положеніе! Мнѣ стыдно за себя. Я тебѣ, какъ другу, рассказываю свое горе, а ты спрашиваешь, чего мнѣ хочется! Что-же мнѣ сказать тебѣ: женись на мнѣ? Пощади меня!

МЕРИЧЪ.

Ахъ, Мери! Мери! Ты не знаешь, въ какихъ я теперь странныхъ обстоятельствахъ. (*Ходитъ по комнатѣ.*) Я рѣшительно теперь ничего не могу придумать.... рѣшительно ничего.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ничего?

МЕРИЧЪ.

Ничего

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

О Боже мой! (*Закрываетъ лицо руками.*)

МЕРИЧЪ.

То-то вотъ все еще неопытность!—Мнѣ надобно было бѣжать отъ тебя. Зачѣмъ я тебя встрѣтилъ! О судьба, судьба! Мнѣ легче бы было совсѣмъ не видать тебя, нежели смотрѣть, какъ ты страдаешь. Впрочемъ, я не думалъ, что ты такъ привяжешься ко мнѣ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что-же ты думалъ?

МЕРИЧЪ.

Я думалъ, что изъ нашихъ отношеній не выйдетъ ничего серьезнаго.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ты хотѣлъ позабавиться отъ скуки, для развлеченія, не правда-ли? Не ты-ли самъ говорилъ, что играть любовью тебѣ надоѣло.

МЕРИЧЪ.

Да развѣ я не люблю тебя? Развѣ я не страдаю теперь? О, кабы ты могла заглянуть въ мою душу! Но какъ-же быть? Надобно покориться своей участи; надобно быть тверже, Мери!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я была тверда, пока ты не обманулъ меня такъ жестоко. И тебѣ не жаль меня? Скажи, ради Бога!

МЕРИЧЪ.

Мнѣ очень жаль тебя, Мери, и тѣмъ больше жаль, что я не могу никакъ помочь тебѣ. Жениться я не могу на тебѣ, да и отецъ мой не позволить. Конечно, я бы не посмотрѣлъ на него, а обстоятельства, обстоятельства, которыя гнетутъ меня всю жизнь....

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ахъ, Боже мой! Скажи ты мнѣ, для чего ты меня обманывалъ, зачѣмъ клялся, когда я отъ тебя этаго не требовала?

МЕРИЧЪ.

Я люблю тебя, Мери! Я увлекся, я не сообразилъ. Я человѣкъ очень страстный.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ты любилъ? Никогда ты не любилъ меня. Я одна любила. Теперь мнѣ поведеніе твое стало ясно. Хоть ужъ и поздно, а я узнала тебя. Господи Боже мой! И ты смѣешь называть это любовью! Хороша любовь!—не только безъ самопожертвованія, даже безъ увлеченія! На насъ весь судъ, намъ не прощаютъ ничего.... Я къ тебѣ бросаюсь на шею, а ты оглядываешься, не увидалъ бы кто. Ты вспомни хорошенько: бывало ждешь тебя не дождешься; всѣ глаза проглядишь, а ты придешь, какъ ни въ чемъ не бывало, только развѣ обдумаешь дома, что говорить, да какъ бы сдѣлать шагъ впередъ.

МЕРИЧЪ.

Ты меня обижаешь. Что-жь, ты можешь говорить, что хочешь— ты вправѣ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Не говори, ради Бога! Вспомни о совѣсти хоть теперь-то. Теперь ужь тебѣ нѣтъ никакой нужды лгать. Теперь тебѣ остается только хвастаться своими успѣхами.

МЕРИЧЪ.

Послушай однако, за кого-жь ты меня считаешь?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

За кого нѣужно.

МЕРИЧЪ.

Я, наконецъ, не могу переносить этаго. (*Беретъ шляпу.*)

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ты уходишь? Прощай!

МЕРИЧЪ.

Не могу-же я слушать этаго! Ну, я виновать, я сознаюсь, да все не такъ-же, какъ ты говоришь. Все-таки я честный человекъ. Вѣдь обстоятельства, Мери, много значать.... Гдѣ-же вамъ это все знать,— вы женщины.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Вѣрю, вѣрю.

МЕРИЧЪ.

Нѣтъ, право. Ты не сердись на меня. Я не могъ и не могу иначе поступить, при всей любви къ тебѣ. Ты что хочешь говори, а я все-таки буду утверждать, что люблю тебя. Ты этому не вѣришь! Ты ошибаешься и обижаешь меня. Могу-ли я не любить тебя, такое прекрасное невинное созданіе!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Перестань, ради Бога!

МЕРИЧЪ.

При другихъ обстоятельствахъ, я бы отдалъ все на свѣтъ за счастье обладать тобой.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Перестань-же наконецъ.

МЕРИЧЪ.

Но мнѣ не суждено; что-жъ дѣлать! Намъ нужно разстаться.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Прощайте, прощайте! (*Меричъ цѣлуетъ руку, уходитъ медленно, потомъ возвращается.*)

МЕРИЧЪ.

Нѣтъ, я рѣшительно не могу уйдти безъ того, чтобъ еще разъ не взглянуть на тебя. (*Стоитъ, сложивъ руки на груди.*) Ты на меня не сердишься?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Не сержусь.

МЕРИЧЪ.

Вотъ и прекрасно. Прощай, Мери, прощай! Желаю тебѣ всякаго счастья. (*Отходитъ немного.*) Обо мнѣ забудь! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ IX.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*одна*).

И я повѣрила этому человѣку! Какъ мнѣ стыдно за себя.... Онъ ушелъ, и ему ничего! Онъ даже радъ, я думаю, что развязался.... А я, я? За что же я страдаю, чѣмъ я виновата! О Господи! зачѣмъ въ людяхъ такъ мало правды! Могла ли я знать, что онъ меня обманываетъ! Какъ мнѣ было знать! Почему мнѣ было знать!... За что онъ меня обманулъ! (*Плачетъ. Входитъ Милашинъ.*)

ЯВЛЕНИЕ X.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА и МИЛАШИНЪ.

МИЛАШИНЪ.

Вотъ доказательства, Марья Андревна.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Теперь ужь ненужно.

МИЛАШИНЪ.

Значить правду я говорилъ. Помилуйте, я его знаю очень хорошо. (*Читаетъ.*) «Простите моей дерзости, но я не могу болѣе скрывать страсти, которая меня сожигаетъ.»—Скажите, какія нѣжности!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что вы тамъ еще читаете?

МИЛАШИНЪ.

Вотъ, извольте посмотрѣть. (*Подаетъ ей записки. Марья Андреевна читаетъ про себя.*) Вы давеча говорили, что я лгу; я это помню, Марья Андреевна.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*рветъ записки и бросаетъ ихъ за окно*).

Только этаго не доставало! Это ужасно!

МИЛАШИНЪ.

Вотъ у меня еще есть. Не хотите-ли?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ахъ Боже мой! Да на что мнѣ онъ? Оставьте меня, ради Бога. Вы видите, въ какомъ я положеніи. (*Послѣ непродолжительнаго молчанія.*) Я сей-часъ видѣла Владиміра Васильича.

МИЛАШИНЪ.

Что-же онъ?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*плачетъ*).

Ему нѣтъ никакого дѣла до меня. Онъ говоритъ, что нужно покориться своей участи.

МИЛАШИНЪ.

Мерзавецъ! Марья Андреевна, перестаньте, не плачьте! Я готовъ жизнію пожертвовать для васъ. Скажите, Марья Андреевна, чѣмъ я могу быть для васъ полезенъ—я на все готовъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Вы ничего не можете для меня сдѣлать. Дайте мнѣ немного успокоиться. Мое самолюбіе оскорблено, мнѣ стыдно за себя. Я не о томъ плачу, что мнѣ нужно пожертвовать собой,—я ужъ примирилась съ этой мыслию; а объ томъ, что я была игрушкой пустаго человѣка. Чѣмъ вы мнѣ можете помочь?

МИЛАШИНЪ.

Хотите, я его вызову на дуэль? Вы думаете не вызову? Непременно вызову.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что вы выдумываете! Зачѣмъ вы это сдѣлаете, какъ, по какому праву?

МИЛАШИНЪ.

Да, въ самомъ дѣлѣ, неловко! Я такъ только спросилъ у васъ, а то, какъ вамъ угодно. Мнѣ жизнь не дорога.... Я не могу видѣть, какъ вы страдаете! Неужели я рѣшительно ничѣмъ не могу вамъ помочь?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Однимъ только: оставьте меня въ покоѣ.

МИЛАШИНЪ.

Вы меня гоните! Вы вотъ какъ со мной поступаете! Ну, такъ я вамъ докажу, что я не заслуживаю этаго. Я, Марья Андревна, не Меричъ! Я очень хорошо понимаю ваше положеніе! Выйти за Беневоленскаго! Какому-нибудь скоту придетъ фантазія за васъ свататься, а вы должны идти за него! Нѣтъ, это невыносимо! Это ужасно досадно! Знаете-ли что, Марья Андревна? Я человѣкъ бѣдный, я, можетъ быть, самъ не знаю, чѣмъ содержать себя одного, не только съ женой; но я не сдѣлалъ бы такъ, какъ Меричъ: не уступилъ бы васъ на жертву Беневоленскому. Марья Андревна! я предлагаю вамъ свою руку; мнѣ хочется доказать вамъ, что я благородный человѣкъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ахъ, Иванъ Ивановичъ, не хотѣлось бы мнѣ васъ обидѣть, да нечего дѣлать. Не нуждаюсь я ни въ вашей помощи, ни въ вашемъ благородствѣ; не пойду я за васъ ни за что на свѣтѣ.

М и л а ш и н ъ .

Да, конечно, я не Беневоленскій; онъ завидный женихъ.

М а р ь я А н д р е е в н а .

Беневоленскій человѣкъ съ состояніемъ, да и маменька хочетъ, чтобъ я за него вышла; вотъ почему я предпочту Беневоленскаго.

М и л а ш и н ъ .

Не угодно? Какъ вамъ угодно! Миѣ только одно обидно: за что вы меня унижаете, ставите хуже какого-нибудь Мерича. Я дѣлаю вамъ честное предложеніе, а вы на меня сердитесь; а Мерича не гнали прочь, когда онъ ухаживалъ за вами.

М а р ь я А н д р е е в н а .

Послушайте, за кого вы меня принимаете? Вы даже не имѣете уваженія ко миѣ. Нѣтъ, надобно это покончить однимъ разомъ. Будетъ плакать. (*Утираетъ глаза.*) Еслибъ теперь Меричъ сдѣлалъ предложеніе, я-бъ не пошла за него. Я выхожу за Беневоленскаго— это рѣшено. Не замѣтно, что я плакала? Миѣ хочется показать маменькѣ, что я безъ всякаго усилія рѣшилась выдти за-мужъ. Пусть она будетъ весела и покойна, я возьму все на себя. Полноте дуться и вы. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, не замѣтно слезъ?

М и л а ш и н ъ .

Почти не замѣтно.

М а р ь я А н д р е е в н а .

Ну и слава Богу! Станемте смѣяться, станемте разговаривать о чемъ-нибудь о постороннемъ. Не были-ли вы въ театрахъ какъ-нибудь на дняхъ?

М и л а ш и н ъ .

Вы думаете меня обмануть и себя также. Для чего это? Вѣдь я знаю, что у васъ на душѣ.

М а р ь я А н д р е е в н а (*топаетъ ногой*).

Я совсѣмъ васъ не обманываю; миѣ, право, что-то вдругъ весело сдѣлалось. Давайте играть во что-нибудь. Ахъ, вотъ карты! Давайте играть въ карты.

М и л а ш и н ъ .

Давайте, пожалуй, если вамъ угодно. (*Садится къ столу.*)

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Во что-же? Въ дураки давайте.

Милашинъ *(сдаетъ)*.

Поиграемте, поиграемте. Послушайте, Марья Андревна, — вы притворяетесь. Вы не хотите, чтобъ я видѣлъ ваши слезы. Зачѣмъ-же вы отъ меня-то скрываетесь: я вамъ не чужой. Это досадно!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Играйте, играйте, а то останетесь.

Милашинъ.

Вы такъ горды, что не хотите мнѣ позволить принимать въ васъ участіе. Вѣдь это замѣтно, что вы притворяетесь.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что, остались! *(Смѣется.)*

Милашинъ.

Ну что-жь, остался. *(Мѣшаетъ карты, сдаетъ.)* Вѣдь это ужасно досадно! Это гордость! Вы меня этимъ унижаете, не считаете ни за что!...

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Вы принимаете, еще принимаете. Ну такъ вы опять остались! *(Хохочетъ.)*

Милашинъ.

Вѣдь это невыносимо, просто.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Сдавайте, сдавайте. Что-же вы! *(Милашинъ сдаетъ. Марья Андревна задумывается, закрываетъ глаза платкомъ и опирается руками на столъ; потомъ утираетъ глаза и беретъ карты.)* Кому ходить, мнѣ? *(Анна Петровна входитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ-ЖЕ И АННА ПЕТРОВНА.

АННА ПЕТРОВНА.

Что это у васъ за смѣхъ?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да вотъ Иванъ Ивановичъ все остается. Вы совсѣмъ не умѣете играть. Когда-же мы, маменька, напишемъ отвѣтъ Максиму Дорофе-

ичу? (*Продолжаетъ играть въ карты.*) Поблагодарите его за предложеніе, и напишите, что я согласна.

Анна Петровна.

Ты, Маша, согласна? Ну, спасибо тебѣ, утѣшила ты меня. Вотъ теперь я вижу, что ты меня любишь. Обрадовала ты меня... Ужъ такъ обрадовала, что и сказать нельзя... Вотъ, Иванъ Ивановичъ, у меня дочка... и красавица и умница. Гдѣ тутъ бумага была? Вотъ теперь вдругъ-то и не придумаешь, что написать. (*Беретъ бумагу и пишетъ. Марья Андреевна и Милашинъ играютъ въ карты.*)

Марья Андреевна (*Милашину*).

Хоть бы поскорѣе это кончилось, моихъ силъ больше нестаетъ. (*Встаетъ.*) Дайте, я вамъ помогу. Что вы пишете?

Анна Петровна.

А вотъ: «Милостивый Государь, Максимъ Дорофенчъ! Благодарю васъ за лестное для насъ предложеніе. Машенька согласна и проситъ васъ сегодня на чашку чаю.» Хорошо-ли такъ-то? Ужъ я не знаю. А? Аль другое написать?

Марья Андреевна.

Нѣтъ, прекрасно, прекрасно! Вотъ и отошлите поскорѣй.

Анна Петровна.

Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, хорошо? Иванъ Ивановичъ, хорошо?

Милашинъ.

Очень хорошо.

Анна Петровна.

А не надо-ли чего прибавить?

Марья Андреевна.

Нѣтъ, ненадо, ничего ненадо... довольно и этаго. Пошлите поскорѣй. Дарья, Дарья! (*Входитъ Дарья.*) Пошли поскорѣй когонибудь съ этимъ письмомъ къ Максиму Дорофенчу. Ступай, Дарья, поскорѣй. Я не выдержу больше... Иванъ Ивановичъ, миѣ дурно! (*Милашинъ подбѣгаетъ, подаетъ ей стулъ; Марья Андреевна сидитъ нѣсколько времени въ изнеможеніи; потомъ заливается слезами.*)

Анна Петровна.

Машенька! Машенька! Что ты? Что съ тобой?

Милашинъ (въ сторону).

Что-же это такое!

Марья Андреевна.

Ничего, это пройдетъ. Мнѣ дурно что-то. Не беспокойтесь.

Анна Петровна.

Поцѣлуй меня, Машенька! Умница ты моя....

Марья Андреевна.

Что, маменька, хорошій онъ человѣкъ?

Анна Петровна.

Хорошій! Ужъ я не отдамъ тебя за дурнаго.

Марья Андреевна (въ слезахъ).

Онъ меня станетъ любить? Если онъ меня будетъ любить, и я его буду любить.

Анна Петровна.

Да о чемъ-же ты плачешь-то, глупенькая?

Милашинъ.

Неужели это васъ удивляетъ, что Марья Андреевна плачетъ. Это странно!

Анна Петровна.

А что-жъ тутъ, батюшка, страннаго? Она сама объявила желаніе выйти за Беневоленскаго, а теперь плачетъ. Чѣмъ же не партія?

Милашинъ.

А что-жъ особенно завиднаго въ Беневоленскомъ?

Анна Петровна.

А то, что ты молодъ еще судить-то постарше себя. Онъ солидный человѣкъ, съ небольшимъ въ 30 лѣтъ ужъ состояніе имѣеть; дѣломъ занимается, а у васъ все гулимоны да пошлости на умѣ.

М и л а ш и н ъ .

Состояніе! А гдѣ взялъ онъ это состояніе, спросить надобно. У насъ совѣсть есть, оттого и состоянія нѣтъ. Состояніе нажить немудрено.

А н н а П е т р о в н а .

Да, поди вотъ, наживи, да тогда ужъ и разговаривай!

М и л а ш и н ъ .

Я и теперь могу разсуждать, кто честный человѣкъ, а кто нѣтъ. Счастіе не въ богатствѣ, а въ душевномъ спокойствіи. Соединить свою судьбу съ такимъ человѣкомъ, котораго, того и гляди, отдадутъ подъ судъ....

А н н а П е т р о в н а .

Да, очень нужны мнѣ все эти резоны! Я, батюшка, мать! Такъ, зря, дѣла не сдѣлаю. Еще молодъ очень учить-то меня! Наживи-ка своихъ дѣтей, да тогда и выдавай, какъ знаешь. Учить-то всякій умѣетъ, а попробуй-ка за дѣло-то взяться, такъ и нѣтъ ничего. Все одни фантазіи дурацкія. Вотъ тутъ съ вами табатерку потеряла. О! чтобъ васъ! Дарья! Дарья!

Д а р њ я (входитъ).

Что угодно?

А н н а П е т р о в н а .

Что глаза-то вытарщила! Сыщи табатерку! (Дарья уходитъ.)

М и л а ш и н ъ .

Меня вы можете бранить, сколько вамъ угодно, а за что же должна гибнуть Марья Андревна?

А н н а П е т р о в н а .

Поди ты, я тебя и слушать-то не хочу. А она должна понимать, кажется, что такое мать для нея. Чего мнѣ стоило ее выростить-то. Надо мнѣ видѣть отъ нее какое-нибудь утѣшеніе. Полно плакать-то!

М а р њ я А н д р е е в н а .

Развѣ я вамъ, маменька, не угождала? Развѣ вы были недовольны мной когда-нибудь?

А Н Н А П Е Т Р О В Н А .

Что тамъ про старое толковать ; я того и знать не хочу. Лёгко ли дѣло, нужно мнѣ очень помнить, когда ты мнѣ угодила, когда нѣтъ. Вотъ теперь я вижу твою благодарность. Мать, на старости лѣтъ, ни дня, ни ночи покою не знаетъ, женское дѣло, измаялась вся. Нашла ей жениха, что она и сама-то его не стоитъ, а она плачетъ да убивается, какъ будто я ей злодѣйка какая!

М А Р Ъ Я А Н Д Р Е Е В Н А .

Да вѣдь я, маменька, согласна.

А Н Н А П Е Т Р О В Н А .

Вижу я, какъ ты согласна-то. (*Входитъ Дарья.*) Что ты еще?

Д А Р Ъ Я .

Табатерку извольте.

А Н Н А П Е Т Р О В Н А .

Ишь ты тебя принесло, нашла время!

Д А Р Ъ Я (*идетъ*).

Ну, раскудахталась.

А Н Н А П Е Т Р О В Н А .

Другая бы радовалась, да не знала, какъ благодарить мать-то за такого жениха, а не то чтобъ растроивать. Мое дѣло женское, я женщина сырая, а тебѣ все ничего. Ты объ матери-то и не думаешь, какъ бы мать порадовать.

М А Р Ъ Я А Н Д Р Е Е В Н А .

Маменька! Ради Бога! Что вы говорите! (*Плачетъ.*) Боже мой, что это такое!

А Н Н А П Е Т Р О В Н А (*помолчавши и успокоившись*).

Что-жъ, конечно, я на тебя не могу пожаловаться, ты меня всегда слушалась.... Да что-жъ теперь-то ты, Машенька! Ну, полно, перестань! Мнѣ вѣдь и самой тебя жаль. Я тебя обидѣла.... Что-жъ дѣлать, прости. Я вѣдь женщина, у меня сердце слабое, горячее, разкипитъ, другой разъ, и не уймешь; сами виноваты, что до этого доводите! Иногда что и скажется сгоряча.... обижаться-то на меня за это грѣхъ, дѣло женское.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я на васъ не обижаюсь....

АННА ПЕТРОВНА.

Что-жъ дѣлать, хороша-ли, худа-ли, все-таки мать. Выдешь замужъ, и такой не будетъ. Ну полно-же, другъ мой. Мнѣ развѣ весело смотрѣть на тебя, какъ ты плачешь. Богъ съ тобой, что ты это! (*Всѣ лица на лѣвой сторонѣ; входитъ Хорьковъ и останавливается среди сцены.*)

ЯВЛЕНИЕ XII.

ТѢ-ЖЕ И ХОРЬКОВЪ.

ХОРЬКОВЪ.

Марья Андревна! моя мать васъ обидѣла; я пришелъ просить прощенья за нее.

АННА ПЕТРОВНА.

Да, батюшка, нечего сказать, хорошая женщина ваша маменька.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*тихо*).

Маменька, онъ, кажется, пьянъ; молчите пожалуйста.

МИЛАШИНЪ (*Марья Андревнѣ*).

Онъ ужъ четвертый день пьетъ, какъ ушелъ тогда отъ васъ, и запилъ. Ходить по комнатѣ, плачетъ и пьетъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Неужели? Ахъ бѣдный!

ХОРЬКОВЪ.

Что такое? Слезы! Объ чемъ вы плачете? Я не хотѣлъ васъ обидѣть.... я бы умеръ для васъ, Марья Андревна. Это мать.... она простая женщина. Я не зналъ, что она была у васъ, не зналъ.... Я-бъ ее не пустилъ къ вамъ.... Она простая женщина, не понимаетъ ничего... Гдѣ-же ей васъ понять! Что-жъ дѣлать! мать... любить... воспитала.... Марья Андревна, простите! (*Становится на колѣни.*)

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что вы, что вы, Михайло Ивановичъ! Встаньте! Я ни на васъ, ни на вашу маменьку не сержусь; напротивъ, я вамъ очень благодарна за ваше расположеніе.

ХОРЬКОВЪ (*встаетъ*).

Объ чемъ-же вы плачете? Скажите мнѣ, объ чемъ вы плачете?
Кто васъ обидѣлъ?

АННА ПЕТРОВНА.

Ахъ молодой человѣкъ, молодой человѣкъ!...

ХОРЬКОВЪ.

Что вы, Анна Петровна!... Ахъ, вы не знаете! ... Ужъ молчите лучше! (*Къ Марью Андреевну.*) Васъ, вѣроятно, маменька обидѣла? Не сердитесь на нее.... Богъ съ ними.... они не знаютъ.... не сердитесь на нее... вѣдь любятъ.... воспитывали.... учили....

АННА ПЕТРОВНА.

Пойдемъ, Машенька, пора одѣваться, скоро Максимъ Дорофеичъ пріѣдетъ. (*Милашину тихо.*) Уведите его, Иванъ Ивановичъ.

МИЛАШИНЪ (*беретъ шляпу*).

Пойдемте, Михайло Ивановичъ.

ХОРЬКОВЪ.

Что? Мальчишка!

МИЛАШИНЪ.

Что-же вы бранитесь! Я васъ хочу увести отсюда, потому что вы пьяны. (*Хорьковъ стоитъ задумавшись.*)

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*встаетъ*).

Перестаньте, Иванъ Ивановичъ!

МИЛАШИНЪ.

Что-же онъ бранится! Это досадно.

ХОРЬКОВЪ.

Да, скверно, скверно! Извините.... Куда я годенъ! пьяный.... въ чужомъ домѣ...

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ахъ, какъ мнѣ его жаль, какъ мнѣ его жаль!

ХОРЬКОВЪ.

Марья Андревна, не презирайте меня! Я люблю васъ.... Я не могъ перенести вашего отказу. Конечно, это гадко.... подло.... недостойно.... Но что-жъ дѣлать, я жалкій человѣкъ! Я вѣдь люблю васъ, очень люблю!...

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я сама васъ люблю, Михайло Иванычъ. Я очень жалѣю, что поздно васъ узнала. Я выхожу за-мужъ.... за Беневоленскаго. (*Плачетъ.*)

ХОРЬКОВЪ.

За Беневоленскаго!.... Это жертва.... да, жертва. Что-жъ благородно.... благородно.... слезы...

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*садится на стулъ*).

Ахъ, Михайло Иванычъ, мнѣ тяжело, очень тяжело.

АННА ПЕТРОВНА.

Она это для матери дѣлаетъ. Максимъ Дорофеичъ — человѣкъ хороший и съ состояніемъ.

ХОРЬКОВЪ.

Да, съ состояніемъ. Слезы, Слезы... вѣчныя слезы.... чахотка, не живши, не видавши радостей жизни... Прощайте. (*Становится на колѣни, беретъ руку Марьи Андреевны и цѣлуетъ.*) Я самъ не переживу! (*Марья Андреевна въ обморокъ, всѣ суетятся около нея, Хорьковъ плачетъ, прислонившись къ стѣнѣ.*)

Конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ V.

Сцена представляетъ небольшую комнату. Направо отъ зрителей дверь въ залу; ближе къ зрителямъ трюмо; прямо—дверь въ переднюю; налѣво диванъ, передъ диваномъ круглый столъ, далье еще дверь, въ углу простой столъ, на которомъ чашки и бутылки. Дарья устанавливаетъ бутылки на столъ, офиціантъ устанавливаетъ чашки на подносъ, потомъ беретъ подносъ и идетъ къ двери. Входитъ Добротворскій.)

ЯВЛЕНІЕ I.

ДАРЬЯ, ОФФИЦІАНТЪ и ДОБРОТВОРСКІЙ.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Ты что это, любезный, несешь?

ОФФИЦІАНТЪ.

Чай-съ.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

А рому-то что-жъ не захватилъ?

ОФФИЦІАНТЪ.

Сперва такъ обнесемъ-съ.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Эхъ, братецъ! не знаешь ты, кого чѣмъ подчивать. Ишь, все дѣловые люди собрались, съ свѣтлыми пуговицами сидятъ.

ОФФИЦІАНТЪ.

Дарья Семеновна, пожалуйста рому-съ.

ДАРЬЯ.

Что тамъ еще! О! чтобъ васъ! Рому, что-ль?

ОФФИЦІАНТЪ.

Рому требуютъ-сь. (*Беретъ бутылку и ставитъ на поднось.*)

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Дай ужъ и мнѣ, я тутъ къ сторонкѣ сяду, на просторѣ пуншику попью. (*Беретъ чашку и садится на диванъ. Оффиціантъ уходитъ въ дверь направо. Входитъ женщина въ капоть и въ платкѣ.*)

ЖЕНЩИНА ВЪ КАПОТѢ.

Танцы будутъ, матушка? Барышня прислала спросить. У насъ, матушка, семь барышень. Безпремѣнно, говоритъ, узнай: коли танцы будутъ, такъ и мы придемъ посмотрѣть.

ДАРЬЯ.

Будутъ, будутъ. О! чтобъ васъ тутъ! (*Женщина уходитъ. Входитъ нѣсколько лицъ и проходятъ къ двери направо; въ дверяхъ показывается кучеръ.*)

ДАРЬЯ.

Ты зачѣмъ?

КУЧЕРЪ.

Сватьбу смотрѣть.

ДАРЬЯ.

О! мужланъ, туда-же лѣзеть!

КУЧЕРЪ.

А ты что за барыня!

ДАРЬЯ.

Да ты не хайли! Что горло-то распустилъ?

КУЧЕРЪ.

А вы потише, а то неравно испугаюсь.

ДАРЬЯ.

Говорятъ, пошелъ вонъ!

КУЧЕРЬ.

Пойду. (*Уходитъ*).

ДАРЬЯ.

О! чтобъ васъ, такъ бы, кажется!... (*Уходитъ. Входятъ разные лица и смотрятъ въ дверь направо. Между ними двѣ женщины, довольно хорошо одѣтыя, дѣвушка, покрытая платкомъ, и двое молодыхъ людей въ синихъ чуйкахъ*).

1-й молодой человекъ (*дѣвушка, покрытой платкомъ*).

Позвольте узнать,—какой женихъ-съ?

ДѢВУШКА.

Вотъ этотъ.

1-й молодой человекъ.

Такъ-съ. А гдѣ невеста-съ?

ДѢВУШКА.

Вотъ она.

1-й молодой человекъ.

Такъ-съ. А вы далеко живете-съ?

ДѢВУШКА.

Не доходя—прошедши.

1-й молодой человекъ.

Я самъ оттедова недалечко-съ. Позвольте васъ проводить.

ДѢВУШКА.

И безъ васъ дорогу знаемъ.

2-й молодой человекъ (*1-му молодому человеку*).

Что! налетѣлъ съ ковшомъ на брагу! (*Дѣвушка.*) Что вы его слушаете, онъ у насъ ужъ извѣстный по этимъ дѣламъ. (*Къ 1-му*). Что ты пристаешь въ самомъ дѣлѣ. Тутъ, братъ, тебѣ нечего взять. Ишь разлетѣлся! (*Дѣвушка.*) Онъ намедни изъ городу одну въ Рогожскую провожалъ, а тамъ его метлой дворникъ и пугнулъ; такъ взадъ-впередъ даромъ пѣшкомъ и проходилъ.

1-й молодой человекъ.

Буде врать-то, любезный!

2-й молодой человекъ.

Что врать-то! не съ твоимъ, братъ, рыломъ! ты видишь, барышня какая! Что вы, сударыня, здѣшнія? (*Продолжаютъ говорить шепотомъ. Изъ толпы выходятъ на авансцену двѣ женщины — Дуня и Паша*).

П а ш а.

Будто тебѣ его, Дуня, не жаль?

Д у н я.

Ничего-таки не жаль. Что я жила, — маялась! Приѣдетъ, бывало, пьяный да олаберный, — такъ какъ обѣснующій какой. Я ужъ давно ему говорю: развяжи ты мою голову; хоть бы ты женился; авось остепенишься немножко. Взялъ бы, говорю, хорошенькую барышню, такъ и самъ бы, можетъ быть, сталъ порядочнымъ человекомъ, а то что такъ-то мотаешься!

П а ш а.

Что ты говоришь!

Д у н я.

Да, право, такъ, Паша.

П а ш а.

Такъ это другое дѣло. Пойдемъ, посмотримъ приданое.

Д у н я.

Пойдемъ, Паша. (*Уходятъ въ дверь нальво. Толпа мало по малу расходится, остаются нѣсколько старухъ. Добротворскій пѣетъ пуншъ. Входятъ: Марья Андреевна и Беневоленскій*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Добротворскій, Беневоленскій и Марья Андреевна.

Беневоленскій.

Вы, сударыня, только извольте приказывать, а ужъ я буду все исполнять въ точности.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Вы меня станете слушаться во всемъ, Максимъ Дорофеичъ?

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Честное слово благороднаго человѣка.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я вамъ откровенно скажу: мнѣ въ вашемъ характерѣ кой-что не нравится; мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы оставили нѣкоторыя привычки. Съ тѣмъ и иду за васъ. Вы меня послушаетесь?

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Все, что вамъ угодно. Изъ любви къ вамъ, я на все готовъ. Вамъ не угодно было, чтобы я водку пилъ — я ее бросилъ; вы мнѣ не приказывали табакъ нюхать — я и не нюхаю. А, Платонъ Маркычъ, ты здѣсь! Приходи ко мнѣ какъ-нибудь, я тебѣ подарю серебряную табакерку.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Покорно благодарю, Максимъ Дорофеичъ, зайду какъ-нибудь.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Я вашъ покорнѣйшій слуга на всю жизнь. Позвольте ручку поцѣловать. Вамъ, можетъ быть, угодно здѣсь однимъ остаться?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да, мнѣ нужно поговорить съ Платономъ Маркычемъ.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Ухожу-съ. Видите, какъ я послушенъ. (*Подходитъ къ Платону Марковичу.*) Что, ловко я себя держу?

ДОБРОТВОРСКІЙ (*одобрительно кивая головой*).

Хорошо. (*Беневоленскій уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА И ДОБРОТВОРСКІЙ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Глупа я, Платонъ Маркычъ, скажите мнѣ. Такъ вѣдь, неправда-ли?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Что вы! Кто смѣетъ сказать! Нѣтъ, вы у насъ умница.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Послушайте, Платонъ Маркычъ, что мнѣ въ голову пришло. Можетъ быть, вамъ это смѣшно покажется. Я думала, думала... да, знаете-ли, до чего додумалась? (*Добротворскій смотритъ на нее*). Только вы не смѣйтесь надо мной... Мнѣ показалось, что я затѣмъ иду за него за-мужъ, чтобы исправить его, сдѣлать изъ него порядочнаго человѣка. Глупо вѣдь это, Платонъ Маркычъ? Вѣдь это пустяки, нельзя этаго сдѣлать, а? Платонъ Маркычъ, не такъ-ли? Все это дѣтскія мечты?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Звѣри лютые, и тѣ укрощаются...

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Безъ этой мысли, Платонъ Маркычъ, мнѣ было-бы очень тяжело. Только этимъ я теперь и живу. Поддерживайте меня, Платонъ Маркычъ.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Знаете-ли, барышня, я вамъ русскую пословицу скажу: что будетъ, то будетъ; а что будетъ, то Богъ дастъ. А другая еще пословица говорится: суженаго конемъ не объѣдешь. (*Марья Андреевна садится на стулъ къ трюмо и задумывается; входитъ Дарья и выгоняетъ со сцены зрителей, которые проходятъ въ заднюю дверь.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ-же и ДАРЬЯ.

ДАРЬЯ.

О, чтобъ васъ! Куда зашли! Коли хотите смотрѣть, такъ стойте въ передней. Да чего и смотрѣть-то! Эка невидаль какая!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Поправь мнѣ прическу. (*Добротворскій уходитъ.*)

ДАРЬЯ (*поправляетъ прическу*).

Барышня, Владиміръ Васильичъ здѣсь въ саду.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ну такъ что-жь?

ДАРЬЯ.

Они просятъ позволенія войти, хотятъ поговорить съ вами.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Это что еще? Затвори эту дверь. Позови его. *(Дарья уходитъ.)*
Зачѣмъ онъ? Послушаемъ, что онъ скажетъ. Странно, какъ скоро я его разлюбила. Мнѣ теперь онъ представляется совершенно постороннимъ человѣкомъ. Я его жду безъ всякаго волненія. А прежде? *(Меричъ входитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ V.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА И МЕРИЧЪ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА *(не оборачиваясь къ нему)*.

Зачѣмъ вы?

МЕРИЧЪ.

Поглядѣть на васъ послѣдній разъ. Неужели вы мнѣ въ этомъ откажете!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА *(поворачиваясь къ нему)*.

Хороша я?

МЕРИЧЪ.

Обворожительна.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Прощайте, мнѣ пора къ жениху.

МЕРИЧЪ.

Ахъ, погодите, Марья Андревна, ради Бога. Выслушайте меня. Позвольте мнѣ хоть полюбоваться на васъ еще нѣсколько минутъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я слушаю. Что вамъ угодно?

МЕРИЧЪ.

Не сердитесь на меня, Марья Андревна.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я на васъ не сержусь.

МЕРИЧЪ.

Вы хотите сказать, что я не стою того, чтобы вы на меня сердились. Извините, вы, кажется, меня не такъ поняли. Мнѣ хочется передъ вами оправдаться.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Въ чемъ вамъ оправдываться? Я во всемъ виню себя. Я думала, что вы человѣкъ способный любить, и ошиблась. Я искала любви, вы — интриги, побѣды. Мы съ вами не пара.

МЕРИЧЪ.

Васъ я любилъ истинно, Марья Андревна....

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Это неправда, Владиміръ Васильчъ. (*Подумавъ.*) Скажите, пожалуйста, кого вы обманываете? Чѣмъ вы берете? Всѣ ваши побѣды, вѣроятно, то же, что было со мной. Дѣвушка сама бросается къ вамъ, а вы потомъ хвастаетесь побѣдой. Не такъ ли? Я бы васъ сама разлюбила скоро, какъ бы далеко ни зашла наша любовь. Немного больше страданій, раскаянія, стыда, а все-таки разлюбила бы васъ. Мнѣ нужно было чтобъ меня любили! Только этаго я хотѣла.

МЕРИЧЪ.

Безцѣнная женщина!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Вы прежде не хотѣли меня слушать, теперь вы выслушаете меня. Какъ я была счастлива, еслибъ я родилась полегкомысленнѣе. Меня бы занимали наряды, маленькія интрижки, и все бы было такъ легко, весело; я бы влюблялась, забавлялась. Я теперь иначе смотрю на жизнь: я выхожу за-мужъ и хочу быть хорошей женой.

МЕРИЧЪ.

Боже мой, какъ я ошибался! Я не зналъ васъ, Марья Андревна. Я теперь вижу всю пошлость своего поведенія...

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Не знаю, отъ души вы сознаетесь или нѣтъ; но я вамъ вѣрю, не хочу васъ обижать. За себя я на васъ не сержусь; я бы желала только, чтобы это послужило вамъ урокомъ. Разстанемся друзьями. *(Протягиваетъ ему руку.)*

МЕРИЧЪ *(цѣлуя ея руку).*

Мери, я люблю тебя!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Поздно, Владиміръ Васильчъ, поздно... Предо мной новый путь, и я его напередъ знаю. У меня еще много впереди для женскаго сердца! Говорятъ, онъ грубъ, необразованъ, взяточникъ; но это, быть можетъ, оттого, что подлѣ него не было порядочнаго человѣка, не было женщины. — Говорятъ, женщина много можетъ сдѣлать, если захочетъ. Вотъ моя обязанность. И я чувствую, что во мнѣ есть силы. Я заставлю его любить меня, уважать и слушаться. Наконецъ—дѣти, я буду жить для дѣтей. Вы улыбаетесь! Какъ это честно съ вашей стороны! Даже еслибы все, что я вамъ говорю, были мечты однѣ, которымъ никогда не осуществиться, вы все-таки не должны разочаровывать меня. Мнѣ онѣ нужны, чтобы поддержать меня въ моемъ теперешнемъ положеніи... Ахъ, Владиміръ Васильчъ, Богъ съ вами... Вѣдь мнѣ тяжело.... мнѣ очень тяжело, — и никто не хочетъ знать этаго.

МЕРИЧЪ.

Я вамъ желаю всякаго счастья. Но мнѣ кажется, что съ такимъ человѣкомъ оно для васъ невозможно.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Нѣтъ, Владиміръ Васильчъ, вамъ не видать моихъ страданій. Я не доставлю вамъ удовольствія пожалѣть меня. Какія бы ни были обстоятельства, я хочу быть счастливой, хочу,—чего бы мнѣ это ни стоило. За что-же мнѣ страдать? Разсудите сами,—ну разсудите. За то, что я ошибалась, что меня безжалостно обманывали, что я, наконецъ, исполняю долгъ и спасаю мать... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!... Я буду счастлива, буду любима.... Неправда-ли? Скажите.... да, да.... Говорите-же! Мнѣ такъ нужно,—не противорѣчьте мнѣ...

МЕРИЧЪ *(подумавъ).*

Да!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Покорно васъ благодарю. Прощайте. (*Уходитъ.*)

МЕРИЧЪ (*одинъ*).

Какая умная дѣвушка! Желалъ бы я знать, что она обо мнѣ думаетъ. Неужели она меня считаетъ пустымъ человѣкомъ?... А впрочемъ еще, слава Богу, что такъ кончилось,—будь она поглупѣе, такъ не зналъ бы какъ и развязаться; однимъ упрекамъ не было бы конца, а еще, пожалуй, женили бы. (*Милашинъ входитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ VI.

МЕРИЧЪ и МИЛАШИНЪ.

МИЛАШИНЪ.

И вы здѣсь!

МЕРИЧЪ.

Да, приходилъ проститься съ Мери. Я ее любилъ, Иванъ Ивановичъ. Я отъ васъ не скрою: для меня очень чувствительно потерять такую женщину. Ахъ, какъ она меня любила! И вы посмотрите на нее теперь: сколько у ней воли, какъ она твердо переноситъ свои страданія! Только я знаю, какъ она страдаетъ. Я не говорю про себя, — я мужчина. Вы здѣсь на вечеръ?

МИЛАШИНЪ.

Да.

МЕРИЧЪ.

Сдѣлайте милость, если замѣтите, что она будетъ очень грустить, утѣшайте ее, вы меня этимъ много обяжете. И, пожалуйста, старайтесь сдѣлать такъ, чтобы ничто ей не напоминало меня. Я на васъ надѣюсь, Иванъ Ивановичъ. Прощайте.... (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ VII.

МИЛАШИНЪ (*одинъ*).

Однако это ужасно! Въ цѣлый вечеръ она не сказала со мной ни одного слова, а приходила сюда прощаться съ Меричемъ. Я хожу, тоскую три часа сряду, и хоть бы одинъ взглядъ. Это ужасно до-

сдно. Или лицо у меня не такъ выразительно, что-ли? Мнѣ хотѣлось бы, чтобы лицо мое выражало теперь самую глубокую скорбь. (*Смотритъ въ зеркало.*) Фу, какое глупое выраженіе... смѣшное даже! Нѣтъ, пусть-же она замѣтитъ злую пропію въ моихъ глазахъ. (*Смотритъ въ зеркало.*) А если она не захочетъ замѣтитъ.... Ахъ, да изъ чего же я хлопочу?... Уйти? Она, пожалуй, не замѣтитъ моего отсутствія. А, чертъ возьми!... Нѣтъ, останусь. Буду хладнокровнымъ зрителемъ, буду смотрѣть холодно. Изъ чего я въ самомъ дѣлѣ горячусь! А какъ она нынче хороша-то! Какъ держитъ себя! Нѣтъ, чертъ возьми, это ужасно досадно. И какіе скоты все кругомъ нея! У меня, кажется, нынче разольется жолчь. И этотъ женихъ, этотъ женихъ! И она еще къ нему ласкается! Нѣтъ, она замѣтитъ, какими я глазами буду глядѣть на него. (*Уходитъ. Разныя лица проходятъ по сценѣ къ двери направо. Беневоленскій и Добротворскій входятъ подъ руку.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ и ДОБРОТВОРСКІЙ.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Благодаренъ тебѣ, Платонъ Маркычъ, весьма благодаренъ. Ты меня много, много обязалъ. Марья Андревна и умна и образована. Именно такую жену мнѣ и нужно.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Хе, хе, хе, любезнѣйшій! Что ужъ теперь толковать. Подлѣли молодца! Какова ни есть, ужъ теперь нечего назадъ пятиться!... Шучу, шучу....

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Да-съ, я тебѣ скажу, съ такою женой не стыдно показаться въ общество. (*Останавливается передъ зеркаломъ и гладитъ подбородокъ.*) Что-жъ, насъ будетъ пара, какъ ты думаешь?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Ахъ вы, проказникъ! (*Хохочетъ.*) Ишь ты какія штучки выдумываетъ!

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Чему-же ты смѣешься?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Будеть вамъ проказничать-то, уморили со смѣху! Поцѣлуемтесь.
(*Цѣлуются.*)

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ (*въ сторону*).

Чему онъ смѣется? (*Добротворскому.*) Послушай, Платонъ Маркычъ, у меня есть къ тебѣ серьезное дѣло.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Что прикажете?

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ (*беретъ его подъ руку*).

Всѣ мы были молоды. (*Добротворскій киваетъ головой въ знакъ согласія.*) Молодость, какъ ты знаешь, имѣетъ свои слабости. Ты самъ это очень хорошо знаешь, иначе я бы тебѣ и не сталъ говорить.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Всѣ мы грѣшны и всѣ мы смертны....

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Это правда, да не объ томъ рѣчь! Ты выслушай. Ошибки также весьма свойственны молодости. Я любилъ одну дѣвушку...

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Гм! Скажите! Хорошенькая была дѣвушка?

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Очень недурна. Ну, конечно, изъ низкаго сословія; но очень недурна. Только характеръ у нея совсѣмъ не соответствовалъ наружности: ревнива....

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Вамъ это кажется удивительно. Эхъ молодость! Поживите-ка съ наше, такъ не то увидите. Вотъ я вамъ сей-часъ какую исторію разскажу, — вотъ послушайте, — не вашей чета, а то что вы мнѣ разсказываете! Это еще до француза было...

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Ахъ, какой ты безтолковый, Платонъ Маркычъ! Я боюсь, что она сюда придетъ.

ДОБРОТВОРСКІЙ,

Кто?

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Эта дѣвушка-то.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Зачѣмъ? Нѣтъ, зачѣмъ она поидетъ, что вы говорите.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Пойми ты меня, Платонъ Маркычъ: я тебѣ говорю, что она ревнива, такъ я боюсь, чтобы она тутъ шуму какого не надѣлала.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Вотъ что! а!... Теперь я васъ понялъ.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Такъ ужъ ты распорядись, братецъ, такъ, чтобы не пускали никого постороннихъ.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Что-жъ вы, отецъ мой, у меня съ Марьей-то Андревной дѣлаете! Вы этакъ у меня ее уморите, сердечную.... А ужъ вы, батюшка, эти глупости-то оставьте.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Что ты, что ты! Я давно оставилъ. Только все-таки осторожность не мѣшаетъ. Понимаешь ты меня?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Хорошо-съ, теперь понимаю. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ IX.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ (*одинъ*).

Въ жизни главное дѣло — умъ и предусмотрительность. Что такое я былъ, и кто я теперь? Вотъ она исторія-то! Бывало всякому встрѣчному кланяешься, чтобъ тебя не прибилъ какъ-нибудь, а теперь насъ и рукой не достанешь. И капиталъ есть, и жену красавицу нашель. Чортъ возьми! (*Пожимаетъ руки, потомъ деретъ себя за холъ.*) Ахъ ты Максимка Беневоленскій! А думалъ ли ты объ этомъ счастьи, сидя въ школѣ въ затрапезномъ халатѣ? Ничего, братецъ!

Вотъ, (*стучитъ себя пальцомъ по лбу*) вотъ чѣмъ пробьемъ себѣ дорогу. Нужда умъ родитъ, а умъ родитъ деньгу, а съ умомъ да съ деньгами все можно сдѣлать! (*Задумывается.*) Не поучиться-ли мнѣ танцовать?... Поучусь. Или неадо? Нѣтъ, что! Дѣловому человѣку неловко. А иногда такъ тебѣ и хочется плясать. (*Немного подпрыгиваетъ, проходятъ разныя лица изъ залы, онъ становится въ приличную позу и закладываетъ руку за жилетъ. Изъ двери налево выходятъ 1-я и 2-я женщины, Паша и Дуня.*)

Ду н я.

Ахъ, Максимъ Дорофеевъ, здравствуйте. Наше вамъ почтеніе! (*Беневоленскій отворачивается въ сторону.*) Что-жъ, ты меня не узналъ, что-ли?

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Ахъ, это ты, Дуня! Зачѣмъ-же ты....

Ду н я.

Невѣсту твою посмотри.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Да какъ-же это! вѣдь я не велѣлъ было....

Ду н я.

Что это не велѣлъ? Ты меня пускать не велѣлъ! Ахъ, безсовѣстный ты человѣкъ! Безстыжіе твои глаза!...

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Нѣтъ, я ничего... я такъ! Что-жъ, Дуня, посмотри, поди. Тамъ вонъ невѣста, тамъ приданое...

Ду н я.

То-то, посмотри! Не глядѣли-бъ мои глаза-то, кажется, на тебѣ. Вотъ, Паша, смотрѣть посылаетъ, видишь какой добрый! Самъ все покажетъ. Что-жъ, матушка, вѣдь не чужой. Ахъ ты, соколикъ!

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Ты, Дуня, поосторожнѣй—увидитъ кто-нибудь, не хорошо! (*Становится въ позицію.*)

Ду н я.

А хочешь, сей-часъ дебошъ сдѣлаю?

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Дура, дура! Что ты, что ты!

Ду н я.

Не бойся, не бойся! Что ты испугался? Я не въ тебя.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Нѣтъ, Дуня, полно, въ самомъ дѣлѣ. Коли тебѣ что нужно, ты лучше ко мнѣ на домъ приди.

Ду н я.

Не пойду я къ тебѣ, не безпокойся.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

А здѣсь, Дуня, тебѣ что-жъ дѣлать? Посмотри невесту и ступай.

Ду н я.

Ужъ я видѣла! Хороша, вѣдь, Паша, ужъ можно сказать, что хороша. (*Къ Беневоленскому.*) Только съумѣешь-ли ты съ такою женой жить? Ты смотри, не загуби чужаго вѣку даромъ. Грѣхъ тебѣ будетъ. Остепенись, да живи хорошенько. Это вѣдь не со мной: жили, жили, да и былъ таковъ. (*Утираетъ глаза.*)

П а ш а.

А ты говорила, что тебѣ его не жаль.

Ду н я.

Вѣдь я его любила когда-то. Что-жъ, надо-же когда-нибудь разставаться; не вѣкъ такъ жить. Еще хорошо, что женится; авось будетъ жить порядочно. А все-таки, Паша, ты то возьми, лѣтъ пять жили.... вѣдь жалко. Конечно, не много я отъ него добраго видѣла.... больше слезъ... одного сраму что перенесла. Такъ, ни за что прошла молодость, и помянуть нечѣмъ.

П а ш а.

Что дѣлать, Дуня.

Ду н я.

А вѣдь, бывало, и ему рада-радешенька, какъ пріѣдетъ. Смотри-жъ, живи хорошенько!

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Ну ужъ конечно.

Д у н я.

То-то-же. Эта вѣдь тебѣ на вѣкъ, не то что я. Ну, прощай, не поминай лихомъ, добромъ нечѣмъ. Что это я, какъ дура расплакалась, въ самомъ дѣлѣ! О! махнемъ рукой, Паша, завьемъ горе веревочкой!

Б е н е в о л е н с к і й.

Прощай, Дуня!

Д у н я.

Адье, мусье!—Пойдемъ, Паша. (*Уходятъ.*)

Б е н е в о л е н с к і й.

Сумасшедшая женщина! Еще хорошо, что такъ обошлось. Однако я было перетрухнулъ. (*Входитъ офиціантъ.*) Дай-ка мнѣ, братецъ, рюмочку хересу. Фу! какъ гора съ плечъ. (*Офиціантъ по-даетъ.*) Благодарю, любезный. (*Уходитъ. Появляются на сценѣ разныя лица.*)

Д в ѣ ж е н щ и н ы.

1-я.

Вотъ, говорятъ: не завидуй! Какъ тутъ не завидовать! Одна дочь, и той какого молодца поддѣли; а у меня вотъ три, да нейдутъ съ рукъ. Что ты хочешь дѣлай! А вѣдь, чай, малаго-то опутали какъ-нибудь, а то гдѣ-бъ ему жениться, вѣдь за ней ничего нѣтъ.

2-я.

Ну ужъ, матушка, нашла кому позавидовать!

1-я.

А что?

2-я.

Да, говорятъ, такой соколъ, что бѣда!

Д в ѣ с т а р у х и.

1-я с т а р у х а.

Сундуки-то кованые, да, должно быть, пустые.

2-я с т а р у х а.

Анъ нѣтъ, полные.

1-я с т а р у х а.

Гдѣ ужъ полные! У нихъ всего и добра-то кругомъ пальца обвести.

2-я СТАРУХА.

Ты въ чужіе сундуки-то лазила что-ль?

1-я СТАРУХА.

Я не лазію,—можетъ, кто другой лазить.

2-я СТАРУХА.

Тебѣ только пересуживать; а самое-то съ чѣмъ отдавали.

1-я СТАРУХА.

Да ужъ почище тебя!

2-я СТАРУХА.

А кто по чужимъ дворамъ дрова воруетъ?

1-я СТАРУХА.

Врешь, я не ворую.

2-я СТАРУХА.

Анъ воруетъ.

1-я СТАРУХА.

Ахъ ты... (*Скрываются въ толпу. Изъ двери направо, выходятъ Анна Петровна, Добротворскій и Дарья.*)

ЯВЛЕНІЕ X.

АННА ПЕТРОВНА, ДОБРОТВОРСКІЙ И ДАРЬЯ.

АННА ПЕТРОВНА.

Охъ, захопоталась я нынче совсѣмъ, моченьки моей нѣтъ. Отдохнуть присѣсть. (*Садится на диванъ.*)

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Что-жъ, свои вѣдь, сударыня, хлопоты. Своя ноша не тянетъ, говорится пословица. Благо все устроили.

АННА ПЕТРОВНА.

Ужъ какъ я рада-то, Платонъ Маркычъ, вы себѣ и представить не можете. Пора ужъ и мнѣ знать покой. Женщина я слабая, сырая, во всемъ должна была себѣ отказывать. А я вѣдь, какъ при покойникѣ-то жила, вы знаете, всѣмъ была избалована.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Въ холѣ жили и въ нѣженъ, Анна Петровна.

А Н Н А П Е Т Р О В Н А .

И я вамъ скажу, Платонъ Маркычъ, какъ я сватьбы всегда любила. Меня хлѣбомъ не корми, только гдѣ бы нибудь на сватьбѣ пировать. Вотъ теперь Богъ привелъ дочку выдавать. Ужъ не чаяла, какъ и дождаться-то такой радости. Во снѣ сколько разъ снилось. То приснится мнѣ, что пляшу я, вотъ такъ и пляшу, такъ и пляшу. Вѣдь я смолоду-то плясывала. А то вижу я разъ, будто пьяна, вотъ такъ-таки совѣмъ пьяна, и побранилась я съ вами на чемъ свѣтъ стоитъ.

Д О Б Р О Т В О Р С К І Й .

Къ радости, сударыня.

А Н Н А П Е Т Р О В Н А .

Ну да, слава Богу, все теперь устроилось.

Д О Б Р О Т В О Р С К І Й .

Слава Богу, слава Богу.

А Н Н А П Е Т Р О В Н А .

Дай-ка намъ, Даша, винца какого-нибудь. Мы съ Платономъ Маркычемъ выпьемъ на радости. (*Дарья подаетъ на поднось бутылку и рюмки и ставитъ на столъ.*)

Д О Б Р О Т В О Р С К І Й (*пьетъ*).

Честь имѣю поздравить, Анна Петровна. Дай Богъ внучать и правнучать дождаться.

А Н Н А П Е Т Р О В Н А .

Покорно благодарю, Платонъ Маркычъ. Вамъ, батюшка, мы всѣмъ этимъ обязаны. (*Входитъ Марья Андреевна.*)

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ-ЖЕ И МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

М А Р Ъ Я А Н Д Р Е Е В Н А .

Вы здѣсь, маменька? Я васъ ищу. (*Подходитъ къ матери.*)

А Н Н А П Е Т Р О В Н А .

Что тебѣ, душенька, что тебѣ?

М А Р Ъ Я А Н Д Р Е Е В Н А .

Такъ, маменька, что-то мнѣ очень скучно стало. (*Садится на диванъ и припадаетъ къ матери головой.*)

Добротворскій *(беретъ бокалъ)*.

Что дѣлать-то, барышня, надобно привыкать! За ваше здоровье. Будете богаты, тогда и насъ не забудьте. Хе, хе, хе. Пожалуйте ручку, барышня. *(Цѣлуетъ.)*

Анна Петровна *(пьетъ)*.

Ну, дочка, будь счастлива, не поминай лихомъ мать старуху. Поживешь, сама узнаешь, что такое дѣти-то. *(Цѣлуетъ.)* Нравится-ли онъ тебѣ? Признаться сказать, скоренько дѣло-то сдѣлали; кто его знаетъ, въ него не влѣзешь.

Марья Андреевна *(въ слезахъ)*.

Ничего, маменька, онъ мнѣ нравится. Вы не глядите, что я плачу; это такъ отъ волненія. Мнѣ кажется, что я буду счастлива...

Голосъ изъ толпы.

Другой, матушка, правный, любить, чтобъ ему угождали. Домой-то, извѣстное дѣло, больше пьяные пріѣзжаютъ, такъ любятъ, чтобъ сама ухаживала, людей къ себѣ не подпускаютъ.

Марья Андреевна.

А если и не буду счастлива, такъ ужъ не вы виноваты; вы сдѣлали для меня все, что могли, что умѣли. Благодарю васъ, маменька, и васъ, Платонъ Маркычъ. *(Изъ другой комнаты слышна музыка; Беневоленскій выходитъ, Марья Андреевна идетъ къ нему на встрѣчу и подаетъ руку.)*

Добротворскій *(подаетъ руку Аннѣ Петровнѣ)*.

А мы съ вами, сударыня, польскую пройдемся. *(Уходятъ.)*

Одна изъ толпы.

Это, что-ль, невѣста-то?

Старуха.

Эта, матушка, эта.

Женщина.

Ишь ты какъ плачетъ, бѣдная.

Старуха.

Да, матушка, бѣдная: за красоту беретъ.

КОНЕЦЪ.

НЕ ВЪ СВОИ САНИ НЕ САДИСЬ.

НЕ ВЪ СВОИ САНИ НЕ САДИСЬ.

КОМЕДІЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Л И Ц А.

МАКСИМЪ ФЕДОТЫЧЪ РУСАКОВЪ, богатый купецъ.

АВДОТЯ МАКСИМОВНА, его дочь.

АРИНА ФЕДОТОВНА, его сестра, пожилая дѣвушка.

СЕЛИВЕРСТЪ ПОТАПЫЧЪ МАЛОМАЛЬСКІЙ, содержатель трактира и гостиницы.

АННА АНТОНОВНА, жена его.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ БОРОДКИНЪ, молодой купецъ, имѣющій мелочную лавочку и погребокъ.

ВИКТОРЪ АРКАДЫЧЪ ВИХОРЕВЪ, отставной кавалеристъ.

АНДРЕЙ АНДРЕИЧЪ БАРАНЧЕВСКІЙ, чиновникъ.

СТЕПАНЪ, слуга Вихорева.

ПОЛОВОЙ въ гостиницѣ.

МАЛЬЧИКЪ и **ДѢВУШКА** (безъ рѣчей).

Дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ Черемухинѣ.

ДѢЙСТВІЕ I.

(Общая комната въ гостиницѣ; на задней и по боковымъ стѣнамъ по двери, въ лѣвомъ углу отъ зрителей столъ.)

ЯВЛЕНІЕ I.

Степанъ *(сидитъ за столомъ и ѣстъ селедку на синей сахарной бумагѣ)*. Половой *(стоитъ подле него съ полотенцемъ на плечѣ)*.

СТЕПАНЪ:

Что ты, братецъ, смотришь? Незавидное кушанье! Тонкое житье! Третій день вотъ селедками пробавляюсь, а что въ нихъ проку-то, — только ѣешь да въ животѣ бурчить.

Половой.

Что вашъ баринъ-то, служащій?

Степанъ.

Да, служили мы съ бариномъ-то безъ году недѣлю.

Половой.

Что-жъ такъ мало-съ?

Степанъ.

Гмъ! гдѣ ему служить! Не то у него на умѣ, и при томъ-же гордъ... (*Глокаетъ съ трудомъ.*) Кто я, да что я! Да другія провинности, да шалунки водилнсь, такъ все къ одному пригнали, да и маширь на хаусъ.

Половой.

А имѣніе-то есть у васъ?

Степанъ.

Было большое село, да отъ жару въ кучу свело. Все-то разорено, все-то промотано! То-есть, повѣришь ли ты, другъ мой, пріѣхали мы это въ деревню, — ни кола, ни двора; а хлѣбъ-то на полѣ, такъ не глядѣли бѣ глаза мои: колосъ отъ колоса, не слышать дѣвичьяго голоса.

Половой.

А много-ль душъ-то?

Степанъ.

У тятеньки-то было полтораста, а у насъ только одиннадцать, да я двѣнадцатый — дворовый. Вотъ и всѣ.

Половой.

Зачѣмъ же вашъ баринъ сюда пріѣхалъ?

Степанъ.

Жениться хочетъ, изъ себя очень красивъ... Какъ женюсь, говорить, на богатой, всѣ дѣла поправлю. (*Голосъ за сценой: Степанъ!*) Иду-съ. (*Завертываетъ селедку въ бумагу и кладетъ въ карманъ.* Уходитъ. Половой стираетъ со стола полотенцемъ. Бородкинъ и Маломальскій входятъ.)

ЯВЛЕНИЕ II.

Бородкинъ и Маломальскій.

Бородкинъ.

Теперича которыя я вина получилъ, Селиверстъ Потапычъ, такъ останетесь довольны, первѣйшіе сорта.

Маломальскій.

Молодцы! Соберите чайку.... поскорѣй... лучшаго... (*Садится за столъ.*)

Бородкинъ.

Если вы теперича попробуете, такъ вы завсегда будете предпочитать брать у меня. А я вамъ, Селиверстъ Потапычъ, завсегда могу этимъ дѣломъ услужить. (*Половой приноситъ чай и ставитъ на столъ. Бородкинъ начинаетъ мыть чашки и разливать.*) Позвольте васъ поподчивать бутылочку лисабончику.

Маломальскій.

Я, братъ, ничего... я выпью.

Бородкинъ.

Мальчикъ! Паренёкъ! (*Входитъ мальчикъ.*) Сбѣгай въ лавку, скажи прикащику, чтобъ отпустилъ бутылку лисабону лучшаго. (*Мальчикъ уходитъ, Бородкинъ разливаетъ чай.*) А ему, Селиверстъ Потапычъ, нѣтъ, вретъ, не удастся ему замарать меня.

Маломальскій.

Теперича, если ты ведешь свои дѣла правильно, и значить, аккуратно... ну, и никто тебя не можетъ замарать.

Бородкинъ.

Я, истинно, Селиверстъ Потапычъ, благодарю Бога! Какъ остался я послѣ родителя семнадцати лѣтъ, всякое притѣсненіе терпѣлъ отъ родныхъ, и теперича, который капиталъ отъ тятеньки остался, я даже могъ рѣшиться всего капиталу: все это я перенесъ равнодушно, и когда я пришелъ въ возрастъ, какъ должно,— не токма чтобы я промоталъ, или тамъ какъ прожилъ, а сами знаете, имѣю, можетъ быть, вдвоесь, живу самъ по себѣ, своимъ умомъ, и никому уважать не намѣренъ.

Маломальскій.

Это ты въ правилѣ.... дѣйствуешь.

Бородкинъ (*стучитъ крышкой чайника*).

Княточку! (*Половой подходитъ и беретъ чайникъ.*)

Маломальскій.

Ты... имѣешь свою... правилу...

Бородкинъ.

Опять, Селиверстъ Потанычъ, за что онъ меня обижаетъ?

Маломальскій.

Онъ не должонъ этаго...

Бородкинъ.

Теперича онъ пушаетъ слухъ, яко бы, то-есть, я занимаюсь этимъ малодушествомъ — шить. Такъ это онъ вретъ: кто меня видѣлъ шьянымъ!... Опять хона бѣ я доподлинно шилъ, всё-таки, стало-быть, на свои: что ли я на его счетъ буду шить? А всё это, главная причина — одна зависть. (*Половой приноситъ воды. Бородкинъ разливаетъ.*) А можетъ онъ того не знаетъ, что я плевать хотѣлъ на все это.

Маломальскій.

Слушай ты! Оставь втунѣ.... пренебреги! Какъ ты свой кругъ имѣешь дѣла, и дѣйствуешь ты, примѣрно, въ этомъ кругѣ.... такъ ты и должонъ дѣйствовать, и тебѣ ничего не можетъ пренятствовать никто.

Бородкинъ.

Всё-таки обидно. Говорится пословица: добрая слава лежитъ, а худая бѣжитъ. Зачѣмъ я теперь скажу про человѣка худо? Лучше я должонъ сказать про человѣка хорошо.

Маломальскій.

Это ты правильно говоришь.

Бородкинъ.

Всякій по чужимъ словамъ судить. А почему онъ знаетъ: можетъ, онъ мнѣ этимъ вредъ дѣласть. Я жениться хочу, такъ кому же это нужно, когда про человѣка такая слава идетъ.

Маломальскій.

Слушай! Коли ты женишься... кто же можетъ ему повѣрить... потому, какъ онъ пустой чловѣкъ и, съ позволенія сказать, ничтожный его весь разговоръ.... Никому вреда.... окромя себѣ

Бородкинъ.

Конечно, Селиверстъ Потанычъ, всякой знаетъ, что все это наносныя слова, — да къ чему же это-съ? Что я ему сдѣлалъ? Я объ немъ и думать-то забылъ, потому какъ онъ есть невѣжа и ругатель.

Половой (*приноситъ бутылку*).

Прикажете откупорить?

Бородкинъ.

Откупори, да бокальчиковъ дай.

Половой.

Сей-часъ. (*Откупориваетъ, подаетъ на поднось два бокала и наливаетъ.*)

Бородкинъ.

Пожалуйте-съ. (*Берутъ бокалы и пьютъ.*) Какъ на вашъ вкусъ?

Маломальскій.

Ничего .. живеть... Эй ты! Прибѣрай чай.

Бородкинъ.

Я вамъ это самое по полтинничку поставлю. (*Молчаніе. Пьетъ.*) А я вамъ вотъ... передъ истиннымъ... то-есть, не то чтобы пьянство или тамъ что другое, а больше того стараюсь, чтобы люди про меня хорошее говорили. Какъ живу я при матушкѣ теперича пятый годъ, сами знаете, честно и благородно.... Пожалуйте еще.... выкушайте. (*Наливаетъ.*) Никого я не трогаю, значитъ никому до меня дѣла нѣтъ. Конечно, я по молодости своей обязаць уважать старшимъ, да не всякому же: другой не стѣитъ того и вниманія, чтобъ ему уважать-то. А я къ вамъ съ просьбою, Селиверстъ Потанычъ, заставьте за себя Богу молить. (*Встаетъ и кланяется въ поясъ.*)

Маломальскій.

Какая же можетъ быть твоя просьба?

Бородкинъ.

Это дѣло будетъ касаться Максима Ѳедотыча.... Я теперича буду васъ просить замолвить за меня словечко.

Маломальскій.

То-есть на счетъ чего же... это.... касающее?...

Бородкинъ.

На счетъ Авдоты Максимовны-съ! Есть на то мое желаніе и маменькино-съ.

Маломальскій.

Это ничего... это можно...

Бородкинъ.

Вы не думайте, Селиверстъ Потапычъ, чтобы я польстился на деньги, или тамъ на приданое, ничего этаго нѣтъ; мнѣ что приданое, — Богъ съ нимъ, потому у меня и своего довольно; а какъ собственно я очень влюбленъ въ Авдотью Максимовну. Стараюсь объ ней, примѣрно, не думать, никакъ невозможно, потому это сверхъ моихъ чувствъ. Повѣрите ли, Селиверстъ Потапычъ, сядешь это вечеромъ дома къ окну, возьмешь гитару, собственно какъ для увеселенія себя, такая найдетъ на тебя тоска, что даже до слезъ.

Маломальскій.

Это я могу.... орудовать....

Бородкинъ.

И мнѣ кажется, ничего въ жизни не надо, кромѣ какъ если бы Максимъ Ѳедотычъ отдал за меня Авдотью Максимовну, хотя бы даже безо всякаго награжденія.

Маломальскій.

Это все въ нашихъ рукахъ.

Бородкинъ.

Будьте отецъ и благодѣтель! Нынче Максимъ Ѳедотычъ зайдутъ къ вамъ, такъ ужъ вы ему поговорите, а ужъ я вамъ по гробъ жизни буду обязанъ, то-есть вотъ какъ-съ, скажите: Иванъ, сдѣлай то, — я всей душой-съ. Прикажете еще бутылочку послать?

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Что жь.... посылай...

БОРОДКИНЪ (*половому*).

Пошли мальчика-то, чтобъ еще бутылочку принесъ.

ПОЛОВОЙ.

Слушаю-сь. (*Уходитъ. Входитъ Русаковъ. Бородкинъ быстро встаетъ и раскланивается. Маломальскій тоже встаетъ.*)

ЯВЛЕНИЕ III.

ТѢ-ЖЕ И РУСАКОВЪ.

БОРОДКИНЪ (*показывая на диванъ*).

Пожалуйте-сь, Максимъ Федотычъ! наше вамъ почтеніе.

РУСАКОВЪ.

Ну вотъ, свать, я къ тебѣ пришелъ, чѣмъ-то ты меня станешь подчивать.

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Китайскихъ травъ.... первыхъ сортовъ... велимъ подать.

РУСАКОВЪ.

Ну тебя съ травами!...

БОРОДКИНЪ.

Домашнія ваши здоровы ли, Авдотья Максимовна, Арина Федотовна?

РУСАКОВЪ.

Ничего, живутъ помаленьку. Ты, Иванушка, что къ намъ рѣдко заглядываешь?...

БОРОДКИНЪ.

Побываю, Максимъ Федотычъ, какъ-нибудь съ. Это время все дѣлишки были. Не прикажете ли рюмочку лисабончику?

РУСАКОВЪ.

Нѣтъ, я этаго, братъ, не пью. А вотъ съ дорожки-то ты бы, свать, велѣлъ подать рюмочку ерофенчу.

Маломальскій.

Молодцы! Ерофеичу подайте.... поскорѣй, домашняго.... да заку-
сочки... Слышь ты, скажи женѣ, что свать, молъ, пришелъ. (*Половой*
уходитъ.)

Русаковъ.

Объ чемъ вы тутъ, дружки, толкуете?

Маломальскій.

Такое дѣло примѣрно.... важное, разсудку требуетъ.

Русаковъ.

Это ты хорошо, Иванушка, дѣлаешь, что къ старшимъ за совѣ-
томъ ходишь. Умъ хорошо, а два лучше... Хоть ты парень и умный,
а старика послушай... старикъ тебѣ худа не посоветуетъ.... такъ ли
я говорю, а?

Маломальскій.

Это ты правильно. (*Половой приноситъ водку и ставитъ на*
столъ.)

Русаковъ (*пьетъ*).

А ты, свать, вышьешь?

Маломальскій.

Я, свать... я вышью... я цынче загулялъ. (*Пьетъ; дѣлаетъ серьез-*
ную физиономію.) А у меня есть слово къ тебѣ, свать...

Русаковъ.

Какое же это слово?

Маломальскій (*съ важною физиономією*
показываетъ на Бородкина).

Тенерича этотъ молодець... гмъ!... къ примѣру... (*мигаетъ гла-*
зомъ)... то-есть, примѣрно, приходитъ онъ ко мнѣ.... и всё этакое...

Русаковъ.

Да ты полно ломаться-то!... Ты и такъ-то разговаривать не ма-
стеръ, а какъ ужъ важность-то на себя напустишь, такъ хоть вовсе
брось.

Маломальскій.

Погоди... дѣло говорю. Гмъ!... Вышьемъ сперва-наперва.

РУСАКОВЪ.

Пей, я не хочу.

МАЛОМАЛЬСКІЙ (*иѣтъ и морщится*).

Только вотъ приходитъ онъ ко мнѣ... видишь... такъ и такъ, говоритъ... что онъ, примѣрно сказать, влюбленъ... (*Бородкинъ встаетъ.*) Ну, и значить... онъ просить меня, чтобы я руководствовалъ его... всему этому дѣлу...

РУСАКОВЪ.

Ну?...

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Ты погоди!... Какъ онъ теперь въ состояніи... то есть... при всемъ своемъ полномъ капиталѣ... ну, и должонъ законнымъ бракомъ... Гмъ... приходитъ это, примѣрно, ко мнѣ...

РУСАКОВЪ.

Ужъ слышали.

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Я, свать... я говорить не умѣю, а то-есть, у тебя, примѣрно, товаръ, а у насъ купецъ...

РУСАКОВЪ.

У тебя, свать, не разберешь — такъ ли ты городишь, зря, или ты про дѣло толкуешь.

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Про дѣло, свать.

РУСАКОВЪ.

Такъ про дѣло дѣломъ и толковать надо, а не такъ. Вѣдь это не шутка, ты самъ посуди! Это на вѣкъ.

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Послушай, свать... ты намъ теперь-то что нибудь, примѣрно, хоть обинякомъ....

РУСАКОВЪ.

Да что вамъ сказать-то? Ты знаешь, Дуня у меня одна... Одно утѣшеніе только и есть. Мнѣ не надо ни знатнаго, ни богатаго, а

чтобы былъ добрый человѣкъ, да любилъ Дунюшку, а мнѣ бы любиться на ихъ житье... право, такъ. Я, значить, должонъ это дѣло сдѣлать съ разумомъ, потому мнѣ придется за нее Богу отвѣчать.

Б о р о д к и н ъ.

Конечно, Максимъ Федотычъ, главная причина, какъ сами Авдотья Максимовна, какъ имъ человѣкъ понравится.

М а л о м а л ь с к і й.

Это онъ... такъ точно.

Р у с а к о в ъ.

Врете вы оба! Статочное ли дѣло, чтобы повѣрить дѣвкѣ, кто ей понравится!... Известно, дѣло дѣвичье — глупое... Дѣвку долго ли обмануть!... Вѣтрогонъ какой-нибудь, прости Господи, подвернется, подластится, ну, дѣвка и полюбитъ; такъ ее и отдавать безъ толку?... Нѣтъ, это не порядокъ: пусть мнѣ человѣкъ понравится. Я не за того отдамъ, кого она полюбитъ, а за того, кого я люблю. Да, кого я люблю, за того и отдамъ. Да я годъ буду смотрѣть на человѣка, со всѣхъ сторонъ его огляжу. А то какъ дѣвкѣ повѣрить? Что она видѣла? Кого она знаетъ?... А я, свать, не даромъ шестьдесятъ лѣтъ на свѣтѣ живу, видалъ таки людей-то: меня на кривой-то не объѣдешь.

М а л о м а л ь с к і й.

Ты слушай, свать:— значить за кого отецъ .. за того и ступай... потому онъ лучше... какъ можно... дѣвкѣ гдѣ?... Дай имъ волю-то... послѣ и не расчерпаешь, такъ ли... а?...

Р у с а к о в ъ.

Да ты что!... Все ты не дѣло толкуешь!... Моя дочь не такая... Моя Дунюшка вылитая жена покойница... Помнишь, свать?... Ну что! роптать грѣхъ. *(Утирая слезы.)* Годковъ тридцать пожилъ — и за то должонъ Бога благодарить. Да какъ пожилъ! Тридцать лѣтъ слова целасковаго другъ отъ друга не слышали! Она, голубка, бывало, куда придетъ, тамъ и радость. Вотъ и Дуня такая же: пусти ее къ лютымъ звѣрямъ, и тѣ ее не тронуть. Ты на нее посмотри: у нея въ глазахъ-то только любовь да кротость. Она будетъ любить всякаго мужа, надо найдти ей такого, чтобы ее-то любилъ, да могъ бы понять, что это за душа... душа у ней русская.

Бородкинъ.

Я, Максимъ Федотычъ, это очень могу понимать-съ.

Русаковъ.

Что жъ, Иванушка, я тебя обманывать не стану: ты мнѣ нравишься, ты парень хорошій; лучше тебя у насъ въ городѣ нѣтъ. Заходи ужотка, да скажи матери, чтобъ побывала, я съ ней поговорю.
(*Мальчикъ приноситъ бутылку вина.*)

Бородкинъ.

Первымъ долгомъ почту передать это своей родительницѣ-съ.

Маломальскій.

Ну, такъ по рукамъ... чтоль... а?... А вотъ теперь, свать, давайте... вообще... всѣ выпьемъ. (*Пьютъ.*)

Русаковъ (*встаетъ*).

Ну, прощай, свать.

Маломальскій.

Погоди!

Русаковъ.

Некогда! дома обѣдать ждутъ.

Маломальскій.

Нѣтъ постой... я тебѣ расскажу исторію... Слышь ты... остановились у меня проѣзжіе... только, примѣрно, напились... и какой же маскарадъ сдѣлали!...

Русаковъ.

Ну тебя съ маскарадомъ! Прощай!

Бородкинъ.

Я вотъ сбѣгаю въ лавку, заверну домой-съ, да и къ вамъ-съ.
(*Уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Маломальскій одинъ, потомъ Анна Антоновна.

Маломальскій (*допиваетъ, стучитъ по столу и кричитъ*).

Эй, молодцы!... прибирай все, слышь ты, прибирай... (*стучитъ*).

Анна Антоновна (*входитъ*).

Необразованность ты моя! Что ты шумишь-то?... Мужикъ, мужикъ!...

Маломальскій.

Жена, молчи! дѣло сдѣлали... теперь гуляй!...

Анна Антоновна.

Стѣнь-то бы ты постыдился, что ты орешь-то?... (*Приходитъ половой, собираетъ со стола, уноситъ подносъ и опять возвращается*).

Маломальскій.

Жена! поди сюда... дѣло сдѣлали...

Анна Антоновна.

Необразованность!

Маломальскій.

Веди меня... я спать хочу... (*Жена беретъ его за руку и ведетъ.*) Пстой, поцѣлуй меня!...

Анна Антоновна.

Пойдемъ, пойдемъ, безпутный! (*Уходятъ. Входятъ Баранчевскій и Вихоревъ.*)

ЯВЛЕНИЕ V.

Половой, Баранчевскій и Вихоревъ.

Вихоревъ.

Вотъ какъ это случилось. Я услыхалъ, что у Русакова много денегъ; ну, и прѣхалъ сюда изъ деревни нарочно; думаю, рискну! Ужъ либо панъ, либо пропаль... Отрекомендовался ему, познакомился; а съ ней-то я познакомился черезъ хозяйку здѣшнюю, Анну Антоновну. Авдотья Максимовна къ ней ходитъ иногда. Ну, знаешь, поразговорились, то, да се, а тутъ ужъ долго ли влюбиться.

Баранчевскій.

Что толковать!...

В И Х О Р Е В Ъ .

Дѣло въ томъ, Баранчевскіи, что мнѣ нужны деньги. Состояніе, которое у меня было когда-то, давно прожито, имѣніе разстроено. Мой другъ! мнѣ жить не чѣмъ, мнѣ не съ чѣмъ въ Москву пріѣхать, а я тамъ много долженъ. Мнѣ нужно жениться на богатой, во чтобы то ни стало; это единственное средство.

Б А Р А Н Ч Е В С К І И .

Женись на Русаковой. Чего жъ тебѣ лучше? Къ тому же она въ тебя влюблена.

В И Х О Р Е В Ъ .

Влюблена-то она влюблена, да что скажетъ отецъ. А что, Баранчевскіи, много у него денегъ?...

Б А Р А Н Ч Е В С К І И .

Полмилліона, навѣрно

В И Х О Р Е В Ъ .

Нѣтъ, ты не шутишь?

Б А Р А Н Ч Е В С К І И .

Что за шутки! Непремѣнно есть полмилліона, если не больше. (*Смотритъ на часы.*) Торопиться то мнѣ некуда; давай выпьемъ маленькую.

В И Х О Р Е В Ъ .

Изволь.

Б А Р А Н Ч Е В С К І И (*половому*).

Бутылку шампанскаго. (*Садятся.*)

В И Х О Р Е В Ъ .

Нѣтъ, послушай, Баранчевскіи, неужели въ самомъ дѣлѣ у Максима Федотыча полмилліона?

Б А Р А Н Ч Е В С К І И .

Чтожъ тутъ мудренаго! У насъ много богатыхъ купцовъ. Я самъ взялъ за женой полтора ста тысячъ.

В И Х О Р Е В Ъ .

Ты?... Нѣтъ, ужъ это, братъ, шутки!... Я этому не повѣрю.

БАРАНЧЕВСКІЙ.

Не вѣрь пожалуй; а я вотъ имѣніе купилъ, премиленькое, верстахъ въ семи отъ города, душъ 200, домъ отдѣлалъ великолѣпнымъ образомъ.

ВИХОРЕВЪ.

Баранчевскій! Да ты великій человѣкъ! Счастливчикъ просто! А мнѣ такъ вотъ нѣтъ счастья. Я было въ Москвѣ тоже присва-тался за одну — кушъ порядочный; влюбилась, сдуру, ужасъ какъ, просто средствъ нѣтъ никакихъ, да не отдають ни за какія благополучія. Я такъ, сякъ, увезти хотѣлъ, да съ ней-то не столкуешь, — дура ужаснѣйшая! Дура à la lettre, mon cher, такое несчастье!

БАРАНЧЕВСКІЙ.

Одно, братъ, непріятно, ужъ сей-часъ замѣтно, что изъ купчихъ.

ВИХОРЕВЪ.

Что за важность! Стоитъ объ этомъ разговаривать! Послушай, Баранчевскій, будь другъ, ты мнѣ помоги!

БАРАНЧЕВСКІЙ.

Еще бы не помочь!

ВИХОРЕВЪ.

Вѣдь этотъ народъ не понимаетъ самой простой истины.... Что такое деньги?... Ни больше, ни меньше, какъ средство жить порядочно, въ свое удовольствіе. А они стараются какъ можно больше копить и какъ можно меньше проживать; а ужъ доказано всѣми науками, что это вредно... для торговли... и для цѣлаго общества.

БАРАНЧЕВСКІЙ.

Такъ, такъ, душа моя, такъ!

ВИХОРЕВЪ.

Вотъ видишь, если бы у тебя не было денегъ, ты бы не спросилъ бутылки шампанскаго, а этимъ поддерживается торговля. (*Баранчевскій утвердительно киваетъ головой.*) Слѣдовательно, если мы, люди образованные и со вкусомъ, но безъ средствъ, женимся на богатыхъ, и такимъ образомъ, даемъ, знаешь, нѣкоторое движеніе... можно ли насъ за это упрекнуть?

БАРАНЧЕВСКІЙ.

Ни коимъ образомъ!

ВИХОРЕВЪ.

А вѣдь есть такіе философы, которые осуждаютъ это!...

БАРАНЧЕВСКІЙ.

Осуждай, пожалуй!...

ВИХОРЕВЪ.

Теперь ты возьми въ расчетъ мой меланхолическій характеръ: мнѣ и такъ все кажется въ черномъ цвѣтѣ, а во время безденежья... ты себѣ и вообразить не можешь... При деньгахъ, я совсѣмъ другой человѣкъ: я дѣлаюсь веселъ, развязенъ, могу заняться дѣломъ... Нѣтъ, Андрюша, въ самомъ дѣлѣ!... Особенно въ послѣднее время, обстоятельства были очень плохи, такая, братецъ, тоска нашла, хандрить началъ. Серьезно я говорю, помоги, Баранчевскій.

БАРАНЧЕВСКІЙ.

Изволь, изволь!...

ВИХОРЕВЪ.

А вотъ, во-первыхъ, есть у тебя экипажъ хорошій?

БАРАНЧЕВСКІЙ.

Лучшій въ городѣ.

ВИХОРЕВЪ.

Ты мнѣ одолжи его къ нимъ съѣздить.

БАРАНЧЕВСКІЙ.

Съ удовольствіемъ, мой другъ! (*Встаютъ и ходятъ по сценѣ.*)
Что жъ вина не даютъ?...

ВИХОРЕВЪ (*ухватывая его за талию*).

Такъ-то, Андрюша!... вотъ дѣла-то!... Привелъ Богъ свидѣться!... Однако ты потолстѣлъ. (*Половой приноситъ бутылку и два стакана, ставитъ стаканы на столъ и откупориваетъ.*)

ВИХОРЕВЪ.

Безъ грому, братецъ, безъ грому; я этаго терпѣть не могу. (*Садятся къ столу. Половой наливаетъ имъ стаканы и отходитъ къ сторонѣ. Пьютъ молча.*) Что это у васъ за шумъ былъ?...

Половой.

Хозяинъ загулялъ-съ.

Вихоревъ.

Что жъ, это съ нимъ часто бываетъ?

Половой.

Современемъ бываетъ-съ. Съ знакомыми сидѣли, Максимъ Федотычъ былъ-съ, Бородкинъ.

Вихоревъ.

И Максимъ Федотычъ былъ?

Половой.

Былъ-съ. Они дочку просватали-съ.

Вихоревъ.

Что за вздоръ!... Ты, братецъ, врешь! За кого?

Половой.

За Бородкина-съ.

Вихоревъ.

Это пустяки, этаго быть не можетъ. Послушай, мой другъ, вотъ это несчастіе!... вотъ что называется несчастіе!... (*Вскакиваетъ.*) Это, наконецъ, чортъ знаетъ, что такое... Понимаешь ли ты, я за этимъ ѣхалъ сюда!... Согласись, Баранчевскій, что вѣдь это ужасно досадно!... Кто этотъ Бородкинъ?...

Половой.

Здѣшній купецъ-съ.

Вихоревъ.

Что онъ богатъ, хорошъ собою, образованъ?...

Половой.

Какъ есть изъ русскихъ-съ.

Вихоревъ.

Родство что ли у него богатое?

Половой.

Какое родство-съ! Нашему слѣсарю двоюродной кузнецъ!

Вихоревъ.

Такъ она за него не пойдетъ ни за что! Я говорю тебѣ, Баранчевскій, что она влюблена въ меня; не стану же я тебя обманывать. Или, можетъ быть, у васъ тутъ обычай выдавать насильно. Вѣдь кто васъ знаетъ. Заѣдешь въ такую глушь!... Это чортъ знаетъ какъ досадно!

Половой.

Одна необразованность; по необразованію все дѣлается.

Баранчевскій.

Ну, изъ чего ты такъ горячишься?

Вихоревъ.

Да, вотъ ты тутъ устроился, такъ тебѣ и хорошо: тебѣ тепло здѣсь съ богатой-то женой, а я чѣмъ виновать! Ты представь мое-то положеніе!... (*Ходитъ по комнатѣ.*) Однако, что жъ мнѣ теперь дѣлать?

Баранчевскій.

Вотъ что дѣлать: поѣдемъ ко мнѣ обѣдать, я тебя съ женой познакомлю, а вечеромъ, возьми моихъ лошадей, да и поѣзжай къ Русакову, объяснись съ нимъ поумиѣе, можетъ быть, еще это все вздоръ.

Вихоревъ.

Ну, такъ ѣдемъ. Допивай. (*Анна Антоновна входитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Анна Антоновна

Анна Антоновна.

Викторъ Аркадьичъ, Викторъ Аркадьичъ!

Вихоревъ (*подходя къ ней*).

Что вамъ угодно?

Анна Антоновна.

Вашъ предметъ у меня теперь сидитъ; она собирается домой такъ вы погодите, я ее здѣсь проведу.

Вихоревъ.

Благодарю васъ.

Анна Антоновна.

Амуръ! (*Уходитъ.*)

Вихоревъ (*поправляется передъ зеркаломъ*).

Ты поѣзжай, да пришли за мной лошадей; я сей-часъ приѣду. (*Половому.*) А ты пошелъ вонъ.

Баранчевскій.

Ну, прощай, я тебя жду. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ VII.

Вихоревъ (*одинъ*).

Если этотъ Максимъ Федотычъ не согласится, такъ я ее увезу; нечего и разговаривать!... Будеть, помаялся, надобно чѣмъ-нибудь кончить. Чтожъ мнѣ въ ремесленники что ли идти?... Нѣтъ, какъ у меня деньги-то въ карманѣ, такъ мнѣ что хочешь пой, я никого и слушать не хочу. (*Входитъ Авдотья Максимовна и Анна Антоновна.*)

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Вихоревъ, Авдотья Максимовна и Анна Антоновна.

Вихоревъ.

Какая нечаянность! (*Раскланиваются. Авдотья Максимовна кланяется ему.*)

Анна Антоновна (*тихо, Вихореву*).

Поговорите, полюбезничайте, а я посмотрю, не взошелъ бы кто.

Вихоревъ.

Я долженъ съ вами проститься, Авдотья Максимовна!... (*Авдотья Максимовна стоитъ въ недоумльнн.*) Я ѣду отсюда.

Авдотья Максимовна.

Зачѣмъ же вы ѣдете, Викторъ Аркадьичъ?

Вихоревъ.

А зачѣмъ мнѣ оставаться, Авдотья Максимовна?... Я слышалъ, вы выходите за-мужъ.

Авдотья Максимовна.

Это неправда, Викторъ Аркадьичъ, это васъ обманули — это только хотять насъ разстроить. И кому это только нужно!

Вихоревъ.

Помилуйте, нынче утромъ Максимъ Федотычъ далъ слово какому то Бородкину. Согласитесь сами, послѣ этаго что же мнѣ здѣсь дѣлать!

Авдотья Максимовна.

Ахъ, Боже мой! Тятенька мнѣ ничего не говорилъ объ этомъ. Я не пойду за Бородкина, Викторъ Аркадьичъ, вы не безпокойтесь, пожалуйста.

Вихоревъ.

Вамъ тятенька прикажетъ идти.

Авдотья Максимовна.

Ахъ, нѣтъ, тятенька меня любить. Я скажу ему, что не люблю Бородкина; онъ насильно не заставитъ...

Вихоревъ.

А какъ онъ этаго не послушаетъ, что тогда?

Авдотья Максимовна.

Я ужъ, право, не знаю, что мнѣ дѣлать съ этимъ дѣломъ, такая-то напасть на меня!

Вихоревъ.

Хотите, я научу васъ что дѣлать?

Авдотья Максимовна.

Научите.

Вихоревъ.

Уѣдемте потихоньку, да и обвѣнчаемся.

Авдотья Максимовна.

Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!.. что вы это, ни за что на свѣтѣ!... Ни, ни, ни за какія сокровища!..

Вихоревъ.

Тятенька васъ любитъ, онъ проститъ. Мы къ нему сей-часъ приѣдемъ послѣ сватьбы, знаете, по русскому обыкновению, ему въ ноги... Ну, старикъ и того...

Авдотья Максимовна.

Да и не говорите!.. Онъ проклянетъ меня!.. Каково мнѣ тогда будетъ жить на бѣломъ свѣтѣ! До самой смерти у меня будетъ камень на сердцѣ.

Вихоревъ.

Ну, извините, я другого средства не знаю.

Авдотья Максимовна.

Вы лучше вотъ что сдѣлайте, Викторъ Аркадьичъ: приѣзжайте къ намъ нынче вечеромъ, да и поговорите съ тятенькой, а я сама его тоже попрошу; хоть и стыдно будетъ, да ужъ переломлю себя.

Вихоревъ.

А ну, какъ онъ откажетъ мнѣ?

Авдотья Максимовна.

Что жъ дѣлать!... Знать моя такая судьба несчастная. Вчера тятенька на картахъ гадала, что-то все дурно выходило, я ужъ не мало плакала (*подноситъ платокъ къ глазамъ*).

Вихоревъ.

Послушайте, коли вы меня такъ любите, такъ вы уговорите Максима Федотыча, онъ васъ послушаетъ. Тогда мы оба будемъ счастливы!

Авдотья Максимовна.

Вы-то меня любите ли такъ, Викторъ Аркадьичъ, какъ я васъ люблю?...

Вихоревъ.

Какое же можетъ быть сомнѣніе. Если вы не будете моей, я сейчасъ уѣду на Кавказъ и буду нарочно стараться, чтобы меня поскорѣе застрѣлили. Вы знаете, какъ черкесы хорошо стрѣляютъ.

Авдотья Максимовна.

Что это вы, Викторъ Аркадьичъ, какія страсти говорите. Нѣтъ, не ѣздите. Приѣзжайте уже къ намъ.

Вихоревъ.

Непремѣнно пріѣду.

Авдотья Максимовна.

Прощайте, мнѣ пора. (*Вихоревъ беретъ ее за руку и хочетъ обнять.*) Нѣтъ, мнѣ стыдно, ей-Богу стыдно!...

Вихоревъ (*въ сторону*).

Вотъ нѣжности! (*Ей.*) Что за стыдъ, когда любите... (*Цѣлуетъ ее.*)

Авдотья Максимовна.

Вы будете послѣ смѣяться.

Вихоревъ.

За кого же вы меня принимаете? Смѣю ли я!

Авдотья Максимовна.

Нѣтъ, мнѣ, право, стыдно. (*Обнимаетъ и цѣлуетъ его, сама закрываетъ лице и отходитъ.*) Прощайте, пріѣзжайте ужо.

Вихоревъ.

Непремѣнно пріѣду. (*Авдотья Максимовна подходитъ къ Аннѣ Антоновнѣ, и шепнувши ей что-то, уходитъ.*)

Анна Антоновна (*въ дверяхъ, грозя пальцемъ*).

Амуръ! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

Вихоревъ (*одинъ*).

А она даже очень недурна, и какъ кажется, такая простенькая дѣвушка. А ужъ какъ влюблена, ужасъ! Тысячъ сто взять къ ней въ придачу, да и довольно. Конечно, съ такой женой нельзя въ столицу показаться, а въ уѣздѣ ничего, жили бы припѣваючи. (*Уходитъ.*)

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ III.

(Небольшая комната въ домъ Русакова; на обѣихъ боковыхъ стѣнахъ по окну и по двери, на задней стѣнѣ дверь; два стола, одинъ съ правой стороны, другой съ лѣвой, почти у самой двери; за столомъ диванъ; на окнахъ цвѣты и на одномъ гитара.)

ЯВЛЕНІЕ I.

Авдотья Максимовна *(сидитъ у окна)*. Арина Федотовна *(сидитъ у окна на диванѣ, шьетъ)*.

Авдотья Максимовна *(смотря въ окно, поетъ русскую пѣсню, потомъ обращается къ Аринѣ Федотовнѣ)*.

Научить ли те, Ванюша,
Научить ли те, Ванюша,
Какъ ко мнѣ ходить.
Ты не улицей ходи,
Ты не улицей ходи, —
Переулочкомъ.
Ты не голосомъ кричи,
Ты не голосомъ кричи, —
Соловьѣмъ свищи.
Чтобы я млада младенька,
Чтобы я млада младенька
Догадалася.
Со пиру, да со бесѣды,
Со пиру, да со бесѣды
Подымалася.
И я батюшкѣ скажу,
Я родимому скажу:
Голова болитъ.

И я матушкѣ скажу,
Я родимой ли скажу:
Худо можется,
Нездоровится.
Ко милу дружку пойду,
Ко сердечному приду
Здоровешенька,
Веселешенька!

Что это со мной, тетенька, за чудо сдѣлалось! Я надивиться не могу, какъ полюбила я Виктора Аркадьича!... И надо же было этому дѣлу сдѣлаться!... Бѣда да и только!...

Арина Федотовна.

Никакой тутъ бѣды нѣтъ, всё такъ и быть должно!...

Авдотья Максимовна.

Какъ же, тетенька, не бѣда? Просто моя гибель! Это тятенька давеча, какъ пришла я отъ Анны Антоновны, говорилъ, чтобъ я шла за Бородкина. Ни тятеньку мнѣ огорчить не захочется, да и съ сердцемъ-то я не совладаю.

Арина Федотовна.

Была оказія идти за Бородкина!

Авдотья Максимовна.

Вотъ нынче хотѣлъ Викторъ Аркадьичъ пріѣхать поговорить съ тятенькой. Что-то будетъ?... Хоть бы ужъ поскорѣе онъ пріѣхалъ; по крайней мѣрѣ, я бы ужъ знала, а то какъ тѣнь какая хожу, ногъ подъ собою не слышу. Только чувствуетъ мое сердце, что ничего изъ этаго хорошаго не выйдетъ. Ужъ я знаю, что много мнѣ бѣдной тутъ слезъ пролить.

Арина Федотовна.

Плачь пожалуй, коли тебѣ хочется. А по мнѣ—сказала отцу, что не хочу, молъ, за Бородкина идти, да и конецъ.

Авдотья Максимовна.

Нѣтъ, тетенька, не могу я этаго сдѣлать, не мой это характеръ. Какъ я ему скажу? Ему и въ голову-то не приходитъ, чтобъ я смѣла не послушать его. (*Взглянувъ въ окно.*) Ну, идетъ. — И безъ него-то ужъ мнѣ тошнехонько, не глядѣли бѣ глаза ни на что! (*Встаетъ.*)

АРИНА ФЕДОТОВНА.

Кто идетъ?

АВДОТЯ МАКСИМОВНА.

Иванъ Петровичъ!... (*Уходитъ. Бородкинъ входитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ II.

АРИНА ФЕДОТОВНА И БОРОДКИНЪ.

БОРОДКИНЪ.

Наше вамъ почтенье-съ. Какъ ваше здоровье-съ?

АРИНА ФЕДОТОВНА.

Полно ты рядскія-то учтивости разводить, слыхали мы это.

БОРОДКИНЪ.

Какъ не слыхать-съ. (*Садится.*)

АРИНА ФЕДОТОВНА.

Ты съ чего это вздумалъ за Дунюшку-то свататься?

БОРОДКИНЪ.

Да вамъ-то какое теперича до этаго дѣло?

АРИНА ФЕДОТОВНА.

Непріятно для меня это видѣть. Ну, какая ты ей пара? Какой ты кавалеръ? И съ бородой и необразованный!

БОРОДКИНЪ.

Опять-таки это не ваше дѣло. Нешто я за вами ...

АРИНА ФЕДОТОВНА.

Да смѣль ли бы ты это подумать? Я въ Москвѣ воспитывалась, такъ видала людей-то не тебѣ чета.

БОРОДКИНЪ.

А я такъ думаю, что люди всё однѣ-съ.

АРИНА ФЕДОТОВНА.

Вотъ то-то и есть что разница. Есть необразованные, вотъ какъ ты, а то есть люди съ понятіемъ.

Бородкинъ.

Хоть бы посмотрѣть когда на такихъ-то. Что жъ вы тамъ за-мужъ не шли?

Арина Федотовна.

А оттого, что не хочу, чтобъ надо мной мужчина командовалъ. Всѣ они невѣжи, и очень много о себѣ думаютъ. Да и опять это не твое дѣло.

Бородкинъ.

Нѣтъ-съ, я такъ. Жалко только со стороны смотрѣть, что, при вашемъ такомъ образованіи, на васъ никто не прельщается.

Арина Федотовна.

Невѣжа, смѣешь ли ты такъ съ дамою разговаривать?

Бородкинъ.

Да что съ вами разговаривать! Разговаривать-то съ вами нечего, потому, что вы не дѣло толкуете.... все равно что воду толочь. (*Беретъ гитару и настраиваетъ.*) Я буду разговаривать съ Максимомъ Федотычемъ.

Арина Федотовна.

Разговаривай, пожалуй, да ничего толку не будетъ, потому, что лѣзешь ты, мой другъ, слуру, куда не слѣдуетъ. (*Оставляетъ шитье, беретъ карты и раскладываетъ.*)

Бородкинъ.

Хоша бы и такъ, все это наше дѣло.... Васъ не спросимъ. (*Беретъ нѣсколько аккордовъ и поетъ въ полголоса русскіе мотивы.*)

Арина Федотовна.

Ну что ты поешь?... Есть ли тутъ складъ какой-нибудь! Какъ есть деревня!

Бородкинъ.

Спойте вы, коли лучше знаете. (*Подаетъ ей гитару.*)

Арина Федотовна.

Да ужъ, конечно, не стану вашихъ мужицкихъ пѣсень пѣть. (*Поетъ съ чувствомъ романсъ.*)

Бородкинъ.

Это что жъ такое-съ?

Арина Федотовна.

Что? Извѣстно что,—романсъ. (*Задумывается.*) У насъ, Ваня, какъ жила я въ Москвѣ, былъ прикащикъ Вася, это онъ меня выучилъ. Только какъ онъ пѣлъ, это прелести слушать. (*Опять раскладываетъ карты, потомъ быстро смѣшиваетъ ихъ и задумывается.*)

Бородкинъ.

Скоро придетъ Максимъ Федотычъ?

Арина Федотовна.

Ахъ, отстань ты отъ меня, почему я знаю. (*Входитъ Авдотья Максимовна.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же и Авдотья Максимовна.

Бородкинъ (*быстро вскакиваетъ*).

Наше вамъ почтенье, Авдотья Максимовна.

Авдотья Максимовна.

Здравствуйте, Иванъ Петровичъ. Здорова ли ваша маменька?

Бородкинъ.

Слава Богу, покорно васъ благодарю. Ваше какъ здоровье-съ?

Авдотья Максимовна.

Поцелую. Вы тятеньку дожидаетесь?

Бородкинъ.

Тятеньку-съ.

Авдотья Максимовна.

Онъ скоро придетъ,—подождите.

Бородкинъ.

Подождемъ-съ. (*Садится на стулъ.*)

Авдотья Максимовна.

А я, тетенька, къ вамъ погадать пришла. Загадайте мнѣ на трефоваго короля.

Бородкинъ.

Кто же это трефовыйи король-съ?

Арина Федотовна (*раскладывая карты*).

Ужъ конечно не ты. Ты думаешь, что только у насъ и свѣту, что ты.... (*Посль молчанія*.) Вотъ, Дуня, смотри!... Онъ тебя любитъ. Вотъ видишь.... (*Показываетъ на карты и шепчетъ Авдотью Максимовню*.)

Бородкинъ.

Загадайте мнѣ-съ.

Арина Федотовна (*гадаетъ*).

Ну, братъ, не дожидайся. Ничего. Слезы тебѣ выходятъ...

Бородкинъ.

Что жъ такое-съ, плакать-то намъ не въ первой-съ; радости-то мало видали-съ!

Авдотья Максимовна.

Вы давеча говорили что-нибудь съ тятенькой?

Бородкинъ.

На счетъ чего-съ?

Авдотья Максимовна.

Вы говорили, такъ сами знаете на счетъ чего.

Бородкинъ.

У насъ вообще былъ разговоръ, въ троемъ-съ—и Селиверстъ Потапычъ тутъ былъ-съ.

Арина Федотовна.

Ты полно сиротой-то притворяться; мы ужъ слышали.

Авдотья Максимовна.

Какъ же это вамъ, Иванъ Петровичъ, не совѣстно: не сказавши мнѣ ни слова, да прямо тятенькѣ....

Ари́на Фе́дотовна.

Захотѣла ты отъ мужика совѣсти!

Боро́дкинъ.

Да вы что жъ такое, въ самомъ дѣлѣ!... Все мужикъ да мужикъ!...

Ари́на Фе́дотовна.

Онъ братцу Лазаря поетъ, да шутки разныя подводитъ, а тотъ ему и вѣрить.

Боро́дкинъ.

Полноте обижать-то, Арина Федотовна, мы на этакія дѣла не пойдемъ-съ. Эхъ, Авдотья Максимовна, вспомните-съ! Было времячко-съ, да, должно быть, прошло-съ! Должно быть, лучше насъ нашли-съ.

Ари́на Фе́дотовна.

Да ужъ, разумѣется, лучше васъ. Ишь ты, какой красавецъ! Думаешь, что ужъ лучше тебя и на свѣтѣ нѣтъ.

Боро́дкинъ.

Были и мы хороши-съ.

Ари́на Фе́дотовна.

Пойти-тъ велѣтъ самоварчикъ поставить, братецъ придетъ, чтобъ готово было. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Авдотья Максимовна и Боро́дкинъ.

Боро́дкинъ.

Эхъ, Авдотья Максимовна, грѣхъ вамъ! Вспомните: бывало, осеніе темные вечера вдвоемъ просиживали, вотъ у этаго окошечка. Бывало, въ сѣняхъ встрѣтимся, въ сумеречкахъ, такъ не наговоримся; долго нейду, такъ накинувши шубку-то на плечики, у калитки дожидались. Былъ я и Ванюшка и дружокъ, а теперь не хорошъ сталъ.

Авдотья Максимовна (*оглядывается кругомъ, тихо*).

Да ты, Ваня, не сердись! Я тебѣ все расскажу, ты самъ разсудишь. За меня теперь сватается благородный. Какой красавецъ со

бой-то, какой умный. Любила я тебя, ты знаешь, а ужь какъ его полюбила, я и не знаю, какъ это словами сказать. Увидала я его у Анны Антоновны, на прошлой недѣлѣ.... Сидимъ это мы съ ней, пьемъ чай, вдругъ онъ входитъ... какъ увидѣла я этакого красавца, такъ у меня сердце и упало; ну, думаю, быть бѣдѣ. А онъ, какъ нарочно, такой ласковой, такія рѣчи говорить.

Бородкинъ.

Знаемъ мы эти рѣчи-то. Онъ хороши, пока вы ихъ слушаете. Бывало сидишь въ лавкѣ, вечера-то ждешь не дождешься, вся душа изомреть, и то и другое передумаешь, что тебѣ сказать-то, а какъ придешь, и слова не выговоришь. А скажется слово, такъ отъ сердца, что душа чувствуетъ; а у нихъ рѣчи ученія—говорятъ одно, а думаютъ другое. Видимое дѣло, что ему твои деньги нужны; нешто бѣ онъ не нашель невѣсту помимо тебя.

Авдотья Максимовна.

Нѣтъ, Ваня, не говори этаго, онъ меня любитъ.

Бородкинъ.

А нешто я-то тебя, Дуня, не люблю?

Авдотья Максимовна.

Что-жъ мнѣ дѣлать-то! На грѣхъ я его увидѣла! Такъ вотъ съ тѣхъ поръ изъ ума нейдетъ, и во снѣ все его вижу. Словно я къ нему привороженная какая. (*Сидитъ задумавшись.*) И нѣтъ мнѣ никакой радости!... Прежде я веселилась дѣвка, какъ птичка порхала, а теперь сижу вотъ, какъ къ смерти приговоренная, не веселитъ меня ничто, не глядѣла бѣ я ни на кого. Ужъ и что я, бѣдная, въ эти дни слезъ пролила!... Вѣдь надо-жъ быть такой бѣдѣ!...

Бородкинъ.

Ты можетъ думаешь, что мнѣ легче тебя!... Тебѣ горе, а мнѣ вдвое.

Авдотья Максимовна.

Женись, Ваня, на Грушѣ, она мнѣ ровестница и подруга, а ужъ со мной пусть будетъ, что Богъ велитъ.

Бородкинъ.

Что мнѣ жениться-то!... на что?... Чужой вѣкъ заѣдать?—Я ужъ любить ее не буду.

АВДОТЯ МАКСИМОВНА.

Вотъ я тебѣ, Ваня, все сказала, что только сердце мое чувствовало.... Не захотѣла я тебя обмануть.

БОРОДКИНЪ.

Эхъ! загубила ты мою молодость!... (*Плачетъ отворотившись къ окну, потомъ беретъ гитару и поетъ.*)

«Вспомни, вспомни, моя любезная,
Нашу прежнюю любовь,
Какъ мы съ тобой, моя любезная,
Погуливали.
Осеннія, темныя ночи
Просиживали.
Забавныя, тайныя рѣчи
Говаривали —
Тебѣ, мой другъ, мой другъ,
Не жениться,
А мнѣ молодой за мужъ
Нейдти.»

АВДОТЯ МАКСИМОВНА.

Не пой ты, не терзай мою душу! (*Бородкинъ перестаетъ играть, она подходитъ къ нему.*)

БОРОДКИНЪ (*ударяетъ себя въ грудь, обнимаетъ ее и крѣпко цѣлуетъ*).

Помни, Дуня, какъ любилъ тебя Ваня Бородкинъ. (*Она садится на диванъ, а онъ ходитъ по комнатѣ. Входитъ Русаковъ и Арина Федотовна.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ-ЖЕ, РУСАКОВЪ И АРИНА ФЕДОТОВНА.

РУСАКОВЪ (*раздѣвается, ему помогаютъ дочь и сестра*).

Старость-то то что значить! Усталъ! Вотъ далеко ли сходилъ, усталъ.... Право такъ. Что, Иванушка, не весель? ..

БОРОДКИНЪ.

Маленько сгрунулось что-то.

Русаковъ.

Объ чемъ тебѣ грустить-то, паренекъ, паренекъ!... Что Бога-то гиѣвить! Дунюшка, поди-ка сюда. (*Гладитъ по головѣ и цѣлуетъ.*) Вотъ какова у меня дочка-то! Невѣста! За-мужъ пора отдавать. А и жаль: радость-то, Иванушка, у меня только одна. Что есть, дѣтушки, лучше того на свѣтѣ, какъ жить всѣмъ вмѣстѣ, да въ радости. Нѣтъ больше счастья на землѣ, какъ жить своей семьей въ мирѣ, да въ благочестіи—и самому весело и люди на тебя будутъ радоваться. А врагу рода человѣческаго это досада не малая; онъ тебя будетъ всякимъ соблазномъ соблазнять, всякимъ прельщеніемъ. Поддался ты ему, ну и пошла брань да нелюбовь въ семьѣ, и еще того хуже бываетъ. Не поддался, ну и онъ бѣжить далеко, потому ему смерть смотрѣть на честное житье. Какія бываютъ дѣла, Иванушка! Поживешь-то, всего насмотришься. Дѣти ли не почитаютъ родителей, жены ли живутъ съ мужьями неладно—все это дѣло вражье. Всякій часъ отъ него берегись! Эхе-хе! Не даромъ пословица говорится: не бойся смерти, а бойся грѣха. (*Молчаніе.*) Одна у меня теперь забота, какъ бы мнѣ Дунюшку пристроить. Полюбовался-бъ на тебя, мое дитятко, внучать бы понянчилъ, коли Богъ приведетъ.... Ну, а тамъ ужъ что, чего мнѣ ждать, умеръ бы покойно; покрайности бы зналъ, что есть кому душу помянуть, добрымъ словомъ вспомнить. Пойдемъ-ка, Иванушка, мнѣ съ тобой поговорить нужно. (*Уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Авдотья Максимовна и Арина Федотовна.

Авдотья Максимовна.

Что мнѣ дѣлать, тетенька?

Арина Федотовна.

Неужели жъ за Бородкина идти! Что ты говоришь!... Викторъ Аркадьичъ все-таки человѣкъ.... а это что? мразь какая-то!

Авдотья Максимовна.

А знаете, тетенька, я какъ то боюсь Виктора Аркадьича.

Арина Федотовна.

То-то вотъ, матушка, деревня-то что значить! Жила ты все въ этомъ городишкѣ и людей-то не видывала.

Авдотья Максимовна.

Онъ давеча мнѣ говорить, что коли тятенька не согласится, такъ онъ меня потихоньку увезетъ. Я, тетенька, такъ испугалась, насилу до дому добѣжала.

Арина Федотовна.

Есть чего пугаться, скажите пожалуйста! Ахъ, Дунюшка, какъ это интересно, кабы ты знала! Коли мужчина хочетъ увезти, ужъ значить, что любить, пойми ты это.

Авдотья Максимовна.

А тятенька-то?... Что я тогда съ нимъ, съ старикомъ, сдѣлаю!

Арина Федотовна.

Что, тятенька-то! Тятенька твой еще ему долженъ быть благодарень. Гдѣ онъ тебѣ такого жениха найдетъ! Чтой-то ты, матушка, совсѣмъ деревенская. Нѣтъ, я съ молоду поудалѣй была.

Авдотья Максимовна (*смотритъ въ окно*).

Тетенька, голубушка, ѣдетъ. Бѣгите къ тятенькѣ, скажите ему, а я пойду, посижу у себя въ комнатѣ. Вотъ когда смерть-то моя! (*Уходитъ.*)

Арина Федотовна (*подходя къ двери*).

Братецъ! братецъ! пожалуйста сюда, къ вамъ гость пріѣхалъ. (*Русаковъ за сценой: «Кто тамъ еще? Сей часъ.» Вихоревъ входитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Арина Федотовна и Вихоревъ.

Вихоревъ.

Здравствуйте, Арина Федотовна! Максимъ Федотычъ дома?

Арина Федотовна.

Дома-съ, сей-часъ выйдетъ. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Вихоревъ (*одинъ*).

Ну, борода, поговоримъ теперь съ тобой! Съ которой бы стороны къ нему подѣхать?... Мудренъ вѣдь этотъ народъ! Рѣшительно не

знаю... ну да ужъ пущусь на счастье, куда кривая не вынесетъ. Нѣтъ ничего хуже, какъ съ мужиками разговаривать. Еще обругаетъ, того гляди. Ну да ужъ нечего дѣлать, амбицію-то пока въ сторону отложимъ. Вотъ крайность-то до чего доводитъ нашего брата!... (*Входитъ Русаковъ и Бородкинъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

Вихоревъ, Русаковъ и Бородкинъ.

Русаковъ.

Прощай, Иванушка, заходи ужо, теперь мнѣ некогда.

Бородкинъ.

Прощайте, Максимъ Ѳедотычъ, желаю вамъ быть здоровымъ. (*Уходитъ.*)

Вихоревъ (*подходитъ къ Максиму Ѳедотычу*).

Здравствуйте, почтеннѣйшій Максимъ Ѳедотычъ, какъ вы поживаете?

Русаковъ.

Слава Богу, живемъ, пока Богъ грѣхамъ терпитъ. Просимъ милости садиться....

Вихоревъ.

Сдѣлайте одолженіе, не беспокойтесь. (*Садится.*)

Русаковъ.

Сестрица, велите намъ чайку подать.

Вихоревъ.

Не для меня ли вы это, Максимъ Ѳедотычъ, беспокоитесь? Я уже пилъ, увѣряю васъ.

Русаковъ.

Нельзя же, батюшка, безъ этаго.

Вихоревъ.

Впрочемъ, сколько я замѣтилъ, ужъ такой обычай у русскаго народа—подчивать. Я, знаете ли, самъ человекъ русскій и, при-

знаться сказать, люблю и уважаю все русское; особенно мнѣ нравятся это гостепріимство, радушіе....

РУСАКОВЪ.

Не знаю, батюшка, какъ сказать. Что жъ, худаго тутъ нѣтъ ничего. (*Входитъ дѣвка съ подносомъ чаю.*)

РУСАКОВЪ.

Просимъ покорно. (*Берутъ и пьютъ молча.*)

ВИХОРЕВЪ.

Скажите, сдѣлайте одолженіе, Максимъ Федотычъ, бывали вы въ столицахъ?

РУСАКОВЪ.

Какъ, батюшка, не бывать, въ Москву по дѣламъ ѣзжалъ.

ВИХОРЕВЪ.

Не правда ли, тамъ жизнь совсѣмъ другая: больше образованности, больше развлеченія. Я думаю, посмотрѣвши на столичную жизнь, довольно скучно жить въ уѣздномъ городѣ.

РУСАКОВЪ.

Не всѣмъ же жить въ столицахъ, надобно кому-нибудь жить и въ уѣздномъ городѣ.

ВИХОРЕВЪ.

Я съ вами согласенъ; но впрочемъ, Максимъ Федотычъ, вы вѣдь не такой купецъ, какъ прочіе уѣздные купцы: вы составляете нѣкоторымъ образомъ исключеніе. Но чтожъ я говорю! Вы сами это очень хорошо знаете. Я думаю, вы съ вашимъ капиталомъ были бы и въ Москвѣ однимъ изъ первыхъ.

РУСАКОВЪ.

Какъ знать чужой капиталъ!... Нѣтъ, мнѣ и здѣсь хорошо.

ВИХОРЕВЪ.

Я понимаю, что вамъ здѣсь хорошо: вы здѣсь родились, привыкли, вамъ весь городъ знакомъ — конечно, привычка много значить; но у васъ есть дочь.

РУСАКОВЪ.

Такъ что жъ что дочь?

ВИХОРЕВЪ.

Вы, вѣроятно, захотите ей, дать цѣкоторое образованіе, показать ей людей... наконецъ найти хорошую партію. А гдѣ вы это здѣсь найдете?

РУСАКОВЪ.

Да что жъ, развѣ здѣсь звѣри живутъ, чай тоже люди.

ВИХОРЕВЪ.

Да развѣ здѣсь васъ могутъ оцѣнить, Максимъ Ѳедотычъ, развѣ могутъ! что вы говорите!

РУСАКОВЪ.

Да что насъ цѣнить-то! Намъ этаго ненужно. Ну ихъ совсѣмъ и съ оцѣнкой-то! Былъ бы самъ по себѣ хорошъ, а то про меня что хснъ говори.

ВИХОРЕВЪ.

Нѣтъ, скажите: развѣ есть здѣсь женихи для Авдотьи Максимовны? Развѣ есть? Гдѣ это? Покажите мнѣ ихъ! Кто посмѣетъ за нее посвататься изъ здѣшнихъ? Въ васъ мало самолюбія, — и это напрасно, Максимъ Ѳедотычъ: въ человѣкѣ съ такими достоинствами и съ такими средствами, оно весьма извинительно... Я вамъ говорю безо всякой лести, я горжусь вашимъ знакомствомъ... Я много ѣздилъ по Россіи, по такого семейства, какъ ваше — я не встрѣчалъ нигдѣ до сихъ поръ.

РУСАКОВЪ.

Благодаримъ покорно.

ВИХОРЕВЪ.

Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ. Много есть кушцовъ, да все въ нихъ нѣтъ того, что я вижу въ васъ, — этой патриархальности... Знаете ли что, Максимъ Ѳедотычъ?... Ваша доброта, ваше простодушіе, наконецъ, вашъ умъ даютъ мнѣ смѣлость говорить съ вами откровенно... Я надѣюсь, что вы на меня не обидитесь?

РУСАКОВЪ.

Что вамъ, батюшка, угодно?...

Вихоревъ.

Охъ, Максимъ Федотычъ, страшно! Но во всякомъ случаѣ, такъ ли, не такъ ли, я надѣюсь, что мы останемся друзьями. (*Подаетъ ему руку, тотъ кланяется, Вихоревъ подвигается къ нему.*) Влюбленъ, Максимъ Федотычъ, влюбленъ... въ Авдотью Максимовну влюбленъ. Я бы свозилъ ее въ Москву, показалъ бы ей общество, разныя удовольствія... у меня есть имѣнiе не очень далеко отсюда. Я думаю, что, выйдя за меня, она нисколько себя не уронитъ. А главное, мнѣ хочется породниться съ вами, Максимъ Федотычъ... Ну, и чинъ у меня...

Русаковъ.

Полноте, ваше благородiе, мы люди простые, ѣдимъ пряники не писанные, гдѣ намъ! Вѣдь насъ только за карманъ и уважаютъ.

Вихоревъ.

Полноте, Максимъ Федотычъ! Что за идея!

Русаковъ.

Право, такъ. А то за что насъ любить-то?

Вихоревъ.

За добрую душу.

Русаковъ.

Такъ ли полно?

Вихоревъ.

Я не понимаю, Максимъ Федотычъ, у насъ какой-то странный разговоръ происходитъ.

Русаковъ.

Не дѣло вы говорите. Вы люди благородные, ищите себѣ барышень... воспитанныхъ, а ужъ нашихъ-то дурь оставьте намъ, мы своимъ-то найдемъ жениховъ какихъ-нибудь дешевенькихъ.

Вихоревъ.

Однако, неужели же вы своей дочери не желаете добра, что не хотите отдать ее за человѣка благороднаго и притомъ такого, который ее любитъ?

РУСАКОВЪ.

Оттого-то и не отдамъ, что желаю добра, а вы какъ думали? Я худа чтоль ей желаю? Ну, какая она барыня, посудите, отецъ: жила здѣсь въ четырехъ стѣнахъ, свѣту не видала. А купцу-то она будетъ жена хорошая, будетъ хозяйничать, да дѣтей нянчить.

ВИХОРЕВЪ.

Но, Максимъ Федотычъ, я ее люблю.

РУСАКОВЪ.

Эхъ! (*Махнувъ рукой отворачивается.*)

ВИХОРЕВЪ.

Я васъ увѣряю, что я люблю Авдотью Максимовну до безумія.

РУСАКОВЪ.

Не повѣрю я вамъ.

ВИХОРЕВЪ.

Какъ не повѣрите?

РУСАКОВЪ.

Такъ, не повѣрю, да и все тутъ.

ВИХОРЕВЪ.

Да какъ же вы не повѣрите, когда я вамъ даю честное слово благороднаго человѣка?

РУСАКОВЪ.

Не за что вамъ ее любить! Она дѣвушка простая, невоспитанная и совсѣмъ вамъ не пара. У васъ есть родные, знакомые, всѣ будутъ смѣяться надъ ней, какъ надъ душой, да и вамъ-то она опротивѣетъ хуже горькой полыни... такъ отдамъ я свою дочь на такую каторгу! .. Да накажи меня Богъ!..

ВИХОРЕВЪ.

Я вамъ говорю, что со мной она будетъ счастлива, я за это ручаюсь.

РУСАКОВЪ.

Нечего намъ объ этомъ разговаривать, — это дѣло несбыточное. Ищите себѣ другую, я свою не отдамъ.

В И Х О Р Е В Ъ.

Я вамъ только одно могу на это сказать, что вы меня дѣлаете несчастнымъ человѣкомъ. (*Встаетъ.*) Извините, что я васъ обезпечилъ. У васъ, вѣроятно, есть кто нибудь на примѣтѣ, иначе я не могу предположить, чтобы вы, любя свою дочь, и желая ей счастья, отказали мнѣ. И мнѣ кажется, еслибъ вы меня покороче узнали... но таковъ ужъ, видно, русскій человѣкъ, — ему только бы поставить на своемъ; изъ одного упрямства — опъ не подорожитъ счастьемъ дочери...

Р У С А К О В Ъ.

Тыфу ты, прахъ побери! Да я-бъ съ тебѣя ничего не взялъ слушать-то такія рѣчи! Этакіи обиды я родясь не слыхивалъ! (*Отворотясь.*) Приѣдетъ не званый, не прошеный, да еще и наругается надъ тобой (*Идетъ*). Провались ты совсѣмъ!

Я В Л Е Н І Е X.

В И Х О Р Е В Ъ (*одинъ*).

Вотъ тебѣ разъ! Ну есть ли какая возможность говорить съ этимъ народомъ! Ломить свое, — ни малѣйшей деликатности!... Однако это чортъ знаетъ какъ обидно! (*Входитъ Арина Федотовна; Авдотья Максимовна выглядываетъ изъ дверей.*)

Я В Л Е Н І Е X I.

В И Х О Р Е В Ъ, А Р И Н А Ф Е Д О Т О В Н А и А В Д О Т Ъ Я М А К С И М О В Н А.

А Р И Н А Ф Е Д О Т О В Н А.

Викторъ Аркадьичъ, какъ дѣла?

В И Х О Р Е В Ъ.

Помилуйте, съ этимъ мужикомъ нельзя разговаривать; онъ чуть меня не прогналъ.

А В Д О Т Ъ Я М А К С И М О В Н А (*выходя*).

Скажите мнѣ, Викторъ Аркадьичъ, правду, какъ передъ Богомъ: любите вы меня?

В И Х О Р Е В Ъ.

Я васъ люблю, Авдотья Максимовна; но насъ хотятъ разлучить

Авдотья Максимовна.

Я сей-часъ сама пойду къ тятенькѣ. Поѣзжайте вы домой и не безпокойтесь. Онъ меня любитъ, онъ мнѣ не откажетъ. Только каково мнѣ просить его объ этомъ, какъ бы вы знали! (*Садится и плачетъ.*)

Вихоревъ (*раскланиваясь*).

Какъ же вы мнѣ дадите знать?

Арина Федотовна.

Мы пойдемъ нынче въ церковь.

Вихоревъ.

Такъ я васъ подожду подлѣ вала, на мосту.

Арина Федотовна.

Хорошо.

Вихоревъ.

Прощайте. (*Раскланивается и уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ-же и потомъ Русаковъ.

Арина Федотовна.

Ну, Дунюшка, теперь отъ тебя самой зависитъ твое счастье.

Авдотья Максимовна.

Ну ужъ, тетенька, что будетъ, то будетъ. Вотъ ужъ правду-то говорятъ, что любовь-то на свѣтѣ мука.

Русаковъ (*входя*).

Что уѣхалъ этотъ баринъ-то?

Арина Федотовна.

Уѣхалъ, братецъ.

Русаковъ.

Ишь его принесло, нужно очень.

Арина Федотовна.

Я не знаю, братецъ, отчего онъ вамъ не понравился.

РУСАКОВЪ.

Оттого, что дуракъ.

АРИНА ФЕДОТОВНА.

Да чѣмъ же онъ, братецъ, дуракъ? Онъ образованный человѣкъ.

РУСАКОВЪ.

А тѣмъ, что не умѣеть говорить съ людьми постарше себя.

АРИНА ФЕДОТОВНА.

Какъ, братецъ, кажется, ему не умѣть: онъ человѣкъ столичный, жилъ въ Москвѣ все промежду благородными.

РУСАКОВЪ.

Ну, и пусть туда ѣдетъ.

АРИНА ФЕДОТОВНА.

Ахъ, братецъ! Онъ такой образованный, такой политичный кавалеръ, что и въ Москвѣ-то на рѣдкость, а ужъ здѣсь-то намъ и никогда не найдти.

РУСАКОВЪ.

Поди ты съ своимъ образованіемъ! Много ты знаешь! — Прожила пять лѣтъ въ Таганкѣ, да и думаешь куда какъ образована. Что ты тамъ видѣла? Кромѣ сидѣльцевъ, да приказныхъ — ты и людей-то не видала.

АРИНА ФЕДОТОВНА.

Все-таки, братецъ...

РУСАКОВЪ.

Все-таки, сестрица, не тебѣ меня учить... вотъ что!... Ты что тамъ надувшись сидишь! Дуня! Никакъ ты плачешь?... О чемъ ты плачешь?

АВДОТЯ МАКСИМОВНА.

Я такъ, тятенька.

РУСАКОВЪ.

Говори объ чемъ?

Авдотья Максимовна.

Объ себѣ. Объ своемъ горѣ.

Русаковъ.

Что за горе тамъ у тебя? Откуда оно взялось?

Авдотья Максимовна.

Тятенька! Вы не будете сердиться?

Русаковъ.

Говори! Не сержусь!...

Авдотья Максимовна.

Тятенька! Я его люблю!

Русаковъ.

Кого его? Вѣтрогона-то этаго? Опомнись, полоумная!

Авдотья Максимовна.

Я безъ него жить не могу. Умереть мнѣ легче, чѣмъ идти за другаго.

Русаковъ.

Что ты!... что ты!... Да ты подумай, что ты говоришь-то.

Авдотья Максимовна.

Я ужъ думала, и дни думала, и ночи напролетъ думала, не смыкаячи глазъ. Безъ него мнѣ не милъ бѣлый свѣтъ! Я отъ тоски да отъ слезъ въ гробъ сойду!

Арина Федотовна.

Братецъ, пожалѣйте, у васъ вѣдь одна дочь-то.

Русаковъ.

Ты, сестра, молчи—это не твое дѣло. Дуня, не дури! Не печаль отца, на старости лѣтъ. Выкинь блажь-то изъ головы. Отецъ лучше тебя знаетъ, что дѣлаетъ. Ты думаешь, ему ты нужна?—Ему деньги нужны, дура! Онъ тебя только обманываетъ, онъ выманить деньги-то, а тебя прогнать черезъ недѣлю. У меня есть для тебя женихъ: Иванъ Петровичъ; ужъ я ему обѣщаль.

Арина Федотовна.

Легко ли!... Ужъ вотъ партія. Промѣнять такого кавалера на Бородкина.

Авдотья Максимовна (*затываясь слезами*).

Не видала бѣ ужъ я его лучше, чѣмъ такъ мучиться.

Русаковъ.

Да что жъ вы въ самомъ дѣлѣ, съ ума что ли сошли! Да какъ вы смѣете со мной такъ разговаривать? Ты еще, дура, тутъ своими разговорами дѣвку съ толку сбиваешь, изъ ума выводешь. Отъ тебя-то вся и бѣда. Что у тебя вмѣсто головы-то надѣто? Кабы не твоя болтовня, смѣла бѣ она такъ съ отцомъ разговаривать?

Арина Федотовна.

Вотъ, братецъ, вы всегда...

Русаковъ.

Молчи, пустоголовая!... Вотъ тебѣ, Авдотья, мое послѣднее слово: или ты поди у меня за Бородкина, или я тебя и знать не хочу!

Авдотья Максимовна (*подымаясь со стула*).

Тятенька...

Русаковъ.

Не подходи! Я тебя растилъ, я тебя берегъ пуще глазу. Что грѣха на душу принялъ... вѣдь гордость меня одолѣла съ тобой, я не давалъ никому про своихъ дѣтей слова выговорить, я думалъ, что ужъ лучше тебя и на свѣтѣ нѣтъ. Наказалъ Богъ по грѣхамъ! Говорю тебѣ, Авдотья,—иди за Бородкина. Не пойдешь, не будетъ тебѣ моего благословенія. А чтобъ я и не слыхалъ про этаго проходимца! Я его и знать не хочу. Слышишь ты, не доводи меня до грѣха! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Авдотья Максимовна и Арина Федотовна.

Авдотья Максимовна (*почти безъ памяти*).

Тетенька! мнѣ давеча было жалъ Ваню, теперь онъ мнѣ опостылѣлъ... опостылѣлъ... ахъ!... (*Падаетъ въ обморокъ.*)

АРИНА ФЕДОТОВНА.

Ахъ, батюшки!... Ахъ, батюшки!... Поди, погляди, уморилъ дочь-то, уморилъ!... Варваръ этакой!... Тиранъ!... Воды подайте! Воды!... (*Русаковъ входитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XIV.

АРИНА ФЕДОТОВНА, АВДОТЯ МАКСИМОВНА И РУСАКОВЪ.

РУСАКОВЪ (*вбѣгая*).

Гдѣ? Что? Господи! (*Всплеснувъ руками.*) Побѣлѣла, какъ снѣгъ, хоть въ гробъ клади!... Дунюшка! (*Беретъ за руку.*) Дунюшка! (*Смотритъ на нее.*) Вотъ и мать такая же лежала въ гробу—вотъ двѣ капли воды. (*Утираетъ слезы.*) Господи! непусти! Дуня! (*съ ужасомъ*). Очнется ли она, очнется-ль!... Нѣтъ!... Ужли-жь я ее убилъ?... (*Стоитъ подль въ оцѣпенѣніи; дѣвка приноситъ воду и уходитъ.*)

АРИНА ФЕДОТОВНА (*брызгаетъ водою на Дуню*).

Дунюшка! Дунюшка!.. Говорила я вамъ, братецъ, такъ не послушали.

РУСАКОВЪ.

Ну, что она?... Что, Дунюшка? ..

АРИНА ФЕДОТОВНА.

Тихонько, тихонько, очнулась, кажется.

АВДОТЯ МАКСИМОВНА (*открывая глаза*).

Гдѣ тятенька?

РУСАКОВЪ.

Здѣсь, дитятко, здѣсь. (*Садится подль нея на диванъ.*)

АВДОТЯ МАКСИМОВНА (*прилегая къ нему на грудь*).

Тятенька!...

РУСАКОВЪ.

Что, Дунюшка, что?

Авдотья Максимовна.

Я люблю его.

Русаковъ.

Ахъ, Дунюшка, кабы я зналъ, что онъ степенный человѣкъ, да что онъ тебя любитъ, я-бъ тебя сейчасъ за него отдалъ, и разговаривать бы не сталъ.

Авдотья Максимовна.

Онъ меня любитъ.

Русаковъ.

Охъ, Дунюшка, не вѣрится мнѣ... Ну, да вотъ мы это узнаемъ. Дѣло-то простое. Я ему скажу, что за тобой ничего не дамъ; коли любитъ, пускай такъ беретъ.—Коли любитъ, возьметъ и такъ.

Авдотья Максимовна.

Неужели онъ меня изъ-за денегъ любитъ?...

Арина Федотовна.

Ахъ, братецъ, развѣ это можно вообразить, чтобы въ такомъ мужчинѣ не было никакихъ чувствъ; онъ совсѣмъ не такой интересанъ, какъ вы думаете.

Русаковъ.

А вотъ, посмотримъ, что онъ скажетъ.

Арина Федотовна.

Ну, ужъ, братецъ, я васъ увѣряю, что онъ человѣкъ самый благородный.

Авдотья Максимовна.

Тятенька, да развѣ въ богатствѣ счастье?... Коли любишь человѣка, такъ никакихъ сокровищъ ненадо.

Русаковъ.

Это ты, мое дитяtko, такъ рассуждаешь, а у нихъ-то другое на умѣ; ну да вотъ посмотримъ.

Авдотья Максимовна (*цѣлуетъ отца*).

Тятенька, голубчикъ, вы меня воскресили, а то ужъ я, право, думала, что умираю; да я-бъ и умерла съ горя, я ужъ это знаю. Тятенька, вѣдь мы хотѣли идти въ церковь...

РУСАКОВЪ.

Поди, Дунюшка, помолись, а мнѣ нужно по дѣлу сходить. Прощай! (*Цѣлуетъ ее и уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XV.

ТѢ-ЖЕ БЕЗЪ РУСАКОВА.

АВДОТЯ МАКСИМОВНА.

Ахъ, тетенька, я все еще не могу оправиться.

АРИНА ФЕДОТОВНА.

Ну, ужъ теперь не о чемъ тужить. На нашей улицѣ праздникъ. Пойдемъ-ка скорѣй. Олѣвайся. То-то онъ, бѣдный, обрадуется, какъ услышитъ. (*Уходятъ.*)

Конецъ 2-го дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ III.

СЦЕНА I.

Небольшая комната на постояломъ дворѣ. Темно.
Входятъ: Вихоревъ, Авдотья Максимовна и Степанъ со свѣчей.
Авдотья Максимовна садится къ столу. Вихоревъ ходитъ по
комнатѣ. Степанъ ставитъ свѣчу на столъ).

ВИХОРЕВЪ.

Что это за народъ! Вѣдь я тебѣ, дураку, приказывалъ, чтобы лошади были готовы.

СТЕПАНЪ.

Развѣ съ ними сговоришь? Извѣстное дѣло — мужики. Говорятъ, сейчасъ будетъ готово.

ВИХОРЕВЪ

Ступай, да скажи, чтобъ они у меня живѣй поворачивались, я этаго не люблю. *(Степанъ уходитъ.)*

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Куда вы меня завезли?

ВИХОРЕВЪ.

Мы теперь въ Ямской слободѣ.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Зачѣмъ же вы завезли меня сюда?

ВИХОРЕВЪ.

За тѣмъ, что я люблю тебя. Сейчасъ заложать лошадей, мы поѣдемъ къ Баранчевскому въ деревню, это всего семь верстъ отъ города, тамъ и обвѣнчаемся, а завтра въ городъ. *(Садится подль нея.)*

Авдотья Максимовна.

Конечно, Викторъ Аркадьичъ, я люблю васъ—и готова для васъ сдѣлать все на свѣтѣ, да зачѣмъ же вы меня увезли насильно, тятенька теперь меня хватится... и бѣда моя просто... Что онъ подумаетъ?... Съ какими глазами я къ нему покажусь?...

Вихоревъ.

Послушай, мой другъ! Ты сама мнѣ говорила, что Максимъ Федотычъ согласенъ; такъ за что же онъ будетъ сердиться? Я тебѣ скажу откровенно, я тебя увезъ потому, что у меня тутъ былъ свой расчетъ. — Я знаю, что старики упрямы: нынче онъ согласенъ, а завтра, пожалуй, заупрямится, какъ лошадь. Ну, что жъ хорошаго?... А ужъ какъ дѣло-то сдѣлано, такъ назадъ не воротишь.

Авдотья Максимовна.

Викторъ Аркадьичъ! я съ вами и въ огонь и въ воду готова, только пустите меня къ тятенькѣ; я еще теперь приду во-время. А вы завтра прѣзжайте къ намъ.

Вихоревъ.

Ни за что, душа моя! Нѣтъ, ужъ я такъ глупъ не буду; ужъ я теперь съ тобой не разстанусь, благо мнѣ случай помогъ. (*Авдотья Максимовна плачетъ.*) Полно плакать-то, перестань! Такъ-то ты меня любишь!...

Авдотья Максимовна.

Я васъ люблю, видите Богъ люблю!... (*Привстаетъ; обнимаетъ и цѣлуетъ его.*) Голубчикъ, Викторъ Аркадьичъ, что хотите со мной дѣлайте, только пустите къ тятенькѣ.

Вихоревъ.

Полно, перестань! Это дѣло невозможное, объ этомъ и говорить нечего. (*Встаетъ и ходитъ по комнатѣ; Авдотья Максимовна плачетъ.*) Что жъ это лошадей не даютъ? Это ужасно!... Ну, объ чемъ ты плачешь, скажи?... (*Напльваетъ.*)

«Ахъ объ чемъ ты проливаешь
Слезы горькія тайкомъ,
И украдкой утираешь
Ихъ кисейнымъ рукавомъ?...»

Авдотья Максимовна.

Вамъ, я вижу, Викторъ Аркадьичъ, ничего меня не жалко.

Вихоревъ.

Жалѣть-то нечего: все это вздоръ и пустяки.

Авдотья Максимовна.

А тятенька-то?....

Вихоревъ.

Что жъ тятенька! Посердиться да и перестанеть, велика важность!... Ты мнѣ лучше расскажи, какъ ты его уговорила, вотъ это интересно знать. Давеча онъ на меня зарычалъ, какъ медвѣдь!

Авдотья Максимовна.

И сама не знаю, какъ у меня духу достало. — Говорю ему прямо, что люблю васъ, и не помню себя и не знаю, какъ выговорила. Потомъ ужъ и не слышу, что онъ говоритъ; твержу только одно, что умру, что безъ васъ жить не могу.

Вихоревъ.

Вотъ любовь! вотъ любовь! Да я тебя расцѣлю за это. (*Целуетъ ее.*)

Авдотья Максимовна (*тихо*).

Любишь меня?...

Вихоревъ.

Люблю, люблю!

Авдотья Максимовна.

Ненаглядный ты мой! Радость, жизнь моя! Куда хочешь съ тобой! Никого я теперь не боюсь, и никого мнѣ не жалко. Такъ бы вотъ улетѣла съ тобой куда-нибудь. (*Обнявши его смотритъ ему въ глаза.*) Какой ты хорошенькій! я такихъ и не видывала... точно нарисованный! (*Говоритъ съ разстановкой.*) Знаешь что! Давай жить здѣсь все вмѣстѣ съ тятенькой! Точно бы жила я, какъ въ раю. А то уѣдешь далеко... тятеньки нѣтъ... скучно будетъ безъ него...

Вихоревъ.

Ну, объ этомъ послѣ поговоримъ. — Ты мнѣ расскажи, какъ ты тятеньку-то уговорила?

Авдотья Максимовна.

Ну, вотъ, слушай: началъ онъ меня бранить, такъ бранить, такъ бранить... Я въ слезы... Иди, говоритъ, за Бородкина, вотъ тебѣ женихъ; а объ этомъ и думать не смѣй, а то, говоритъ, я тебя и знать не хочу. У меня такъ къ сердцу подкатило, стало въ глазахъ темнѣть, темнѣть... Тутъ ужъ я и не помню ничего, какъ стояла, такъ и упала.

Вихоревъ.

Вотъ народъ-то! Однако, что же это лошадей!... Степанъ! (*Входитъ Степанъ.*) Что жъ лошади? Осель!

Степанъ.

Сейчасъ будутъ готовы-сь: взвѣшиваютъ. (*Уходитъ.*)

Авдотья Максимовна.

Какъ я очнулась, — не помню; только вижу, тятенька сидитъ подлѣ меня, плачетъ... Ну, говоритъ, Богъ съ тобой!

Вихоревъ.

Ну, а согласился, такъ и конецъ, только и надобно было для нашего благополучія. Погоди, заживемъ мы съ тобой.

Авдотья Максимовна.

Онъ мнѣ еще одно словечко сказалъ, да это такъ, пустяки, не стоитъ и вниманія.

Вихоревъ.

Что же это за словечко?

Авдотья Максимовна.

А вотъ что: говоритъ, онъ тебя, Дуня, не любитъ, онъ тебя обманываетъ, ему только деньги нужны, а не ты. — Коли хочеть, такъ пусть беретъ безо всего. А я думаю: на что деньги?... Богъ съ нами и съ деньгами, не въ деньгахъ счастье. Ну, конечно, приданое, тамъ, что мнѣ нужно, — онъ дастъ... А деньги... на что онѣ? Не съ деньгами жить, а съ добрыми людьми.

Вихоревъ.

Да это онъ вретъ, онъ и денегъ дастъ.

Авдотья Максимовна.

Ну, нѣтъ, не знаю: онъ у насъ что сказалъ, то и свято. Опять же онъ на меня теперь въ сердцахъ, что я его не послушала: онъ ни за что не дастъ.

Вихоревъ.

Гмъ! дѣло-то скверно!... (*Беретъ себя за голову.*) А — ахъ!..

Авдотья Максимовна.

Я, Викторъ Аркадьичъ, такъ разсудила: что лучше жить въ бѣдности, да съ милымъ человѣкомъ, чѣмъ въ богатствѣ, да съ постылымъ.

Вихоревъ.

Съ милымъ! А какъ съ милымъ-то жить нечѣмъ будетъ?

Авдотья Максимовна.

Да вѣдь у васъ есть деревня своя?

Вихоревъ.

Деревня? Какая деревня!... Все это вздоръ!... Ты вотъ что скажи, только говори откровенно: дастъ онъ денегъ или нѣтъ?

Авдотья Максимовна.

Не дастъ!...

Вихоревъ.

Такъ что-жь ты со мной дѣлаешь?

Авдотья Максимовна.

Да развѣ я виновата, Викторъ Аркадьичъ?

Вихоревъ (*ходя по комнатѣ*).

Вамъ только влюбляться, да какъ бы замужъ выдти за благороднаго, чтобы барыней быть!

Авдотья Максимовна.

Что вы говорите, Викторъ Аркадьичъ?

Вихоревъ.

Кому нужно даромъ-то васъ брать! Можно было, я думаю, догадаться, — не маленькая! Любовь, да нѣжности все на умѣ!... Вѣдь

глупость-то какая! Всѣ вы думаете, что васъ за красоту берутъ, такъ съ ума и сходятъ!

Авдотья Максимовна (*закрываетъ лице руками*).

Бѣдная я, горемычная! Для чего это я только на свѣтъ рождена!...

Вихоревъ.

Видимое дѣло, что человѣку деньги нужны, коли онъ на купчихѣ хочетъ жениться! — Влюбиться-то бы я и въ Москвѣ нашелъ въ двадцать разъ лучше, а то всякая дура думаетъ, что въ нее влюблены безъ памяти.

Степанъ (*входитъ*).

Лошади готовы-съ.

Вихоревъ.

Пошелъ вонъ, дуракъ! (*Степанъ уходитъ*.)

Авдотья Максимовна.

Что вы со мной сдѣлали!... Куда я теперь дѣнусь?... Какъ я домой покажусь?

Вихоревъ.

А миѣ-то какое дѣло?... Зачѣмъ ѣхала?...

Авдотья Максимовна.

Вѣдь вы меня насильно посадили.

Вихоревъ.

Выпроси у отца сто тысячъ, такъ я, пожалуй, женюсь на тебѣ. Будешь барыня!

Авдотья Максимовна (*вставая и покрываясь платкомъ*).

Да отсохни у меня языкъ, если я у него попрошу хоть копейку! (*Подходитъ къ нему*.) Не будетъ вамъ счастья, Викторъ Аркадьичъ, за то, что вы наругались надъ бѣдной дѣвушкой... Вы у меня всю

жизнь отняли. Миѣ теперь легче живой въ гробъ лечь, чѣмъ домой явиться: родной отецъ отъ меня отступится; осрамила я его, на старости лѣтъ; весь городъ будетъ на меня пальцами показывать.

Вихоревъ.

Ужъ это мы слышали не одинъ разъ.

Авдотья Максимовна.

Богъ васъ накажетъ за это, а я вамъ зла не желаю. Найдите себѣ жену богатую, да такую, чтобъ любила васъ такъ, какъ я; живите съ ней въ радости, а я дѣвушка простая, доживу какъ-нибудь, скоротаю свой вѣкъ въ четырехъ стѣнахъ сидя, проклиная свою жизнь. Прощайте! (*Плачетъ.*) Прощайте... Я къ тятенькѣ пойду!... (*Быстро уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Вихоревъ, потомъ Степанъ.

Вихоревъ (*одинъ*).

Опять несчастье! Ахъ, чертъ возьми! Куда я теперь дѣнусь?... Домотался! Хоть въ маркеры ступай! Поѣду еще куда-нибудь... Говорятъ, въ Короваевѣ есть богатые купцы, и недалеко — всего верстъ пятьдесятъ. Степка!

Степанъ (*входитъ*).

Чего изволите-съ?...

Вихоревъ.

Вели этихъ лошадей откладывать, а миѣ найми другихъ въ Короваевъ. Да поѣзжай въ гостиницу, укладывайся, я сейчасъ тамъ буду. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Степанъ (*одинъ*).

Должно быть, опять невыгорѣло! Эхъ, жизнь, жизнь! Теперь злой сдѣлается, аки левъ. Всякую бѣду все на миѣ любить срывать. Да это легче въ Сибирь Тобольской итти. Дождется ужъ онъ, что я отъ него убѣгомъ уйду.

СЦЕНА II.

Комната 2-го акта.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Арина Федотовна и Анна Антоновна (*выходятъ изъ боковой двери и подходятъ къ задней*).

Анна Антоновна.

Скажите пожалуйста! Ахъ-ахъ-ахъ!... (*Качаетъ головой*.)

Арина Федотовна.

Увезъ, увезъ, матушка! Такой молодець! Подхватилъ въ коляску проворнымъ манеромъ, только я ихъ и видѣла.

Анна Антоновна.

Ужъ это по глазамъ было видно, что парень ловкій.

Арина Федотовна.

Какой еще ловкій-то!... Одного я боюсь: братецъ спросить, гдѣ Дунечка, что я скажу? Скажу, что у тебя; запоздала, моль, и ночевать осталась. Ну, а завтра сами пріѣдутъ, тамъ какъ хотятъ.

Анна Антоновна.

Объщаль мнѣ материн на платье подарить.

Арина Федотовна.

Что ты?

Анна Антоновна.

Право.

Арина Федотовна.

Видишь ты, какой благородный человѣкъ! (*Цѣлуются. Анна Антоновна уходитъ. Арина Федотовна садится къ столу*). Посмотримъ, что карты скажутъ. (*Входятъ Бородкинъ и Русаковъ*.)

ЯВЛЕНИЕ V.

Арина Федотовна, Русаковъ и Бородкинъ.

Русаковъ.

Сестрица, а сестрица!

АРИНА ФЕДОТОВНА (смѣшивая карты).

Чего изволите, братецъ?

РУСАКОВЪ.

Да пора-бы ужинать, вѣдь ужъ время-то поздно. (Арина Федотовна уходитъ).

РУСАКОВЪ.

А ты, Иванушка, поужинай съ нами. Мать-то знаетъ, что ты ко мнѣ пошелъ?

БОРОДКИНЪ.

Знаетъ.

РУСАКОВЪ.

Ну, такъ что жъ, ну, и ничего, беспокоиться не будетъ. А ты съ нами посиди. (Входитъ дѣвка и накрываетъ столъ.) Скажи ты мнѣ, Иванушка, отчего тебя Дуня не любитъ?

БОРОДКИНЪ.

Я, Максимъ Федотычъ, не знаю-съ. Я, кажется, готовъ, всю душу положить за Авдотью Максимовну, и всячески стараюсь какъ угодить. Если не любятъ, все-таки не я тому причиной. Можетъ, есть лучше насъ, а между прочимъ, не знаю-съ.

РУСАКОВЪ.

Ничего, Иванушка, не тужи. Дѣвичье сердце переменчивое: нынче не любитъ, а завтра полюбитъ.

БОРОДКИНЪ.

Хорошо, кабы такъ-съ.

АРИНА ФЕДОТОВНА (входитъ).

Готово, братецъ.

РУСАКОВЪ.

А Дунюшка гдѣ?

АРИНА ФЕДОТОВНА.

Не знаю, братецъ, еще не бывала.

РУСАКОВЪ.

Какъ же не знаешь, вѣдь ты съ ней вмѣстѣ ходила?

АРИНА ФЕДОТОВНА.

Да она хотѣла къ Аннѣ Антоновнѣ зайти; должно быть, тамъ засидѣлась.

РУСАКОВЪ.

Что жъ ты ее одну бросила! Пошли за ней дѣвку поскорѣй,— это недалеко.

АРИНА ФЕДОТОВНА.

Да она, можетъ быть, братецъ, тамъ ночевать останется.

РУСАКОВЪ.

Это зачѣмъ еще?... Пошли, я хочу ее видѣть.

АРИНА ФЕДОТОВНА.

Сейчасъ, братецъ. (*Уходитъ.*)

РУСАКОВЪ.

Подождемъ Дунюшку, посидимъ, покалякаемъ о чемъ-нибудь. (*Молчаніе.*) Что это, Иванушка, какъ я погляжу, народъ-то все хуже и хуже дѣлается, и что это будетъ, ужъ и не знаю. Возьмемъ хоть изъ нашего брата: ну, старики-то еще и туда-сюда, а молодые-то?... на что это похоже?... Ни стыда, ни совѣсти, вѣдь повѣрить ничего нельзя, а ужъ уваженія и не спрашивай. Нѣтъ, мы, бывало, страхъ имѣли, старшихъ уважали. Опять эту моду выдумали! Прежде ее не было, такъ лучше было, право. Проще жили, ну, и народъ честнѣй былъ. А то—я, говорить, хочу по модѣ жить, по нынѣшнему, а глядишь, тому не платитъ, другому не платитъ.

БОРОДКИНЪ.

Все это, Максимъ Федотычъ, отъ необузданности, а то и отъ глупости.

РУСАКОВЪ.

Именно отъ необузданности. Бить некому! А то-то бы учить-то надо... Охо-хо,—палка-то по нихъ плачетъ.

БОРОДКИНЪ.

Вѣдь все себѣ на гибель, Максимъ Федотычъ.

РУСАКОВЪ.

Да вѣдь другого жалко. Глядишь, мальченка-то и не дуракъ, вѣдь можетъ изъ него бы и путный вышелъ, кабы въ руки-то взять. А то его точно какъ вихоремъ какимъ носить, либо кружится тебѣ, какъ турманъ, ровно какъ угорѣлый, чтоли... да безпутство, да пьянство... Не глядѣли-бъ глаза, кажется.

БОРОДКИНЪ.

Потому, главная причина, Максимъ Федотычъ, основательности нѣтъ... къ жизни... Кабы основательность была, — ну, другое дѣло; а то помилуйте, Максимъ Федотычъ, въ головѣ одно: какое бы колѣно сдѣлать почуднѣй, чтобы невиданное... (*Входитъ Маломальскій*.)

ЯВЛЕНИЕ VI.

ТѢ-ЖЕ И МАЛОМАЛЬСКІЙ

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Свать, я къ тебѣ пришелъ... примѣрно, за дѣломъ...

РУСАКОВЪ.

Ну, что жъ, садись, милости просимъ. (*Маломальскій садится. Молчаніе.*) Ну, что же у тебя за дѣло?...

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Только, чтобъ тово... не вдругъ...

РУСАКОВЪ.

Да что тамъ такое?

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Это, свать, со всякимъ можетъ... гмъ... потому, захочетъ что сдѣлать, если, примѣрно... какъ ты ее удержишь или усмотришь... настоящее я тебѣ дѣло говорю...

РУСАКОВЪ.

Эхъ, безтолковъ ты, свать.

МАЛОМАЛЬСКІЙ (*отойдя на авансцену, мигая и маня рукой Русакова*).

Поди сюда.

РУСАКОВЪ.

Говори вслухъ, что тебѣ?...

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Примѣрно, такая штука... секретная...

РУСАКОВЪ.

Что тамъ еще?...

МАЛОМАЛЬСКІЙ (*оглядываясь*).

Свать... а гдѣ у тебя дочь?

РУСАКОВЪ.

Говорятъ, къ вамъ пошла, къ Аннѣ Антоновнѣ.

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Говорятъ! Кто говоритъ?... Не вѣрь, врутъ!.. врутъ, свать....
Обманъ, одинъ обманъ....

РУСАКОВЪ.

Поди, проснись!... Еще у тебя, видно, хмѣль-то не вышель....
пьянъ еще....

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Нѣтъ, не пьянъ.... Видѣлъ.... своими глазами видѣлъ....

РУСАКОВЪ.

Да что ты видѣлъ-то, говори, злодѣй!...

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Ее, свать, видѣлъ.... ее.... ѣдутъ.... въ коляскѣ....

РУСАКОВЪ.

Съ кѣмъ?...

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Съ бариномъ.... съ моимъ съ постояльцемъ.... Да... я не пья-
ный.... я видѣлъ....

БОРОДКИНЪ.

Кое мѣсто-съ?

Маломальскій.

За валомъ.... на мосту....

Русаковъ. (*садится къ столу и подпираетъ голову рукой*).

Господи, поддержи!... (*Молчаніе.*) Сестра! (*Арина Федотовна входитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ-ЖЕ И АРИНА ФЕДОТОВНА.

АРИНА ФЕДОТОВНА.

Что вы, братецъ?

РУСАКОВЪ.

Гдѣ дочь?

АРИНА ФЕДОТОВНА.

Право, братецъ, не знаю....

РУСАКОВЪ.

Говори, сестра, говори всю правду, слышишь!

АРИНА ФЕДОТОВНА.

Право, братецъ, не знаю.... Можетъ быть, Викторъ Аркадьичъ.... Они тутъ на лошадяхъ подѣзжали....

БОРОДКИНЪ.

На чьихъ лошадяхъ—на извозничьихъ-съ?...

АРИНА ФЕДОТОВНА.

Нѣтъ, на Баранчевскихъ.

БОРОДКИНЪ.

Такъ далеко не уѣдутъ-съ. — Либо у Баранчевскаго надо искать, либо по гостинницамъ-съ.

РУСАКОВЪ.

Постой ты. — Что жъ она съ нимъ сѣла, да и поѣхала?

АРИНА ФЕДОТОВНА.

Нѣтъ, братецъ, онъ ее насильно посадилъ.

РУСАКОВЪ.

Насильно!... (*Встаетъ.*) Что жъ это, отцы мои! Увезли дѣвушку насильно! Помогите! Дочь мою, голубушку мою, послѣднюю мою радость. Вѣдь это разбой!... Побѣжимте!..

БОРОДКИНЪ.

Я хоть сію минуту-съ.

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Поѣдемъ.... у меня, свать, лошадь здѣсь ...

РУСАКОВЪ (*хватаясь за голову*).

Постойте! Откуда онъ ее увезъ?

АРИНА ФЕДОТОВНА.

За валомъ, братецъ, отъ мосту.

РУСАКОВЪ.

А зачѣмъ она тамъ была? Вы вѣдь въ церковь пошли?

АРИНА ФЕДОТОВНА.

Мы, братецъ, гуляли.

РУСАКОВЪ (*хватая ее за руку*).

Врешь, у васъ уговоръ былъ! Говори, былъ уговоръ, говори?

АРИНА ФЕДОТОВНА.

Былъ.

РУСАКОВЪ (*садится со слезами*).

Такъ зачѣмъ же мы поѣдемъ? Она своею волей уѣхала, она своею волей бросила отца, на смѣхъ людямъ, бросила старика одного горе мыкать! Дочка! не вѣкъ тебѣ будутъ радости. Вспомнишь ты и обо мнѣ. Кто тебя такъ любить будетъ, какъ я тебя любилъ?... Поживи въ чужихъ людяхъ, узнаешь, что такое—отецъ!... Диви бы я съ ней строгъ былъ, или жалѣлъ для нея что. — Я-ли ее не любилъ, я-ли ее не голубилъ?... (*Плачетъ.*)

БОРОДКИНЪ.

Полноте, Максимъ Федотычъ, пойдете, можетъ и найдемъ.

РУСАКОВЪ.

Не трожь, Иванушка, дай мнѣ наплакаться,—потомъ легче будетъ.

Бородкинъ.

Да вѣдь ужь слезами, Максимъ Федотычъ, не поможешь; лучше пойдти поискать.

Русаковъ.

Гдѣ искать! Зачѣмъ искать!

Арина Федотовна.

Ахъ, братецъ, какъ вы себя убиваете. Что вы безпокоитесь; они завтра сами пріѣдутъ: обвѣнчаются и пріѣдутъ.

Русаковъ (*встаетъ*).

Обвѣнчаются! Такъ нѣтъ, не хочу, не хочу! Поѣдемъ, свать! Отниму, коли найду. Запру въ свѣтлицу, тамъ и сиди. Пусть лучше умретъ на моихъ глазахъ, только не доставайся моему врагу.

Бородкинъ.

Мнѣ тоже прикажете?

Русаковъ.

Ты останься. Ну, сестрица, голубушка, отблагодарила ты меня за мою хлѣбъ-соль! Спасибо! Лучше бь ты у меня съ плечъ голову сняла, ничѣмъ ты это сдѣлала. Твое дѣло, порадуйся! Я ее въ страхѣ воспитываль, да въ добродѣтели, она у меня, какъ голубка была чистая. Ты пріѣхала съ заразой-то своей. Только у тебя и разговору-то было, что глупости.... всѣ рѣчи-то твои были такія вздорныя. Вѣдь тебя нельзя пустить въ хорошую семью: ты ядъ и соблазнъ! Вонъ изъ моего дома, вонъ! Чтобы нога твоя не была здѣсь!

Арина Федотовна.

Вы всегда, братецъ, обижаете...

Русаковъ (*уходя съ Маломальскимъ*).

Потаскушка ты этакая! (*Уходятъ*.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Арина Федотовна и Бородкинъ.

Арина Федотовна (*садится, плачетъ потомъ, поднявши голову*).

Ишь ты разгулялся! Ругатель, обидчикъ, мужикъ необразованный!

Бородкинъ.

А то васъ не ругать! Что жъ, хвалить, что ли, за такаія дѣла?

Арина Федотовна.

И ты туда жъ!.. Ахъ, ты дрянъ бородастая! Молчалъ бы ужъ лучше!...

Бородкинъ.

Такъ что-жъ небойсь, хорошо сдѣлали!...

Арина Федотовна.

Да вотъ какъ ни сдѣлали, а тебѣ не досталось. Теперь ищите съ батюшкой-то, а ужъ дѣло-то кончено; по крайней мѣрѣ, на своемъ поставили.

Бородкинъ.

Какъ бы послѣ не плакать.

Арина Федотовна.

Не объ тебѣ ли ужъ?... Эко несчастіе, скажите! Какого жениха упустили!.. Какъ не плакать!.. А посмотри-ка, какъ онъ завтра съ ней прикатитъ, да взойдетъ-то этакой кавалеръ, такъ любоваться мило-дорого будетъ.

Бородкинъ.

Хорошо, кабы вашими устами да медъ пить. — Я-бы самъ вчужѣ за Авдотью Максимовну порадовался.

Арина Федотовна.

Да ужъ теперь не то, что прежде — и посмотрѣть-то на нее, ты долженъ за счастье считать. (*Авдотья Максимовна входитъ, держась за дверь, и молча садится къ столу. Арина Федотовна и Бородкинъ смотрятъ на нее въ недоумѣніи.*)

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ-же и Авдотья Максимовна.

Авдотья Максимовна.

Господи! измучилась... Ну, слава Богу, теперь, по крайней мѣрѣ, я дома...

Арина Федотовна.

Дунечка, что съ тобой! Откуда ты?...

Авдотья Максимовна.

Гдѣ тятенька?

Бородкинъ.

Они пошли-съ... гмъ... недалечко-съ... скоро придуть...

Авдотья Максимовна.

Мнѣ его нужно видѣть поскорѣй... Гдѣ онъ, скажите вы мнѣ?...

Арина Федотовна.

Дунечка, бѣда у насъ: вѣдь онъ все узналъ. Тебя искать поѣхалъ. Селиверстъ Потапычъ ему все разсказалъ, — онъ видѣлъ какъ вы ѣхали съ Викторомъ Аркадьичемъ.

Авдотья Максимовна.

Тятенька, голубчикъ! Скоро ли онъ придетъ, скоро ли?... Я измучаюсь, изстрадается мое сердце до него, вся душа изноеть.

Бородкинъ (*Аринѣ Федотовнѣ*).

Надо вамъ было говорить!

Авдотья Максимовна.

Кто-то стукнулъ, не тятенька ли?.... (*Встаетъ, шатаясь.*)

Бородкинъ (*поддерживая ее*).

А хоть бы и онъ, что жъ за бѣда-съ?... Нешто вы въ этомъ виноваты, коли васъ насильно увезли.

Авдотья Максимовна.

Только, какъ мнѣ горько, кабы вы знали!... На кого была надежда, что онъ со мной сдѣлалъ!... Тошнехонько мнѣ!...

Бородкинъ.

Что же онъ съ вами сдѣлалъ-съ?

Авдотья Максимовна (*съ отчаяніемъ*).

Что сдѣлалъ? — Прогналъ! Мнѣ, говорить, тебя ненужно, а нужны деньги. А я, дура, думала, что онъ меня любитъ.

Бородкинъ.

Значить, Авдотья Максимовна, я такъ думаю: это дѣло надо будетъ бросить-съ.

Авдотья Максимовна.

А тятенька-то что скажетъ? Что люди-то скажутъ?

Бородкинъ.

Позвольте мнѣ за это дѣло взяться: я его обдѣлаю, какъ должно.

Авдотья Максимовна.

Вы?...

Бородкинъ.

Я-съ. Только, Авдотья Максимовна, какъ собственно теперича этотъ баринъ за всѣ свои невѣжества не стоитъ того, чтобы вы его любили, такъ ужь я буду въ надеждѣ-съ.

Авдотья Максимовна.

Я все на свѣтѣ для васъ сдѣлаю, только бы тятенька не гнѣбался на меня.

Бородкинъ.

А когда такъ, не извольте ничего беспокоиться, идите себѣ въ комнату, а я съ тятенькой переговорю. А то растроите его, да и сами отъ чувствъ даже больны можете быть. — Что хорошаго?...

Авдотья Максимовна.

У меня на васъ только и надежда!...

Бородкинъ.

Будьте спокойны. (*Авдотья Максимовна уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ X.

Бородкинъ и Арина Федотовна.

Бородкинъ.

Что, есть чему радоваться?... Убирайтесь-ка лучше отъ грѣха, пока Максимъ Федотычъ не пришелъ.

Арина Федотовна.

Кто жь это зналъ, что такъ случится; я и ума не приложу.

Бородкинъ.

Говорили вамъ, кажется, такъ вы сами умнѣе всѣхъ хотите быть. Посмотрите на Авдотью Максимовну теперь, у меня ижно слезы прошибло.

Арина Федотовна.

Ну, вотъ, поди-жъ ты, развѣ можно было ждать отъ него такого невѣжества?....

Бородкинъ.

Охъ, кабы я на мѣстѣ Максима Федотыча, я бы вамъ феферу задалъ.

Арина Федотовна.

Полно храбриться-то!

Бородкинъ.

Что храбриться-то?... За что погубили дѣвушку?... Али вамъ это ничего?...

Арина Федотовна (*прислушивается*).

Братецъ прѣхалъ. (*Уходитъ въ боковую дверь. Бородкинъ притворяетъ ее. Входитъ Русаковъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XI.

Бородкинъ и Русаковъ (*садится къ столу*).

Русаковъ.

Нѣтъ ее. — Ну, Иванушка, сирота я теперь. — Поди домой. Оставь меня, поди!

Бородкинъ.

Куда жъ мнѣ торопиться-то, я съ вами посижу.

Русаковъ.

Нѣтъ ее, Иванушка, ну, и не надо, одинъ поживу... имѣніе нищимъ раздамъ.

Бородкинъ.

Да помилуйте, Максимъ Федотычъ, можетъ еще все это благополучно кончиться.

Русаковъ.

Я ее теперь и видѣть не хочу, не велю и пускать къ себѣ, живи она, какъ хочешь! (*Молчаніе.*) Я ужь не увижу ее... Коли кто изъ васъ увидитъ ее, такъ скажите ей, что отецъ ей зла не желаетъ, что коли она, бросивши отца, можетъ быть душой покойна, жить въ радости, такъ Богъ съ ней! — Но за поруганіе мое, моею сѣдой головы, я видѣть ее не хочу никогда! Дуня умерла у меня! Нѣтъ, не умерла, ее и не было никогда! Имени ея никто не смѣй говорить при мнѣ!... (*Авдотья Максимовна входитъ и останавливается на порогѣ.*)

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ-же и Авдотья Максимовна

Русаковъ.

Кто? кто это?

Авдотья Максимовна.

Я, тятенька.

Русаковъ.

Ты? А любовникъ гдѣ?

Авдотья Максимовна.

Тятенька!...

Русаковъ.

Къ нему, къ нему, ступай къ нему!

Авдотья Максимовна (*твердо*).

Я не пойду изъ дому. Прогоните, — я умру на порогѣ.

Русаковъ (*молча смотритъ на нее*).

Гдѣ же тотъ-то? гдѣ мой врагъ-то?...

Авдотья Максимовна.

Онъ меня обманулъ, онъ меня не любитъ — ему только деньги нужны.

Русаковъ.

А! вотъ что!... Я, кажется, давеча говорилъ тебѣ объ этомъ. Да гдѣ отцу знать: онъ на старости лѣтъ изъ ума выжилъ. — Ну, зачѣмъ же ты пришла?

Авдотья Максимовна.

Куда жъ я, тятенька, дѣнусь?

Русаковъ.

Ну, что жъ, извѣстно, не гнать же мнѣ тебя (*Притворно смѣется.*)

Авдотья Максимовна (*падаетъ ему въ ноги.*).

Тятенька! простите меня!

Русаковъ.

Простите! Нѣтъ, ты меня уморила было!... Вѣдь мнѣ теперь стыдно людямъ глаза показать, а про тебя-то и говорить нечего. Нѣтъ, голубушка, я тебя запру. Поди! (*Отходитъ.*)

Бородкинъ.

Встаньте, Авдотья Максимовна, Богъ милостивъ! Дѣло обойдется какъ нибудъ. (*Поднимаетъ ее, она плачетъ, они отходятъ въ сторону и разговариваютъ въ полголоса. Входитъ Маломальскій.*)

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ-же и Маломальскій.

Маломальскій.

Свать, а свать, я, примѣрно, молодца-то остановилъ.

Русаковъ.

Ахъ, провались онъ совсѣмъ! Мнѣ-то что за дѣло?...

Маломальскій.

Какъ, свать, нѣтъ, ты не то.... Онъ этаго не должѣнъ.... Онъ, примѣрно, теперь осрамилъ дѣвушку.... ну, и женись.... мы заставимъ.

Русаковъ.

Да мнѣ его и даромъ ненадо, — не то, что насильно заставлятъ. Осрамилъ, — ну, что жъ, нашъ грѣхъ!... Да меня золотомъ осыпъ, я на него и глядѣть-то не хочу, не то чтобъ въ зятя взять.

Маломальскій.

Это къ тому, что теперича.... слухъ этотъ пойдеть.... такъ и такъ.... и, примѣрно, разойдется по городу: кто ее возьметъ?

РУСАКОВЪ.

Что жь дѣлать-то, согрѣшили. На себя пѣнай.

БОРОДКИНЪ (*выступая впередъ*).

Я возьму-съ.

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Гмь!... (*Мигаетъ глазомъ*.) Не бери!

БОРОДКИНЪ.

Будеть вамъ врать-то-съ. Это наше дѣло

РУСАКОВЪ.

Нѣтъ, Иванушка, погоди, тебѣ эта невѣста не годится, я тебѣ найду другую.

БОРОДКИНЪ.

Миѣ другой ненадобно-съ.

РУСАКОВЪ.

Тебѣ надобно дѣвушку честную, чтобъ про нее худой славы не было.

БОРОДКИНЪ.

Что это значить худая слава! — Коли я люблю Авдотью Максимовну, такъ это для меня все одно.

РУСАКОВЪ.

Да она тебя не стоитъ. Ей теперь нечего объ замужествѣ думать.

БОРОДКИНЪ.

Вы давеча сами обѣщали. Я вотъ отъ своего слова не пачусь, а вы пятитесь. А ужь это не порядокъ, Максимъ Федотычъ!... Положимъ, хоша она ваша дочь, а за что жь ее обижать. — Авдотья Максимовна и такъ обижена кругомъ, должонъ кто-нибудь за нее заступиться. Ее жь обидѣли, да ее же и бранить. По крайней мѣрѣ, она у насъ будетъ ласки видѣть отъ меня и отъ маменьки. Что жь такое, со всякимъ грѣхъ бываетъ. Не намъ судить!

РУСАКОВЪ.

Да ты что шумишь-то?

Бородкинъ.

Да мнѣ что шумѣть-то?... Вы мнѣ обѣщали Авдотью Максимовну, и отдайте!...

Русаковъ (*подумавши*).

Да возьми, пожалуй. Эка невидаль!

Бородкинъ (*подходя къ Авдотью Максимовну*).

Авдотья Максимовна, не плачьте, перестаньте-съ. — Теперь васъ никто обидѣть не смѣетъ-съ. Никому не позволю.... самому Максиму Авдотычу, провалиться на этомъ мѣстѣ!...

Авдотья Максимовна.

Иванъ Петровичъ! любите вы меня, меня никто не любитъ. Весь свѣтъ на меня!

Бородкинъ.

Помилуйте, Авдотья Максимовна, есть же во мнѣ какое-нибудь чувство; я вѣдь не звѣрь, и во мнѣ есть искра Божья!

Авдотья Максимовна.

Иванъ Петровичъ! я за васъ буду вѣчно Богу молить, вы заступились за бѣдную дѣвушку. — Ужъ коли тятенька говоритъ вамъ, что вамъ нужно дѣвушку честную, чего же мнѣ ждать отъ другихъ-то?... Этакую муку терпѣть!... Меня бѣ на педѣлю не стало!... Кабы кто видѣлъ мою душу!... Каково мнѣ теперь!... Я честная дѣвушка, Иванъ Петровичъ, — я васъ обманывать не стану. Скажите вы это всѣмъ и тятенькѣ.

Русаковъ (*пораженный*).

Эхъ-ма, свать, состарѣлся я, а все еще глупъ. — За что я ее обидѣлъ? Во гнѣвѣ скажешь слово, а его ужъ не воротишь. — Слово-то какъ стрѣла. Вѣдь иногда словомъ-то обидишь больше, чѣмъ дѣломъ. Такъ ли, свать?... А это грѣхъ... Дуношка, словечко-то у меня давеча въ сердцахъ вырвалось, маленько оно обидно, такъ ты его къ сердцу не принимай. Самому было горько, ну, и сказалъ лишнее.

Авдотья Максимовна.

Тятенька! простите меня.

РУСАКОВЪ.

Богъ тебя проститъ, ты меня-то прости! (*Цѣлуетъ ее.*) Нѣтъ Иванушка, я тебѣ ее не отдамъ!...

БОРОДКИНЪ.

Какъ же это, Максимъ Федотычъ? — Это на что жъ похоже-съ?

РУСАКОВЪ.

Коли хочешь ее взять, такъ переѣзжай сюда и съ матерью, и будемте жить вмѣстѣ.

БОРОДКИНЪ.

Это-то все одно-съ, а то было ужъ я перепужался.

РУСАКОВЪ.

Сестра, поди сюда! (*Входитъ Арина Федотовна.*)

ЯВЛЕНІЕ XIV

ТѢ-ЖЕ И АРИНА ФЕДОТОВНА.

АРИНА ФЕДОТОВНА.

Что вамъ угодно, братецъ?

РУСАКОВЪ.

Ну, прости меня!... Теперь на радости не ссорятся!

АРИНА ФЕДОТОВНА.

И, братецъ, что это вы!... Да смѣю ли я обижаться?...

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

А я.... все-таки.... примѣрно.... его не отпущу....

РУСАКОВЪ.

Кого его?...

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Барина.... То-есть, ни копейки, примѣрно, за постой....

РУСАКОВЪ.

Ну, ужъ я за него заплачу, только, чтобъ онъ убирался поскорѣй.

Маломальскій.

А что, свать, угощеніе будетъ?

Русаковъ.

Будетъ, какъ не быть. Мы еще и не ужинали. Сестрица, при готовь-ка намъ что-нибудь, поздравить жениха съ невѣстой.

Арина Федотовна.

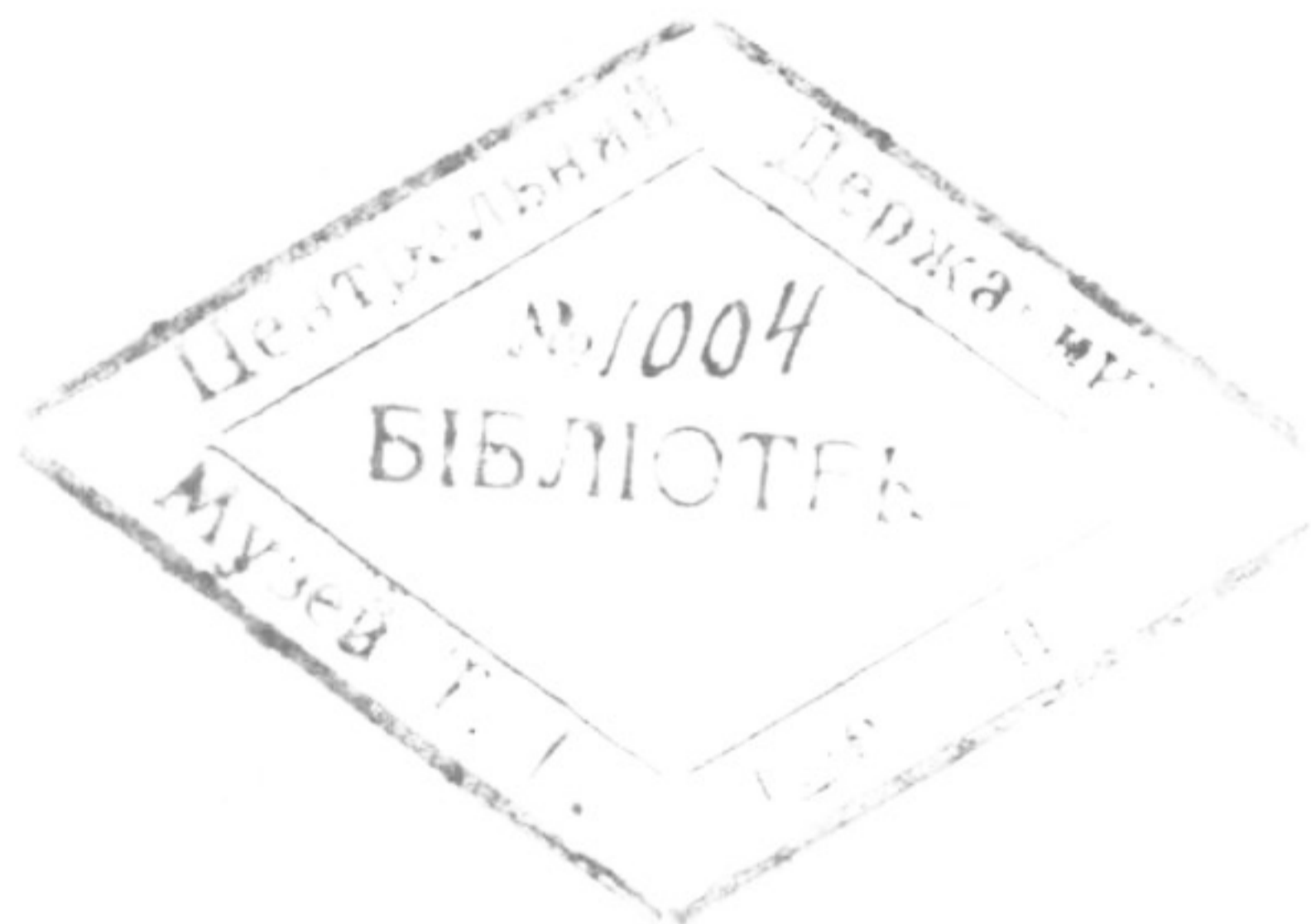
Сейчасъ, братецъ.

Маломальскій.

Ну, ужъ теперь, свать, я загулялъ... ужъ теперь вплоть до свадьбы. Тамъ хозяйка какъ хочетъ, а я, примѣрно, гуляю!...

Конецъ.

1852 г.

DM41
Вст. 193

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стран.
СЕМЕЙНАЯ КАРТИНА	3
— Свои люди — сочтемся.	29
УТРО МОЛОДАГО ЧЕЛОВѢКА	123
— БѢДНАЯ НЕВѢСТА	147
НЕ ВЪ СВОИ САНИ НЕ САДИСЬ.	274
